

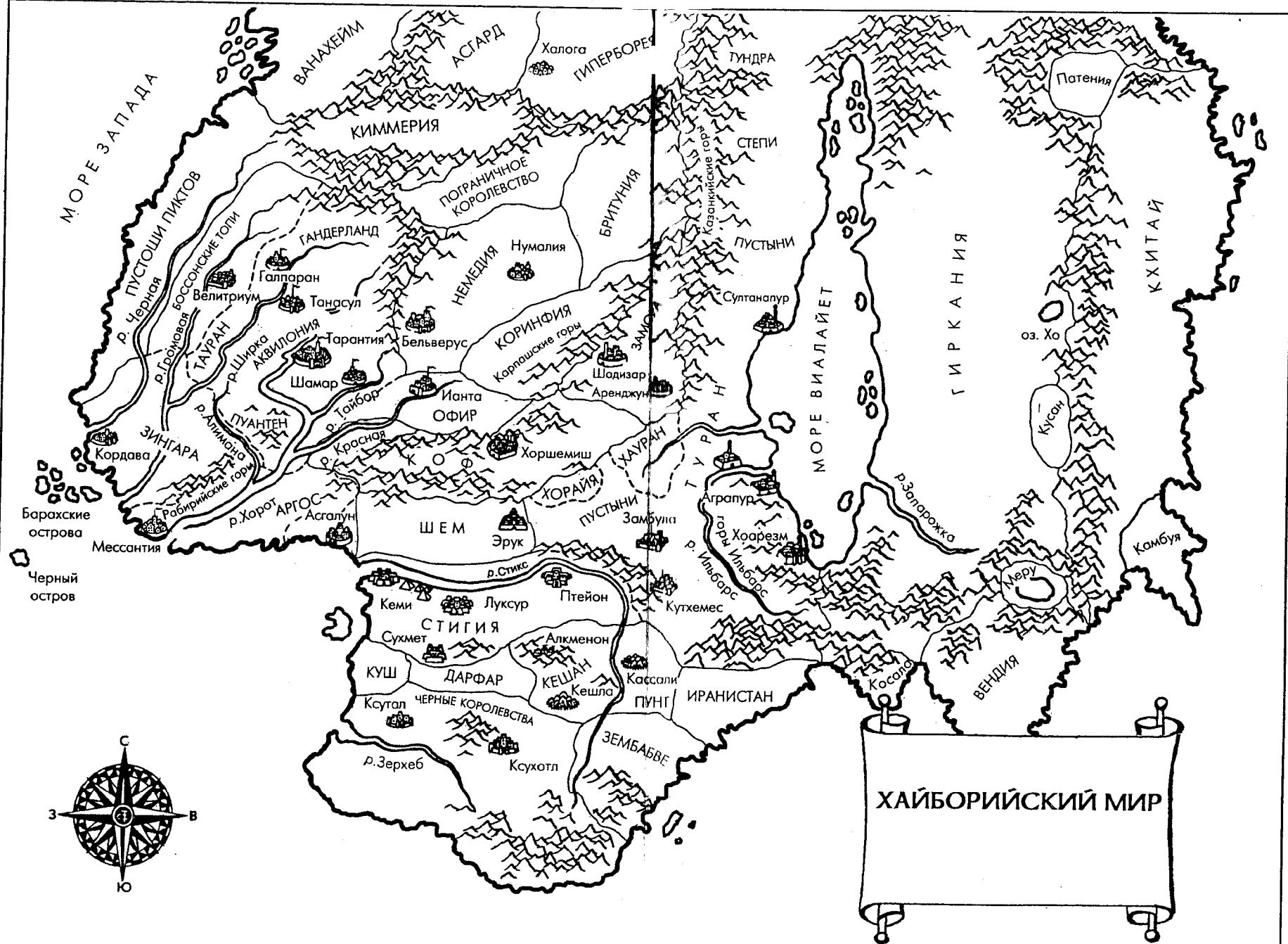
CONAN

КОНАН

И МОРСКАЯ
ВЕДЬМА

•Северо-Запад®

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Наш мир стремительно меняется: приходят и уходят правительства, наступают кризисы, создаются и распадаются издательства, но

Северо-Запад — жив!

Северо-Запад — жив!

Северо-Запад — будет жить!

И потому герои любимых сериалов
всегда с вами!

Мы продолжаем выпускать книги
о Конане-варваре, короле Кулле и Рыжей Соне.

Вас ждут встречи с новыми романами
об удивительном и загадочном Мире Пауков,
увлекательные приключения на далеких планетах
в серии Зарубежная Научная Фантастика
и шедевры жанра фэнтези в самой старой
и знаменитой «Желтой серии» издательства
«Северо-Запад».

Прекрасным подарком нашим читателям
послужит возобновление работы Конан-клуба,
на страницах которого увидят свет статьи
о фэнтези, принадлежащие перу самых известных
мастеров этого жанра, а главное — лучшие
рассказы и повести о могучем Конане маститых
и начинающих отечественных авторов.

Сменяются эпохи... но...

Северо-Запад Forever!

Счастливой магии!

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке

К64 Конан и морская колдунья: Роман.— СПб.: Се-
веро-Запад, 2000.— 488 с.

ISBN 5-93835-002-6

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-93835-002-6

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 2000

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Конана Аквилонского никогда не оставляла тяга к странствиям и приключениям. Заняв трон Аквилонии, он не смог смириться с мирной жизнью, и когда сын его вырос и смог занять его место, Конан исчез. Вновь пустился он в странствия, верша собственный суд мечом, вновь стал грабителем и пиратом, разрушая империи и вознося новых правителей на высоты власти. Но это был уже не тот Конан. С годами к нему пришла мудрость, а горячность заменила расчетливость...

Немедийские хроники

Глава первая

— Он воплощение зла! Держись от него подальше!

Арбас пристально посмотрел на молодого чужестранца, сидящего напротив, и залпом осушил кубок вина, заказанный ему незнакомцем. Этот желторотый юнец, разыскавший его в таверне Селрама Честного, не вызывал в нем ничего, кроме презрения. Еще молоко на губах не обсохло, а уже сорит отцовскими деньгами.

Хорошо известный наемный убийца Арбас, по прозвищу Душегуб, был в тот вечер не в духе. Ему подозрительно внезапно не повезло в кости. Несколько неудачных бросков, и греющая душу горка золота перешла к соседу, а в придачу пришлось вывернуть собственные карманы. Да еще так некстати! Обворожительная служанка этой таверны наградила его холодным взглядом и отошла от его стола с насмешливо-ехидной улыбкой. Но он до

сих пор ощущал прикосновения ее ласковых и дразнящих пальчиков у себя на груди под кожаной курткой.

«Может быть она просто расстроилась из-за того, что теперь не сможет на мне заработать?» — угрюмо подумал Арбас, успокаивая себя.

А тут еще явился этот чужеземец, чьи высоко светские манеры никак не вязались с болтающимся на нем рубищем. Представился он просто — Имиль. Однако к делу он переходит не торопился. Нес разную чепуху, повторял городские сплетни недельной давности. Но кто же поверит в его бескорыстие! Можно подумать, что этот Имиль решил посвятить весь остаток жизни тому, чтобы непрерывно наполнять до краев крепким вином кубок Арбаса. Не попавшись на крючок, Душегуб тем не менее решил не мешать глупому мальчишке швырять деньги на ветер. Еще никому не удавалось напоить Арбаса. Из своего богатого профессионального опыта наемный убийца знал этот сценарий наизусть. Рано или поздно, собутыльник очень естественно и непринужденно, как бы невзначай, начнет рассказывать о каком-нибудь личном сопернике, вонючем ублюдке, за чью безвременную кончину он готов заплатить...

Арбас уже прикидывал в уме, какую сумму можно будет вытянуть из чужестранца, когда тот внезапно прервал его подсчеты и заставил забыть о деньгах. Разговор вдруг принял неприятный оборот. Имиль заговорил о человеке, чьей смерти желали слишком многие. Душегуб с удивлением обнаружил, что незнакомец как бы невзначай заговорил о Конане...

— Воплощение зла? Да мне плевать на его характер! Я потратил столько времени и сил, рыская по трущобам Кордовы, не для того, чтобы найти здесь приличного жениха для своей сестры! Я хочу поговорить с Конаном. И ничего больше. Мне сказали, что ты знаешь, как его найти.— Чужеземец говорил на диалекте южной Зингары с картавинкой, выдававшей в нем уроженца Аграпура, столицы Турана, чьи владения начинались милях в пятистах к юго-востоку.

— Да ты просто осел! — отрезал Душегуб и опрокинул остатки вина себе в глотку.

Скрытое в тени капюшона тонкое лицо Имilia вспыхнуло от гнева. Мысленно проклиная грубость и несговорчивость наемного убийцы, он подал знак проходящей мимо служанке таверны снова наполнить пустой кубок Арбаса. Чужестранец небрежно бросил ей три бронзовые монеты, которые неторопливо вынул из увесистого кошелька, намеренно продемонстрировав его собеседнику. Трудно сказать, произвело ли это впечатление на Душегуба, но девушка, наливая вина, прижалась к плечу Имilia и, резко отклонившись, многообещающе улыбнулась.

«Продажная тварь», — с досадой выругался про себя Арбас, не отрывая взгляда от алых отпечатков ее нарумяненных грудей, оставшихся на сером плаще туранца. Однако внешне Душегуб остался невозмутим и, неторопливо прихлебывая вино, делал вид, что ему наплевать на глупую девку.

— Кто-то слишком много про меня болтает. Чертовски много. Кто? Кто сказал тебе, что я знаю, где найти Конана?

— Этот человек просил меня не называть его имени.

— Имена!.. Имена!..

«Только не называйте ничьих имен! И пусть тебя сожрет Сет!»

— Или ты скажешь мне имя болтливого ублюдка, пославшего тебя ко мне, или ступай и сам ищи Конана. Да, и не забудь заглянуть в седьмой круг ада. Там ему самое место! Ты ведь знаешь, какая цена назначена за его голову? Немного найдется в западных королевствах людей, которые бы не продали свои души дьяволу, если бы им только представился шанс выдать Конана турецким.

Тем временем жизнь в таверне кипела. Костлявая фигура Селрама Честного то и дело мелькала у двери в винный погреб. Засаленные редкие волосенки оттеняли мертвенно бледность его вытянутого лица, с которого не сходила словно приклеенная улыбка. Хозяин внимательно следил за всем, что происходило в зале.

А простой люд гулял вовсю. Большинство посетителей, находясь в подпитии, пребывали в хорошем расположении духа. Они шумно и радостно наслаждались жизнью: играли в кости, развлекались со шлюхами, предавались пьяному разгулу. Кого здесь только не было: голосистые задиристые головорезы; темные личности, промышляющие на темных переулках Кордовы; безрассудные наемники правителя Зингары в темно-зеленых рубашках и кожаных штанах; бродяги со странным акцентом, заглянувшие в город по дороге, пришедшие неизвестно откуда и идущие неизвестно куда и зачем; соблазнительно полураздетые улич-

ные девки, чей громкий истерический смех никак не вязался с их усталыми лицами. Два светловолосых наемника из Британии вскочили, вытащив ножи, готовые разорвать узы многодетной дружбы. Они решили разом выяснить все разногласия, возникшие между ними, в схватке не на жизнь, а на смерть. Смазливая проститутка с любопытными спиральными шрамами на ярко нарумяненных грудях профессионально опустошала кошелек неосторожного матроса, увлеченного ее прелестями. Лысеющий, уставший от жизни офицер городской стражи жалобно хныкал, выпрашивая выпивку у глумящихся над ним жителей окрестных деревень.

Некоторые посетители сбились в тесные группки и о чем-то заговорчески перешептывались. Если бы страж правопорядка не поленился прислушаться, то узнал бы много интересного о замышляемых в городе преступлениях. Но офицер старался не нарываться на лишние неприятности. Он редко заглядывал в припортовые переулки Кордовы. Разве только ясным днем, чтобы провести поборы среди контрабандистов. Селрама же Честного проблемы посетителей не волновали, пока у тех хватало денег, чтобы платить за гостеприимство. Совать нос в чужие дела здесь считалось неприличным. Поэтому на приглушенный разговор Арбаса Душегуба и чужеземца из Турана никто не обращал внимания.

Никто, если не считать одноухого наемника, чьи искореженные доспехи не поддавались описанию. Он вошел в таверну Селрама Честного вскоре после Имиля. Свирепое выражение лица и вет-

хие латы дородного воина надежно защищали его от приставаний предпримчивых шлюх и излияний болтливых пьяниц. На руке, в которой однажды держал кубок с вином, поблескивал массивный серебряный перстень причудливого переплетения с громадным аметистом. Камень ярко вспыхивал фиолетовым огнем в тусклом желтоватом свете прокуренной таверны каждый раз, когда его владелец подносил кубок к губам. Однако угрюмый солдат сидел так далеко от тихо беседовавшей пары, что не мог слышать ни слова из их разговора. Впрочем, вполне возможно, что взгляды, которые он время от времени бросал в ту сторону, предназначались темноволосой девушке в пестрых шелках, танцующей на столе позади Душегуба и туранца.

Не обращая внимания на все нарастающее недовольство, написанное на смуглом лице наемного убийцы, Имиль не торопился с ответом. Неожиданно он понял, что Арбас коварнее и опаснее, чем показался ему вначале. Юноша колебался, не мог решить, насколько можно доверять Душегубу. Однако у него не было другого выхода. Придется сказать. Значит, необходимо это сделать как можно дипломатичнее. С одной стороны, ответить на вопрос, а с другой — постараться не выболтать ничего существенного.

— Ладно. Меня послал к тебе Биндофф.— Юноша довольно ухмыльнулся, глядя, как испугался Арбас, услышав имя Черного Отшельника.— Ну так что? Ты отведешь меня к Конану?

Отношение Душегуба к туранцу сразу резко изменилось. С самого начала прикинув, что у за-

казчика в карманах немало денег, Арбас все это время обдумывал, где и когда его можно будет тихонько прирезать. Но то, что чужестранец знал о связи Конана с Черным Отшельником, в корне меняло дело. Так просто Биндофф никогда не проболтался бы. Значит, каким-то невероятным способом этот молокосос смог завоевать его доверие. Может быть, стоит рискнуть...

— Ты сказал двадцать пять золотых монет? — небрежно переспросил Арбас.

Юноша выдержал паузу, словно давая наемному убийце повод набить себе цену.

— Я могу дать и больше.

Душегуб неторопливо слизнул пену с усов и, наконец, ответил:

— Согласен на двадцать пять монет. Я устрою тебе встречу с Конаном. Деньги принесешь сюда через два дня.

— Почему не сегодня? — спросил Имиль.

— Об этом, дружище, и не мечтай. Мне еще надо навести о тебе справки, прежде чем окончательно согласиться на эту авантюру.— Уловив раздраженное нетерпение заказчика, Арбас добавил, цитируя: — «Счастливый в своем безрассудстве глупец непременно попадет в объятия Зла».

Имиль рассмеялся.

— Уволь меня от проповедей. Скажи, что такого в этом Конане, что создало ему столь дурную репутацию? Ведь нехорошо клеветать на ближнего своего.

На это Душегуб, хмыкнув, проворчал:

— Не забудь задать мне свой вопрос еще раз, после того как повидаешься с ним!

Глава вторая

Река Черная, несущаяся бурным потоком по извилистому руслу сквозь мили скалистого предгорья, питалась холодными ключами и крохотными ручейками, стекающими с высоких киммерийских гор, находящихся далеко на севере. Лишь достигнув долины, обрамляющей побережье, она наконец немного успокаивалась и, полноводная, но все еще быстрая, устремлялась к западному морю, создавая глубокий судоходный канал протяженностью в пятьдесят миль. По обе стороны от него раскинулись плодородные обработанные земли и богатые леса.

Город Кордова расположился на самом берегу реки, там, где она, спускаясь с невысоких холмов, впервые попадала на равнину. Благодаря широкому каналу, дающему хороший выход в океан, он вскоре стал довольно крупным внутренним портом. Здесь получали и экзотические товары с

купеческих кораблей, волею судеб заброшенных в западные моря, и драгоценные камни, сплавляемые на плотах с восточных гор полутиками аборигенами.

Холмы, окружающие Кордову, были покрыты редким лесочком и изрезаны глубокими ущельями с живописными обрывистыми склонами, на которые выходили обнаженные пласты горных пород. Там когда-то давным-давно быстрые ручьи проточили мягкий известняк. Предгорье, усыпанное в изобилии острыми каменными глыбами, словно набросанными каким-то исполином, тянулось, насколько хватало глаз. Эти скалы возвышались над долиной, порой достигая нескольких сотен футов в высоту, и были практически непрходимыми. Они охраняли южную Зингару, отмечая, как утверждали некоторые ученые, границы, до которых в былые времена докатывались волны античных морей.

Скалы на холмах за городом, как соты медом, были заполнены гробницами. Но сравнительно недавно в эти места с юга пришел культ Хормента, который ввел обычай кремировать умерших. И теперь, уже больше столетия, склепы не использовались, а ведущие к ним тропинки, никем не охраняемые, давно заросли колючим кустарником.

Жители старой Кордовы были народом практическим. Их религиозные обычаи не вынуждали родственников устраивать расточительно богатые гробницы для мертвых. В те дни даже хорошо обеспеченные люди помещали тела своих близких в обычные деревянные ящики, которые устанавливали в ниши вырубленных в скалах усыпаль-

ниц. Туда не вкладывали ничего лишнего, не создавая соблазнов для возможных грабителей. Никаких личных вещей покойных. Только одежду, в которой хоронили, и иногда дешевые украшения-побрякушки. Поэтому ни у кого никогда не возникало желания проскользнуть ночью мимо нескольких солдат, охранявших склепы, чтобы исследовать содержимое гробов. Да и возможность встречи с представителями потустороннего мира не привлекала. Усыпальницы Кордовы были печально известны своими жуткими призраками. Поэтому все жители города избегали появляться на кладбище даже днем.

* * *

В эту ночь, несмотря на жуткую бурю, по извилистой заросшей тропке, ведущей именно к этим скалам, с трудом поднимались двое. Молния то и дело рассекала кромешную тьму, заливая голубым сиянием мокрую и скользкую от дождя каменистую дорожку, проложенную вдоль глубокого обрыва. Яркие неожиданные вспышки освещали путь куда лучше, чем тусклый фонарь в руке Арбаса.

— Осторожнее,— крикнул Душегуб, обернувшись.— Здесь очень опасный участок! — При этом сам он не успел последовать собственному совету и чуть не упал. Балансируя на скользком валуне, пытаясь удержать равновесие, наемный убийца едва не выронил в пропасть давным-давно потухший фонарь.

Туранец что-то зло проворчал и стал сосредоточенно смотреть под ноги, стараясь держаться

тропинки. Один неверный шаг, и потом костей не соберешь на острове щебне у основания скалы. Снизу из темноты до него доносился рев воды, стремительно несущейся в узком глубоком русле.

— Ты мог бы выбрать место для свидания с Конаном и посуше! — прокричал Имиль, пытаясь перекрыть завывания ветра и шум воды. Однако в его голосе не было слышно и намека на страх.

Арбас оглянулся. На темном мокром лице убийцы мелькнула злорадная ухмылка.

— А ты уже передумал встречаться с ним? — В ответ на поток грязных ругательств спутника проводник громко расхохотался.— Нам повезло с погодой. Ночь как по заказу. Ведь если кто-нибудь попытается проследить за нами, то буря — неплохое прикрытие. И потом тебе ведь хорошо известно, что Конан и носу не может высунуть из своей норы. Его голова на территории Зингары, впрочем, как и в Туране, теперь стоит слишком дорого. Но даже если забыть об этом, неужели ты думаешь, что он побежит на свидание с каждым встречным, кто по каким-то причинам захочет поговорить с ним? Разве что дело действительно будет стоить его драгоценного времени. Ведь ты до сих пор не сказал, зачем тебе нужно видеть Конана,— напомнил Душегуб.

— Я расскажу об этом только ему самому,— отрезал Имиль.

Арбас, паясничая, почтительно закивал.

— Ах-ах. «Я расскажу об этом только ему самому». Ах-ах. В таком случае не буду портить драматического эффекта. Не хотел обидеть вас, ваше высочество. Простите.

Туранец никак не отреагировал на оскорбительный тон спутника и молчал весь оставшийся путь.

Справа от них поверхность скалы была испещрена зияющими отверстиями. Когда-то эти дыры служили входами в ныне заброшенные погребальные пещеры, прорубленные в известняке рабами, давно ушедшими вслед за своими хозяевами. Округлые своды довольно высоких проемовтонули во тьме. При вспышках молнии казалось, что потолки склепов в глубине еще выше. Когда-то доступ к могилам преграждали крепкие деревянные врата, закрывающиеся на засовы, но с течением времени все они так или иначе были повреждены. Несколько особенно крепких дверей еще болтались на пересохших петлях. Большинство же или вовсе отсутствовали, или висели вкривь и вкось — сломанные останки сгнившего дерева и проржавевшего металла.

Имиль мрачно раздумывал над тем, руки какого исполина могли разломать на части эти крепкие запоры и разорить могилы, которые они закрывали, и зачем это могло кому-то понадобиться. Однако время и место явно не подходили для подобных размышлений. Тьма внутри склепов была намного глубже, чем чернота ненастной ночи. А в сыром воздухе все еще висел запах разлагающихся тел, не выветрившийся за целое столетие. Юноша напрягался каждый раз, когда они проходили мимо зловещих проемов. По спине пробегали мурашки. Ему мерещилось, что кто-то смотрит на них из темноты пещер. Время от времени он слышал еле уловимый звук быстрых шагов и шарканье ног, доносящиеся изнутри. Имиль молил

всех святых, чтобы это оказались просто большие крысы, потревоженные в норах. К тому же, что только не почудится в бурю.

— Я думаю, это здесь, — коротко бросил Арбас и свернулся в один из затхлых склепов. Он поднял над головой фонарь, который каким-то чудом продолжал гореть. Молодой человек огляделся.

Пещера по форме напоминала букву «Г». Сначала шел небольшой коридорчик футов двадцать, а затем, под прямым углом к нему, второй, более широкий, около пятидесяти футов длиной. В высоких стенах первого узкого прохода виднелись высеченные в три ряда ниши, когда-то заполненные гробами. Теперь же неповрежденными остались только несколько источенных жучком деревянных ящиков. Остальные были разломаны, и их содержимое рассыпалось. Впрочем, никто не смог бы сказать наверняка, что стало тому виной — время или вандальизм.

Сразу за поворотом висел занавес из двух слоев плотной ткани. Он не пропускал холодных сквозняков с улицы и служил маскировкой, если внутри зажигали свет. Похоже, пещеру приспособили под жилье совсем недавно. Арбас откинул тяжелый полог.

Здесь, в этом древнем, населенном тенями склоне, Конан устроил свое логовище.

— А где же хозяин? — недовольно спросил Имиль. Ему не терпелось перейти прямо к делу и поскорее стряхнуть с себя неясные страхи, преследовавшие его с тех пор, как он вошел на кладбище.

— Не привыкли ждать? Придется. Хозяин появится здесь, когда сочтет нужным. По крайней мере, он знает, что мы должны прийти сюда сегодня ночью, — невозмутимо заметил Арбас и занял единственный в склепе стул.

Проклиная Душегуба за наглость, туранец, оставшись стоять, осмотрелся. Помещение было удивительно хорошо обставлено, особенно учитывая трудности, с которыми неизбежно пришлось столкнуться тем, кто притащил сюда эти вещи, рискуя вызвать подозрение стражников и привести за собой хвост. В углу на полу — роскошная кровать, сооруженная из матраса, покрытого несколькими большими шкурами. Помимо стула у стены стоял стол, на нем две лампы, бутылки, недоеденный ужин и, что самое удивительное, несколько книг, свитков пергамента и письменные принадлежности. В пустых нишах в беспорядке накиданы разнообразные предметы: кувшины с маслом, арбалет и несколько колчанов со стрелами, посуда, съестные припасы, боевой топор, древние кинжалы на любой вкус, кольца, браслеты и прочие металлические побрякушки. Неподалеку от стола на камнях тлели угли. Конан позволил себе построить небольшую жаровню. Штабель не сожженных досок красноречиво рассказывал о том, какое применение бесполезно пропадающим гробам нашел новый жилец.

Рядом с туранцем на полу, сваленные в кучу, лежали кости бывших обитателей склепа, и когда взгляд юноши упал на необычный курган, ему стало не по себе. Имиль никогда не отличался особенной щепетильностью. И не страх перед гневом

души этих умерших заставил его поежиться. Просто, скорее всего, в нем всколыхнулось дурное предчувствие от вида полуискрошившихся костей. Они были изглоданы и аккуратно расщеплены, а весь костный мозг вычищен. Так аккуратно разрезать их могло только разумное существо. Он представил себе, как крысы пожирали эти гниющие трупы, и вздрогнул, хотя останки уже почти превратились в прах.

От нечего делать Имиль поковырялся в горке древних металлических украшений. Его слегка разочаровало отсутствие чего-нибудь, стоящего внимания.

— Конан шарил в гробницах, чтобы набрать такого хлама? — спросил он и вздрогнул от неожиданности, напуганный гулким эхом.

Арбас пожал плечами.

— Не знаю. Он скрывается здесь уже достаточно долго. На его месте любой бы уже начал потихоньку сходить с ума. Я думаю, он шарил в могилах, желая убить время. А может быть, Конан собирается как-то их использовать. Например, составить каталог для педантов из Тарантийской академии. Прикинь, а что бы ты делал, если бы скрывался в склепах столько времени? Конан же... Впрочем, я не знаю. — Душегуб закончил речь каким-то невнятным бормотанием и с особым интересом стал рассматривать свой кинжал.

Имиль разочарованно вздохнул и продолжил осмотр пещеры, чтобы как-то отвлечься от дурных предчувствий. Над сводами проема у входа он заметил таинственные замысловатые надписи и архаические пиктограммы. Сравнив их с теми,

что попадались ему до сих пор, юноша понял, что здесь нарисовано какое-то заклинание против сверхъестественных сил. Не зная точного значения, он, чтобы занять время, стал внимательно разглядывать причудливые рисунки, задумчиво поглаживая непривычно щетинистый подбородок.

Шум грозы, доносившийся снаружи, и мрачная обстановка заставляли Имиля нервничать все больше и больше с каждой минутой. Наконец он подошел к Арбасу, который бесстрастно точил кинжал о камень, лежащий на столе. Наклонившись, турانец стал разглядывать книги. Они вызвали в нем восхищение, но не столько содержанием, сколько ценой. Он с любопытством перелистал некоторые из них. Две были написаны на стигийском языке. В остальных ему не удалось ничего разобрать, за исключением одной, в которой несколько слов показались смутно знакомыми. Самый древний и большой фолиант сразу привлекал внимание своей необычностью. Изображенные на его листах странные существа словно не были нарисованы художником. Неужели Конан так дорожил этими книгами, что перенес их в склеп? Его удивило уже то, что разбойник умел читать. По скучным сведениям, которые удалось собрать об этом человеке, Имиль знал Конана как отважного и искусного воина, неистового и беспощадного. Такие обычно относятся с презрением ко всему, что хотя бы каким-то образом связано с искусством и наукой.

Стараясь не показать своего любопытства, туранец как бы между прочим заглянул в одну из

книг, написанных на стигийском языке. Внезапно его взгляд наткнулся на странную диаграмму, целиком заполнившую страницу. Испуганный, он все же заставил себя прочитать надпись под рисунком и понял, что его подозрения оправдались. Молодой человек с ужасом захлопнул книгу и быстро положил ее обратно на стол. Это была колдовская книга! Может быть, Конан не только солдат, но еще и колдун? Юноша вспомнил предостережение Арбаса и почувствовал, как по позвоночнику пробежал легкий холодок.

Он взглянул на Душегуба и увидел, что тот перестал точить нож и теперь ухмыляется, по-видимому заметив внезапный ужас в его глазах. Гнев жаркой волной захлестнул Имиля, смыв недавний страх.

«Любой нормальный человек испугается, склонившись с черной магией», — подумал он, успокаивая самого себя, и рявкнул на Арбаса:

— Брось свои дурацкие усмешки!

Тот только хмыкнул в ответ.

Ругаясь на чем свет стоит, Имиль стал метаться по склепу.

«О боги Вилайета! Каким же я был глупцом, согласившись совершить это путешествие! К тому же я дал вовлечь себя в ее безумные планы!»

Сообразив, что он вот-вот потеряет над собой контроль, молодой человек остановился, попытавшись взять себя в руки.

— Твой Конан придет сюда когда-нибудь или нет?

Арбас пожал плечами. Казалось Душегуб и сам уже начинал беспокоиться.

— Может быть, хозяин не знает, что гости уже здесь? — предположил он.— Давай возьмем фонарь и посигналим ему, поднявшись на скалу. Вряд ли кто-нибудь, кроме Конана, бродит вокруг в такую непогоду.— С этими словами наемный убийца поднял с пола свой помятый светильник и направился к выходу. Юноша поспешил следом за ним.

Едва они завернули за угол к входу в тоннель, как непрерывная цепочка молний, разорвав полночное небо, осветила неровным синеватым заревом мужчину, только что вошедшего в склеп. Имиль застыл на месте как громом пораженный. При виде четко выделяющейся на фоне ярких вспышек темной фигуры у него перехватило дыхание. В голове мелькнули слова Арбаса, сказанные при их первой встрече: «Ищи его в седьмом круге ада!» По правде говоря, этот силуэт Конана-киммерийца напоминал видения из ночных кошмаров и мог бы вполне принадлежать демону, или самому Сету, вышедшему из преисподней.

К тому же в тот самый момент молния залила Конана мертвенным адским сиянием. Черты лица различить было невозможно. Конан появился подобно черной тени. Ветер разевал его промокший плащ. Могучая фигура боролась с бурей, а вынутый из ножен меч блестал голубым огнем. Глаза зловеще сверкали в темноте.

Свет снаружи померк. Конан приблизился.

— Убери фонарь за полог! — рявкнул он на Душегуба.

Арбас откинул занавес, пропуская вперед хозяина. Тот отшвырнул свой насквозь промокший

плащ на пол и отряхнулся. Вода стекала с него потоками. Выругавшись на каком-то странном языке, он налил себе полный кубок вина, выпил ее залпом и наполнил следующий.

— Прекрасная буря! Но сушиться в этой промозглой дыре — удовольствие ниже среднего,— проворчал Конан, прежде чем снова хлебнуть согревающей жидкости.— Арбас, посмотри, нельзя ли там раздуть огонь. Сегодняшней ночью дым не опасен... Садись, Имиль, и глотни вина. Оно заставит тебя забыть о сырости и неудобствах. Зингарцы умеют делать напиток богов. Я всегда ценил это в них.— Плеснув себе очередную порцию, он присоединился к Арбасу, хлопочущему возле огня.

Юноша с благодарностью плюхнулся на освободившийся стул и, видя, что кубков больше нет, сделал несколько осторожных глотков прямо из бутылки. Слишком взволнованный событиями последних нескольких часов, он по достоинству оценил приятную на вкус жидкость, которая согрела и немного успокоила его.

Поручения подобного рода всегда были ему не по душе, и молодой человек снова, уже в который раз, пожалел, что не удалось уговорить ее послать сюда кого-нибудь другого. Ну хотя бы этого презренного Оксфорса Альремаса. Дело не в том, что Имиль считал его более подходящим для поручений, связанных с интригами и хитрой дипломатией. Просто заносчивость правителя Кутхемеса порой становилась невыносимой, и турانец с наслаждением представил себе, каково бы пришлось сверхчувствительному аристократу

под потоком браны и пренебрежения, который сейчас обрушился на него.

Вскоре Арбасу удалось раздуть костер, и доски от гробов весело затрещали в огне. Из-за сильного ветра, бушующего снаружи, по пещере гуляли сквозняки и дым вытягивало на улицу. Стало даже как-то уютнее. Пламя осветило склеп, и Имиль смог получше рассмотреть его хозяина.

Это был крупный мужчина, чуть выше шести футов, хотя благодаря исключительной массивности тела он казался более низким. Толстая шея, широкая грудь, стальные мускулы — все говорило о чудовищной мощи киммерийца. Большие кисти рук с длинными сильными пальцами. Они подошли бы художнику, если бы не были столь грубыми. Юноше довелось однажды видеть подобные руки, когда казнили их владельца, известного душителя. Для пущей наглядности после кровавой расправы на площади Правосудия рядом с посаженной на кол головой выложили отрубленные конечности. Возраст Конана определить трудно. Разбойник выглядел лет на тридцать, но при общении с ним возникало смутное ощущение, что он намного старше. Имиль ожидал увидеть мужчину лет пятидесяти, поэтому решил, что Конан просто хорошо сохранился. У него были смуглая кожа и черные волосы, ровно подстриженные на уровне плеч. Короткая борода. Чертвы лица суровые и тяжеловесные, слишком примитивные и неотесанные, чтобы считаться красивыми, но благородные, как у большинства киммерийцев.

Конан почувствовал, что турец изучает его, и их взгляды встретились. У Имilia опять мороз

пробежал по коже, как тогда, на пороге склепа, при свете молний, когда он впервые увидел этого человека. На него смотрели два обжигающие холодных голубых кристалла льда. В них затаился огонь безумия, смерти, муки и адской ненависти. Взгляд проникал прямо в душу, словно читая все самые затаенные мысли, опаляя изнутри. Это были глаза безжалостного убийцы.

Раздался демонический хохот, и Конан отвернулся, отпустив молодого человека из леденящего голубого плена. Юноша медленно приходил в себя, пытаясь побороть слепую панику. Словно во сне или под гипнозом, его рука потянулась за бутылкой вина. Никогда еще он так не нуждался в восстановлении душевных сил.

Та, которая дала ему это поручение, всегда внушала Имилю отвращение. Она была изуродованным, изломанным сосудом ненависти, живущим только за счет всепоглощающей жажды мести. Ни один человек не мог, приблизившись к ней, не ощутить, что внутри у нее горят тёмный огонь неистовой злобы. Но это омерзение не шло ни в какое сравнение с тем ужасом, который пронзила юношу, когда он заглянул в глаза Конана. Глаза киммерийца горели не просто безумием, в них светилась холодная расчетливая жажда смерти. Бессмысленная потребность истреблять и разрушать, отвращение ко всему живому, к самой жизни. С таким выражением глаз Смерть, должна быть, приветствует новых умерших, а Повелитель Демонов принимает в свои владения вечной тьмы заклейменные страшным проклятием души.

— А теперь, Имиль, ты мне расскажешь, что привело тебя сюда?

Молодой человек мигом очнулся от раздумий, когда Конан обратился к нему. Подняв голову, он обнаружил, что тот уже отошел от костра и присел на край стола напротив. Хозяин внимательно наблюдал за туранцем, и на его суровом лице появилась издевательская усмешка. Адский огонь в глазах померк, но все еще тлел. В длинных сильных пальцах Конан вертел серебряный перстень. Имиль решил, что это была одна из побрякушек, разбросанных по всему склепу.

— Мне кажется, что лучше бы причина оказалась очень веской. Не то, чтобы я страдал от недостатка времени в этой дыре. Но твой приход сюда может поставить под удар нас с Арбасом.— Хозяин склепа поднес кольцо поближе к огню. По всей вероятности, его внимание привлек причудливый узор.— Разумеется, ты уверен, что за вами никто не следил...

Конан как бы невзначай пододвинул к себе лампу, чтобы получше разглядеть украшение. Имиль раздраженно нахмурился.

— Интересно...— пробормотал киммериец, рассматривая камень на свет. В его руке, излучая мягкое фиолетовое сияние, засверкал аметист громадных размеров, и юноша узнал перстень.

Холодный страх пронзил молодого человека. Рука неосознанно потянулась к мечу. Не успел он еще притронуться к рукоятке, как перед глазами что-то мелькнуло, появившись из-за спины, и островерхое лезвие кинжала притронулось к его горлу. Арбас! Он совсем забыл про наемного убийцу.

— Подожди, Душегуб,— приказал Конан, даже не сдвинувшись с места.— Ты знаешь, мне кажется, Имилю знакома эта вещица.

Арбас поплотнее прижал к горлу туранца клинок, когда тот попытался вскочить. Юноша послушно опустился на место.

— Как ты догадался? — спросил Душегуб с наигранным недоумением.

— Ну мне почудилось, что его лицо сильно побледнело при виде этого перстня? А что ты думаешь по этому поводу?

— Может быть, его просто поразила величина сапфира.

— Вряд ли. Тем более что это аметист.

— Не все ли равно.

— Нет, Арбас, я думаю, ты на ложном пути. Бьюсь об заклад, что наш юный друг как раз вспомнил, что последний раз он видел это кольцо на руке человека, которого хорошо знал. Возможно, на пальце одного ублюдка, крадущегося следом за вами.

В голосе Арбаса зазвучало беспокойство.

— Следящего за нами! Дружище Имиль, это ставит меня в дурацкое положение.— Он сильнее прижал клинок ножа к горлу юноши. Молодой человек начал хрипеть и попытался отодвинуться от остро наточенной стали.

— Это аквилонский клинок,— вкрадчиво прошептал Душегуб ему на ухо.— Горные умельцы севера тратят недели на то, чтобы закалить свои изделия, придавая им такую удобную форму. Они говорят, что сталь становится хрупкой, как у кухонных ножей, изготовленных на равнине, если

ее обильно не поливать теплой кровью врага каждые десять дней.

— Мне отсюда кажется, что это работа шемитов,— возразил Конан.

— Все потому, что шемитский мастер изгото-
вил рукоять по моему заказу,— пояснил Арбас с
видом оскорбленной добродетели.— По крайней
мере, тот знатный господин, владелец кинжала,
перед тем как я его убил, клялся, что это акви-
лонский клинок. Их сталь нельзя перепутать ни
с какой другой. Посмотри, как плавно она сей-
час войдет в горло Имиля.

Конан покачал головой и поднялся со стола.

— Если мы его и убьем, то чуть позже. Дай ему
отдышаться. Ведь всего только один человек сле-
дил за вами. И я его дождался. Думаю, Имиль нам
сейчас все расскажет.

Взгляд киммерийца поймал юношу в свои
страшные сети. Теперь в светло-голубых гла-
зах северянина огнем пылала ярость. Молодой
человек понял, что находится на волосок от
смерти.

— Кто это был? Почему он следил за тобой? —
Конан не стал тратить времени, предупреждая
юношу о том, что врать не стоит. Впрочем, Имиль
все равно не смог бы согнать под этим присталь-
ным холодным взглядом.

— Это офицер, сопровождавший меня от Зам-
булы. Мой телохранитель. Ведь мне пришлось
долго болтаться по закоулкам Кордовы, чтобы
найти вас. Сегодня вечером, отправляясь на встре-
чу с Арбасом, я приказал ему не выпускать меня
из поля зрения...

Наконец, Конан прервал его запинающуюся
речь.

— Разумеется. Потому что ты не доверял Душегубу. И не без оснований. Едва бы вы остались
наедине, Арбас убил бы тебя без сожаления и взял
бы все, что нашел, не важно сколько. Но я велел
ему привести тебя сюда. С моей стороны это чи-
стое любопытство. Вот, что смог рассказать о тебе
старина Биндофф: ты самый младший отпрыск
обедневшей туранской знатной семьи, человек
сомнительной честности, но, судя по всему, дос-
таточно находчивый. Ты вручил ему довольно лю-
бопытные верительные грамоты и спросил, где ме-
ня можно разыскать. Таким образом, ты оправдан,
но не прощен. Учитывая тот факт, что любой
добропорядочный гражданин Зингары, а об Туране
я и не говорю, жаждет моей крови, я не могу
рисковать. Твой приход сюда для меня сопряжен
с большим риском. Может быть, удача сопутствует
мне сегодня ночью, поскольку я не заметил слежки
за твоим другом. Но все-таки мне пришлось по-
торчать под проливным дождем уже после того,
как я покончил с одноухим, чтобы убедиться, что
за ним нет хвоста... Видишь ли, Имиль, тебе я тоже
не доверял. Поэтому я ждал вас, спрятавшись в
скалах рядом с тропинкой. Сначала проследил, как
вы с Арбасом прошли мимо, а потом встретил
твоего друга. Мне кажется, я его слегка напугал.
Все же интересный у него перстень.

С нарочитой небрежностью Конан бросил коль-
цо в кучу побрякушек, вынутых им из могил. Он
сделал знак разочарованному Душегубу отпустить
юношу, а затем продолжил допрос:

— Итак, вернемся к нашим баранам, какое у тебя ко мне дело?

Когда лезвие ножа отодвинулось от горла, Имиль медленно набрал воздуха в легкие. Струйки пота щипали покрасневшую полосу на шее, там где только что был прижат клинок. Чувствуя горячее дыхание Душегуба на затылке, молодой человек попытался собраться с мыслями. Он понимал, что сейчас от его слов зависит его жизнь, и заговорил:

— Я послан сюда той, которая нуждается в твоих услугах и заплатит за них по-королевски.

— Не может быть! Немного расплывчато, но перстень довольно занятный. Изъясняйся, однако, поточнее. Насколько велико будет мое вознаграждение?

— Богатство, власть, положение в обществе, возможно, и королевство.

— Это уже интереснее. Давай послушаем детали. Особенно те, что касаются платы за мои «услуги», как ты их называешь.

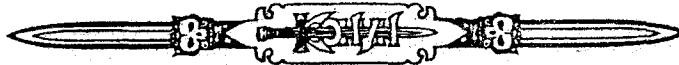
— Разумеется. Но сначала расскажите, что вы знаете о состоянии дел в Туранской империи?

— В настоящий момент очень немного. С тех пор как я последний раз навещал ваши края, прошло довольно много времени.

— В таком случае вы извините меня, если я начну с довольно длинной истории, чтобы объяснить причину моего визита.

— Если она мне понравится,— мягко проворковал Конаан. Внезапно он негромко воскликнул.— Дьявол! Посмотрите-ка!

Зловещего оттенка могильный жук забрался на стол и, неуклюже переваливаясь с боку на бок,

направился прямо к мигающей лампе. Хозяин поймал скарабея и зачарованно смотрел, как тот перебирается с руки на руку.

— Посланец с того света. Они любят рыть норы в гниющих черепах.— С этими словами киммериец поднял голову и взглянул на вытянувшееся лицо Имilia.— Начинай. Я слушаю.

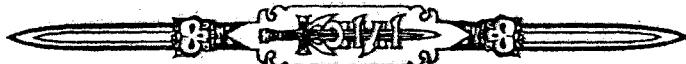
И тогда юноша начал свой рассказ...

* * *

В настоящее время правителем Турана, а следовательно, и императором Туранской империи является Нетистен Марил. Империя объединяет острова, находящиеся на юге моря Вилайет, лежащего к востоку от побережья Западного моря. Может быть, вы знаете, что она образовалась более двух столетий назад из восьми крупных княжеств и бесчисленного множества совсем крохотных, о которых не стоит и говорить.

Правители Турана, самого крупного и могущественного из этих государств, большую часть истории империи являлись ее владыками. А Нетистен Марил — законный наследник их рода, издавна воспитывавшего достойных правителей.

После смерти отца, Нетистена Сиррома, на трон имел виды и сводный брат Марила, Лейан, который был старше его по возрасту. Внебрачный сын Сиррома и соблазнительной знатной дамы из Султанапура, будучи незаконнорожденным, не носил имени династии, и у него не было шансов на успех. Но он все же мог стать правителем, если бы Марил умер, не оставив наследника по мужской линии.

Поэтому ранняя женитьба младшего брата на дальней родственнице из Кутхамеса сильно расстроила Лейана, а скорая беременность молодой женщины сделала его заветные мечты о власти еще более эфемерными. Юная супруга родила Марилу девочку, которую назвали Мкори, и почти сразу снова забеременела. Однако, когда подошло время рожать, она тяжело заболела и умерла. По дворцу поползли слухи, что смерть императрицы не случайна. Якобы Лейан из боязни появления на свет наследника отравил жену своего брата.

Впрочем, молодая женщина никогда не отличалась отменным здоровьем, будучи с детства болезненной и хрупкой. Вполне возможно, что она просто не вынесла двух беременностей подряд.

Погруженный в свои тяжелые переживания, Марил после смерти жены еще несколько месяцев никого к себе не подпускал. Жуткий приступ гнева и разочарования охватил его, когда он, пытаясь спасти своего ребенка, лично вскрыл чрево супруги и вырвал оттуда уже погибшего сына. Всего двух недель не хватило младенцу, чтобы появиться на свет естественным путем.

На смену гневу пришло отчаяние, так как Марил горячо любил свою жену. Его мучило чувство вины перед ней за то, что он слишком торопился с рождением сына и подорвал ее здоровье.

Но время — хороший лекарь, и все бушевавшие в императоре страсти потихоньку улеглись. Однако его характер, и раньше никогда не славившийся особой мягкостью, сильно испортился. Казалось,

Марил больше не способен на любовь, и все мысли о прошлой или возможной женитьбе выброшены из головы. На дочь он не обращал никакого внимания. Маленькая Мкори страдала от пренебрежительного отношения отца.

И вот не кто иной, как Лейан, стал проявлять заботу о девочке, делая это отнюдь не бескорыстно. У него самого подрастили два здоровых крепких сына, Лайжес и Рожет. И гордый родитель лелеял мечту, что один из них, когда-нибудь женится на кузине. Он очень хотел добиться престола, хотя бы для потомков, если не удалось стать правителем самому.

Некоторое время судьба ему благоволила, помогая приблизиться к заветной цели. Марил не собирался больше жениться. Мкори подросла и превратилась в удивительно красивую и обаятельную девушку, бесхитростность которой граничила с недалекостью. Она испытывала трогательную привязанность и благодарность к дяде и была искренне предана его сыновьям.

Лайжес и Рожет стали гордостью любящего отца. Они слыли искусными воинами. Красивые и сильные, юноши обладали грацией, присущей знати. Лейан видел в них настоящих принцев крови. И вдруг, как гром среди ясного неба, пришло известие о геройской гибели старшего сына. Рожет, очень рассудительный молодой человек, всегда подавал большие надежды. Но судьба распорядилась иначе. Возглавляя войско своего дяди при подавлении восстания на острове Фисития, юноша погиб. Ему исполнилось тогда только двадцать два года. Лайжес, в котором некоторый недостаток

сообразительности компенсировался стремительностью действий, вскоре отомстил дерзким повстанцам. Мкори искренне горевала о гибели Рожета. Дети росли вместе, были дружны и воспитывались, как братья и сестра. Впрочем, скорбь постепенно прошла, и все теплые чувства девушки обратились на Лейжеса. Они стали любовниками.

Однако четыре года назад произошли события, вновь поставившие под угрозу все планы Лейана. Нетистен Марил снова влюбился.

С Пеллина, северного острова, рожденного под несчастливой звездой, пришла женщина неземной красоты и с родословной, которой мог бы позавидовать любой. Она была королевской крови. Уже много столетий, из поколения в поколение, ее семья правила огромным островным государством, дав ему свое имя. При зарождении империи даже предполагалось, что во главе ее будет стоять именно монарх Пеллина, так как их старинный род считался самым знатным. Но остров пал в те темные воинственные времена, и древнее разрушенное государство уже давно уступало более молодым и сильным. А если иногда и возникала угроза верховной власти Аграпура, то она всегда исходила от юных и дерзких соседей, а не от далекого Пеллина, уже давно пережившего пик своего былого величия. Впрочем, ни для кого не было секретом, что его правители всегда мечтали взять бразды правления империей в свои руки.

История нашей страны уходит в глубь веков. Наши земли всегда имели плохую репутацию. Еще с тех времен, когда первый человек пересек море Вилайет и обосновался на землях Запада. Расска-

зы о событиях, случившихся до ее образования, превратились в мифы и легенды. Эти загадки сродни тайнам древней Стигии. Правда смешалась с вымыслом. Например, до сих пор остается загадкой происхождение каменных руин, найденных на некоторых из островов.

Даже в наше время люди избегают находиться вблизи этих развалин. Нам ничего неизвестно о народе, воздвигнувшем монолитные цитадели. Легенды утверждают, что они были возведены и превращены в прах еще до того, как нога первого человека ступила на острова. Нет сомнения, что искрошившиеся камни очень древние. Никто не знает, сколько веков прошло со времени строительства этих циклопических крепостей. Никому также неведомо, кто их разрушил. Существует несколько любопытных мифов, в которых вскользь упоминается, что некогда на каменных развалинах были высечены барельефы. Они изображали сцены из чудовищных битв между исполинскими морскими тварями, как будто возникшими изочных кошмаров какого-то сумасшедшего бога.

Первые мореплаватели, обосновавшиеся на островах, до смерти напуганные, потратили много сил и времени, чтобы навсегда уничтожить ударами молота и долота эти отвратительные сцены. После себя они оставили только леденящие душу рассказы о том, что было высечено на выветренных камнях. Трудно сказать, насколько им можно верить. До нас не дошло ни одного подобного изображения. На Пеллине таких руин оказалось больше, чем на других островах, и, укрытые покровом мхов, они сохранились намного лучше.

Не зря рыбаки никогда не забрасывают своих сетей на северном побережье Пеллина. А купцы делают круг в несколько десятков миль, огибая проклятое место. Эта область моря Вилайет называется Сорн-Эллин, что на древнем языке обозначает «бездонное море». Глубину там невозможно измерить ни одним лотом. Согласно мифу земля под Сорн-Эллином дала трещину и его воды соединились с космическим океаном, на котором плавает наш мир. Гипотеза, разумеется, забавная. Однако философы еще и не такое могут придумать. Их хлебом не корми, только дай возможность выдвинуть еще одну сказочную гипотезу.

Еще труднее объяснить дикие, хотя и ничем не подтвержденные истории, которые рассказывают время от времени те немногие, кто якобы рискнул сунуться в страшные воды и вернулся обратно. Если, конечно, они говорят правду. В их фантастических описаниях и призрачные огни, мерцающие сквозь толщу воды, и неясные силуэты таинственных фигур, качающиеся в полнолуние на темных волнах в ясные ночи. Некоторые утверждают, что слышали необычный скрывающий звук — гудение, доносящееся эхом из глубины моря и заставляющее бывалых матросов кричать от ужаса, сводя их с ума.

Говорят, Сорн-Эллин населяют жуткие морские чудовища. Таящиеся в бездне отвратительные твари, могут утащить к себе на дно целые корабли вместе со всей командой. Старинные легенды повествуют об обитающих в черных глубинах этих вод демонах, которые уничтожают любого глупца, осмелившегося вторгнуться в их царство.

С древними мрачными преданиями прошлого перемешиваются истории о событиях недавнего времени. Моряки до сих пор говорят о них со страхом в глазах. Днем «очевидца» подобного происшествия могут поднять на смех. Вечером за кубок вина эти страшные сказки рассказывают, чтобы попугать собутыльников. Но никто никогда не упоминает Сорн-Эллин ночью или находясь в море.

Вот одна из таких легенд.

Несколько лет назад капитан из Хоарезма возвращался с богатым грузом. Он вез бритунское зерно. Охваченный желанием получить хороший куш, торговец торопился быстрее добраться до порта, чтобы опередить конкурентов, не промочив зерна. Купец не хотел делать большой крюк мимо островов южнее Пеллина и решил пройти напрямик на север через Сорн-Эллин. Его бывшая, видавшая виды команда отказывалась плыть через зловещее место. Однако хозяин соблазнил матросов дополнительной платой, надеясь за счет раннего прибытия на место получить большую выручку.

При входе в воды Сорн-Эллина вахтенный заметил обломки морской посудины. Приблизившись, смельчаки увидели расщепленный остов гирканского корабля и единственного выжившего при кораблекрушении матроса, привязанного к полу затонувшему бревну. Оказалось, что его носило по морю несколько дней после гибели судна. Моряк был явно не в себе. Он не давался в руки, вырывался, когда его поднимали на борт, отталкивал тех, кто пытался ему помочь. Похоже, что не

только голод, жажда и солнечные лучи свели с ума молодого сильного парня. Он, несомненно, был чем-то здорово напуган. Без умолку кричал он о склизких черных щупальцах и безликих демонах из моря. Когда беднягу с трудом уложили на кровать, спасателей затошило при виде ран и ужасных рубцов, изуродовавших его иссохшее тело. Создавалось впечатление, что несчастного опутывали цепью, раскаленной докрасна. Из бессвязного бреда больного понять удалось мало, но вполне достаточно, чтобы капитан изменил свое решение и, развернув судно, поплыл на всех парусах в противоположную сторону, от беды подальше. Иначе не избежать бы ему мятежа.

Однако странности на этом не кончились.

Ночью потерпевший кораблекрушение матрос внезапно с криком проснулся, по-видимому от кошмарного мучительного сна. Он разорвал удручающие его крепкие ремни, раскидал в разные стороны людей, не дававших ему встать, бормоча что-то невнятное, с безумным смехом, выбежал на палубу и бросился в море. Матрос, наблюдавший, как он плывет, клялся, что видел странное свечение под толщей темной воды. Некоторые из моряков говорили, будто слышали далекий гул, доносившийся снизу.

Подобных историй существует множество. Но, думаю, и этой достаточно, чтобы согласиться, что на Пеллине и в море вокруг него что-то неладно. Та же темная тень зла повисла над семьей правителей. Уже в нескольких поколениях жизнь правителей этого острова окружена мрачными тайнами, о которых лучше не говорить. Так, напри-

мер, всем известно, что прадедушка Эфрель убил свою самую младшую внучку и искупался в ее крови, чтобы вернуть молодость. Мы ничего не знаем о результатах эксперимента, поскольку его сын в припадке гнева сразу же выпустил из него кишки...

Говорят, что на большой глубине, значительно ниже подвалов и темниц Дан-Легеха, черной цитадели пеллинских правителей, находится громадная подземная палата. В ней, этой исполинской пещере, пеллинские правители в течение столетий пытали врагов и удовлетворяли свою печально известную страсть к темному искусству, изучали черную магию. Очень немногим, попавшим туда, удалось выйти на свет божий в здравом рассудке. И они рассказывали, что посреди палаты находится огромный бассейн. Вода в нем поднимается и опускается во время приливов и отливов. Множество секретов похоронено в его глубинах. Секретов, которыми Пеллин не собирается делиться ни с кем.

Теперь о причине моего визита к вам и об Эфрель.

Лет тридцать назад ночью именно в эту потайную палату с бассейном Пеллин Отрин, в то время правитель острова, затащил упирающуюся, визжащую обнаженную девочку-подростка, которая была его кузиной. Никто не посмел заступиться за нее. Ни один человек не знает, что произошло за закрытыми дверьми в глубине подземелья. На заре Верл, так звали девушку, выползла оттуда полуживая. Ее взгляд был безумным. Пеллин Отрин никогда никому не рассказывал, что случилось в

ту ночь. Впрочем, его никто и не рискнул бы спросить об этом. А спустя некоторое время жена Отрина, Лирд, не родившая ему ни одного ребенка, внезапно заболела какой-то непонятной болезнью и через несколько дней умерла. Еще не остыл пепел в ее погребальном костре, а Отрин объявил Верл своей женой. Так появилась новая королева.

Многие удивились, что Отрин женился на бедной девушке, поскольку знали, что правителю острова незнакомо чувство жалости. Через несколько месяцев произошло еще более странное событие — «счастливый отец» казнил астролога и повивальную бабку, присутствовавших при рождении дочери новоявленной королевы. Казалось, никаких причин для недовольства у него не должно было быть. Ребенок удался на славу во всех отношениях. Девочку называли Эфрель.

После рождения малышики Верл окончательно сошла с ума. Несколько раз она пыталась убить дочь, и ее буквально оттаскивали от колыбели. Больной матери по приказу Пеллина Отрина отвели отдельные покой. Охрана, приставленная к ней, постоянно следила за женщиной, чтобы не пропустить приступов агрессии.

Когда Эфрель подросла и ее отлучили от материнской груди, король передал ребенка на руки няне. С тех пор никто никогда больше не слышал о Верл. Впрочем, ее судьба мало кого волновала. Тем временем девочка подрастила. Отрин не отпускал дочь далеко от себя. Он строго, вникая в каждую мелочь, следил за тем, чтобы она получила подобающее ее положению воспитание и об-

разование. Секретам черной магии и искусству правления государством он учил Эфрель лично.

Однажды утром Пеллина Отрина обнаружили задошенным в собственной спальне. Никакого шума ночью никто не слышал. Телохранители не смогли объяснить, как удалось убийце проникнуть в апартаменты правителя. Осталось загадкой и то, каким образом на теле правителя появился ярко-красный спиральный ожог. В бороде убитого обнаружили неизвестно откуда взявшись обрывок водоросли.

Внезапная смерть Отрина оставила Пеллин без наследника по мужской линии. Но в длинной истории острова и раньше бывали случаи, когда государством правили женщины. Отец хорошо обучал Эфрель, щедро делился с ней опытом, и теперь дочь унаследовала трон предков, став королевой. А спустя еще некоторое время ей удалось добиться титула императрицы.

Поговаривали, что Эфрель всегда с особой страстью занималась демонологией и черной магией. Такого рвения, пожалуй, не было ни у одного из ее безбожников-предков. Может быть, она торопилась восстановить былую славу дома Пеллинов, которая последние десятилетия стремительно и неумолимо катилась вниз, в темноту забвения. Королевство уже почти затерялось в бурно растущей империи. Возможно, она обдумывала пути оживления анемичной крови ее линии. С каждым поколением наследников становилось все меньше, и они были более хилыми. А сумасшествие, precedingующее дом Пеллинов, все выше поднимало голову.

К тому же ходят упорные слухи о том, что Эфрель только наполовину человек. Будто бы ее отцом был не Отрин, а вызванный им из морских глубин демон, переспавший с Верл в ту ночь, когда она лишилась разума. Как говорится, нет дыма без огня. И хотя это предположение произносится только шепотом, в его пользу можно сказать несколько слов. С одной стороны, слишком подозрительно увлечение девушки черной магией и прочими темными исследованиями, с другой — неземная красота и удивительная живучесть, напоминающая жизнестойкость водоросли. В то время как остальные представители ее рода больше похожи на чахлые тепличные цветки.

Может быть, именно то, что у нее такой необычный отец, дало ей силы зажечь в Нетистене Мариле, холодном и неприступном в свои сорок лет, пылкую страсть.

Император увидел ее впервые, когда Эфрель представили ему при дворе. Движения гостьи были необычайно грациозны в водовороте сияющего, переливающегося платья, сшитого из кусочков чешуйчатой кожи слепых морских змей. Эти красивые твари водятся только в водах Сорн-Эллина. Когда, согласно дворцовому этикету, закончилась церемония знакомства, красавица объяснила Марилу, что она приехала из Пеллина, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. Без тени смущения Эфрель заявила о намерении ненадолго остаться при императорском дворе, воспользовавшись привилегией, данной только лицам королевской крови.

С этого момента Марил не мог думать ни о чем и ни о ком, кроме Эфрель. Ее экзотическая красота и аура таинственности, а может быть и чары, разбудили страсти, так долго дремавшие в нем. После столь продолжительной спячки они вспыхнули с силой долго сдерживаемого пламени. Император не скрывал своих чувств, и приближенным стало ясно, что в Аграпуре скоро появится новая королева.

Такой поворот событий расстроил Лейана. Его планы рушились. Однако и другие придворные, совсем не преследующие личных целей, предсказывали, что союз с правительницей печально известного Пеллина не принесет ничего, кроме горя и бед. Но любовь затмила разум Марила. Он был очарован белокожей красавицей, с локонами, подобными черноте безлунной ночи, и темными, сияющими, как ониксы, глазами. Даже те, кто относился к новой звезде двора нетерпимо, признавали, что такой красивой женщины они за свою жизнь никогда не видели. Очарование Мкори, которая расцвела под покровительством Лейана и до появления соблазнительницы считалась эталоном необыкновенной привлекательности, меркло в присутствии Эфрель.

Любые возражения против женитьбы императора стихли как по мановению волшебной падочки после казни ближайшего советника Марила, намекнувшего на рискованность подобного союза.

Итак, они поженились, и империя понемногу успокоилась. Каждый вернулся к своим привычным делам. Но вскоре, к великому огорчению, Эф-

рель поняла, что завоевание постели Марила ничуть не приблизило ее к трону императора.

Будучи человеком сильной воли, Нетистен умел не смешивать вопросы личной жизни с государственными делами. Таким образом, самонадеянное желание Эфрель управлять империей руками мужа оказалось неосуществимым, несмотря на все ее уловки и обаяние. Знатные сеньоры, приехавшие со своей королевой, не заняли никаких влиятельных должностей при дворе.

Время шло, и вскоре красавица стала ощущать, что теряет свою власть над чувствами мужа. Сильные страсти быстро перегорают. Но еще важнее было то, что, несмотря на все старания Марила, королева не могла забеременеть. Вновь мечта о наследнике ускользнула. Вспыхнувшее с новой силой разочарование окончательно уничтожило его чувства к молодой жене. Сомнений в собственных способностях у императора не было. Значит, бесплодна Эфрель. Находясь в плохом настроении, он вспомнил старые сплетни о происхождении супруги. В гневе Марил решительно порвал всякие отношения с женой, кроме официальных.

Отчаявшись реализовать свои амбиции, влияя на мужа, Эфрель решила встать на путь интриг. Выбор пал на Лейана. Она легко соблазнила его своими прелестями и обещанием помочь взойти на престол. Если бы Марил умер, не оставив наследника, его сводный брат стал бы законным правителем. Крамольные мысли об убийстве императора не раз приходили в голову и самому Лейану. Однако он знал, как тщательно разработал Марил систему обеспечения собственной безопасно-

сти, предвидя возможные покушения. Однако в женских объятиях многие мужчины теряют голову. Так случилось и с Лейаном. Он забыл об осторожности, о том, как не хотел стать братоубийцей, и, опьяненный любовью, поддался настойчивым уговорам.

Любовники решили убить Нетистена Марила медленно действующим ядом, приготовленным лично Эфрель. Наличие его токсинов в организме невозможно определить, и смерть показалась бы естественной. В случае успеха любое сопротивление Лейану при дворе было бы подавлено частями армии, тайно переметнувшимися на его сторону. Заговор находился в разгаре и перешел в стадию реализации. Некоторые знатные господа уже присягнули на верность будущему императору, обещавшему им щедрое вознаграждение после прихода к власти.

Катастрофа разразилась внезапно.

Марил всегда был настороже. Он уже давно с подозрением относился к сводному брату. Меры предосторожности, как и предполагал Лейан, были разработаны тщательно. А шпионская сеть императора действовала эффективнее, чем ожидали организаторы заговора. Таким образом, Марил узнал об их тайне.

Однажды ночью он застал потерявшую бдительность парочку врасплох в спальной комнате Эфрель и внешне спокойно сообщил им, что все их сообщники в этот момент арестованы.

Лейан моментально выпрыгнул из-под простыней и, хотя не успел натянуть штаны, схватился за меч, прежде чем вмешалась охрана. Марил, со

свойственной ему безрассудностью, приказал воинам недвигаться с места и встретил атаку брата. Последовала отчаянная схватка. Лейан еще имел шанс выиграть в поединке жизнь и империю в придачу. Он дрался, как лев. Единственной альтернативой для него была смерть. Свидетели той дуэли утверждали, что она длилась не менее получаса. И это очень похоже на правду. Встретились два ветерана. Оба искусные воины, получившие опыт и закалку в постоянных тренировках и многочисленных боях на окраинах Туранской империи. Причем мастерство Лейана всегда оценивалось выше. Но он, мне кажется, когда сошелся с братом, четвердо стоял на ногах после выпитого вина и был несколько обессилен любовными играми. Кроме того, Марил сражалася в кольчуге, а Лейан голый.

Медленно, но верно император оттеснял противника к стене, захватив инициативу в свои руки и, несмотря на отчаянное сопротивление, со все возрастающей уверенностью парировал искусные выпады. Обнаженный Лейан, получив множество порезов и царапин, уже с трудом отбивал очередные удары. То, от чего могла бы защитить кольчуга, принимала на себя уязвимая плоть. В конце концов он чуть замешкался и не успел отреагировать на стремительный мощный выпад Марила. Клинок брата вонзился в грудь Лейана, и он упал навзничь. Его последние проклятия захлебнулись в крови, хлынувшей ртом. Из всех заговорщиков ему досталась самая легкая смерть.

Говорят, Эфрель попыталась покончить с собой, но охранники перехватили ее кинжал у са-

мой груди. Марил оставил жену у трупа под строгим наблюдением стражи до утра, дабы она имела возможность прочувствовать весь ужас уготованной ей участии.

На заре император разослав по городу глашатаев, чтобы они сообщили жителям Аграпура о раскрытом заговоре. А также о предстоящей в полдень казни преступников и о щедром угощении, приготовленном для преданных горожан.

На центральной площади собралась толпа зевак в нетерпеливом ожидании кровавого представления и обещанной в награду за верность Нетистену Марилу выпивки с закуской. Торговцы, лотошники, продавцы и прочий люд слетелись, подобно стервятникам с безоблачной выси.

Приехала королевская чета. Эфрель была одета в самое богатое платье, с обилием драгоценностей. Те, кто помнил подобные подробности, узнали наряд, в котором она впервые встретилась с Марилом и околдовала его. Императрица, как всегда, восседала на троне рядом с мужем. Только на этот раз вместо служанок ее обслуживали солдаты охраны.

На площадь вывели шестерых дворян, присягнувших на верность Лейану. Их вздернули на возвезденных за ночь дыбах. Раскаленными докрасна щипцами им вырвали языки, железными прутьями переломали кости рук и ног. Потом наступила очередь родственников и слуг несчастных. Медленно, чтобы не сломать шею и продлить мучения, все они были повешены на глазах своего правителя. Палачи не обращали внимания на то, кто перед ними: мужчина, женщина или ребенок:

Затем, после смерти домочадцев, заговорщиков аккуратно проткнули прутьями и подвесили над медленным огнем, как барашков на верталах. Чудовищная расплата, но законы империи требовали именно такого наказания за участие в заговоре против императора Турана.

Уже спустились сумерки, когда умер последний заговорщик, и весь день Эфрель должна была смотреть на это страшное зрелище. С ней все еще обращались как с императрицей, что еще больше усиливало ее мучения. Только богу известно, какие мысли роились у нее в голове. Она знала, что жалость Марилу не свойственна, что им управляет вулкан эмоций. Пощады ждать не приходилось. Наверное, наряду со смертельным ужасом перед надвигающейся расплатой в душе ее оставался лучик надежды. Может быть, Марил обойдется менее жестоко с той, которую когда-то любил? Напрасные чаяния. Когда обуглилась над огнем последняя дыба, а уставшая от наскучившего зрелища толпа загудела в предвкушении угощения, которого так долго пришлось ждать, Марил повернулся к жене.

— А для тебя, Эфрель, лживая шлюха с поцелуями змеи, я придумал необычную смерть. Но такую, которая вполне подойдет для стервы благородных кровей, полной животной похоти. Я погрысал тебе смерть под стать твоему мягкому характеру и душевной чистоте.

Посмотрев на искаженное гневом лицо мужа и заметив, как прерывается от ярости его голос, Эфрель в страхе съежилась. Марил сделал знак своей охране.

На площади появились могучие рабы. Они тащили за собой упирающегося изо всех сил громадного дикого быка. Силачи, ведущие зверя, обливались потом. Удержать взвешенное от боли и страха животное было делом нелегким. Кроме того, его опоили каким-то зельем.

Когда Эфрель поняла, какая участь ее ожидает, в нее словно бес вселился. Немало понадобилось усилий, чтобы усмирить ее. Все еще сказочно красивая, несмотря на искаженные ужасом прекрасные черты, она упиралась, когда ее волокли к разъяренному быку. На запястья императрицы надели браслеты, прикованные длинными серебряными цепями к металлическому кольцу на шее животного.

Растолкав в стороны оказавшихся на пути зевак, солдаты подтащили зверя с привязанной к нему молодой женщиной к узкой улочке, ведущей от центральной площади к городским воротам.

Когда Эфрель увидела всю безнадежность своего положения, ужас уступил место ядовитой злости. Она на чем свет стоит ругала Нетистена Марила и с такой страстью клялась отомстить, что у присутствующих, уже присыщенных зрелищем смерти, холодело все внутри. Эфрель призывала в свидетели каких-то чужих богов, обещала вернуться, чтобы спалить дотла этот город, вырвать у Марила трон и все, что сейчас ему принадлежит. Император громко рассмеялся в ответ и дал знак рабам отпустить разъяренное животное.

Едва Эфрель успела испустить последний вопль нечеловеческой злобы, как взвешенный бык мо-

гучим рывком сбил ее с ног и поволок по мостовой, вымощенной булыжником. Он несся с гулким топотом по извилистой улочке, надеясь вскоре обрести свободу родных лугов. Он мчался мимо непонятных дразнящих существ, высоких домов и маленьких хижин, то по камням, то по грязи. Разогнавшийся зверь и не замечал легкого груза, который швыряло из стороны в сторону позади его копыт; он не видел скулящее исковерканное существо, оставляющее за собой на неровной мостовой кровавый след и лоскутья кожи.

— Шлюха покинула нас со своим новым супругом! — заревел Марил. — К тому времени как жених выволочет невесту за стены нашего города, вряд ли от нее что-то останется. Но я желаю ему удачи. Пусть останки змеи валяются непогребенными там, где упадут. И горе тому, кто при мне еще раз произнесет ее имя!

Больше Нетистен к этой теме никогда не возвращался.

Однако напрасно Марил не удостоверился в смерти жены. Несколько верных ей людей, чудом избежавших гнева императора, подкараулили быка, когда он в сумерках достиг городской окраины. Чтобы остановить стремительный бег животного, им пришлось его убить. Верноподданные королевы рассчитывали хотя бы похоронить должным образом тело своей госпожи. Каково же было их изумление, когда они увидели, что в изувеченном теле еще теплится жизнь.

И снова все это наводит на мысль о полудемоническом происхождении Эфрель. Подобное испытание мог вынести только нечеловечески креп-

кий организм. Пеллиниты сразу перенесли ее на корабль, спрятанный в маленькой секретной бухте, и на всех парусах поплыли к дому.

Боясь преследований жестокого императора, в случае если тот узнает, что казненная им Эфрель осталась жива, они поклялись свято хранить тайну. Беглецы условились говорить всем, будто бы вернули труп королевы на родину для захоронения. Да и кто заподозрил бы их в чем-то большем?

Эти события произошли около двух лет назад. Сейчас благодаря своей сверхчестственной живучести и мастерству придворных целителей Эфрель оправилась. Но теперь это не прежняя красивая женщина, а уродливое существо, чудовищно изувеченная развалина, скрывающаяся от посторонних взоров. Жизнь в искалеченном теле держится только за счет всепоглощающей жажды мести Нетистену Марилу и всем, кто его окружает. В потайных комнатах Дан-Легеха Эфрель плетет коварные сети, чтобы расправиться с врагами, и только самая доверенная элита посвящена в ее планы.

Как только бывшая императрица оказалась в состоянии заниматься делами, она интригами и подкупами начала собирать свою армию. Эфрель еще глубже погрузилась в оккультные науки, намереваясь для выполнения своей мечты привлечь себе на службу потусторонние силы. Члены ее семьи или не могут, или не хотят вмешиваться в разрушительные замыслы и дьявольские планы. Тайный заговор против Турана и императора с каждым днем все ширится. Королева повсюду ищет тех, кто поможет ей осуществить ее безумную идею. Размах этого рискованного предприя-

тия уже увеличился настолько, что скоро о нем станет известно Марилу, если, конечно, он еще ни о чем не догадывается.

Она послала и за вами, зная, какую ненависть питаете вы к правителям Турана.

Откуда-то Эфрель узнала, что вы здесь. Она вбила себе в голову, что если вы будете командовать ее войсками, то восстание увенчается успехом. Поэтому королева послала меня к вам как эмиссара, чтобы заручиться вашей поддержкой.

Заканчивая свой рассказ, добавлю, что Эфрель предлагает вам следующие условия: вы берете на себя командование ее флотом, и когда мы победим, в награду она подарит вам любой остров Вилайета на выбор, кроме, разумеется, Пеллина.

* * *

Когда Имиль закончил рассказ, наступила тишина. Конан неторопливо прихлебывал вино, погрузившись в какие-то, известные только ему одному мысли. Скарабей в конце концов оставил затею с горящей лампой и исчез, отправившись по другим делам.

Наконец Конан повернулся к юноше.

— Твоя история меня заинтересовала. Но прежде, чем я приму окончательное решение, мне нужно лично ознакомиться с планами королевы Пеллина. Ее предложение звучит заманчиво. Не обошлось без драматических эффектов, но в целом твой рассказ о заключениях Эфрель не противоречит различным слухам, доходившим до меня время от времени. Теперь главная проблема

в том, как нам выбраться отсюда. Полагаю, ты сделал необходимые приготовления?

Имиль почувствовал, как внутри у него медленно разжимается скатая пружина и напряжение постепенно уходит. Первая часть его поручения выполнена успешно. В остальном он чувствовал себя увереннее.

— Да, у нас есть небольшое судно, быстрое и с хорошей командой на борту. Оно спрятано в укромной бухточке, милях в тридцати отсюда. Предположим, нам удастся благополучно добраться до нее, тогда, я думаю, мы сможем уйти от преследования, даже если правители Кордовы вышли за нами погоню. Эти зингарцы никогда не были хорошими моряками. Мы проплыем по Стиксу, потом с верным караваном доберемся до Хоарезма, а оттуда, вновь сев на корабль, поплыем через Вилайет.

— Зато наша легкая кавалерия очень недурна,— проворчал Арбас под влиянием неожиданно пробудившегося патриотизма.

— Это правда,— согласился Имиль.— В ней и заключается самая большая для нас опасность. Конные патрули перекрыли все дороги и горные тропы, ведущие на восток. Нам надо либо попробовать проскользнуть мимо них незамеченными, либо разработать какой-то другой план. К счастью, городская стража уже не столь рьяно разыскивает вас, и у нас не будет таких неприятностей, какие могли бы быть, выступи мы месяца два назад.

— Да, я знаю об этих чертовых патрулях. Я прятался и ждал, когда зингарцы совсем потеря-

ют бдительность,— согласился Конан.— Неплохо бы еще подождать... — Боюсь, что больше ждать нельзя. Мы уже и так испытываем судьбу, оставаясь здесь слишком долго. Если мой корабль обнаружат, то все пропало. Нам нужно уплыть не позже чем завтра ночью.

— Сколько у тебя людей?

— Семь. Нет шесть,— поправился Имиль.

— Хорошо. Этого должно хватить, чтобы прорваться через кордон патрулей. Но такому количеству воинов будет трудно проскользнуть незаметно мимо крупного отряда.— Конан задумчиво погладил бороду.— Поплыешь с нами, Арбас?

— Нет уж, спасибо,— ответил наемный убийца.— Моя профессия позволяет мне и здесь жить в меру роскошно и в меру весело. Как раз то, что надо. Не люблю я государственных тайн и переворотов.

В течение следующего часа они обсуждали детали побега и рассказывали друг другу веселые истории, попивая вино.

Имилю уже казалось, что Конан может быть вполне приятным собеседником, просто не нужно смотреть ему в глаза. Этот мужчина являл собой тайну: гигантское телосложение, сила и выносливость дикаря. Искусный, закаленный в боях воин. Но по интеллекту он не был похож на обычных разбойников с большой дороги или варваров далекого севера. Конан обладал холодным острым умом и обширными знаниями в любой области, о чём бы ни заходил разговор.

Наконец буря немного утихла. Душегуб с Имилем выскользнули из склепа и стали осторожно

спускаться вниз по скользкой от дождя тропинке. Они уже почти миновали гробницы, когда в свете фонаря Арбаса мелькнуло что-то белое, направляющееся в их сторону.

— Берегись,— прошипел Душегуб и выхватил меч.

Почувствовав во рту неприятный привкус страха, вызванный призраком, Имиль слегка сжал кулаки и тоже схватился за оружие. В глубине души он надеялся, что это всего-навсего солдаты.

Арбас резко открыл фонарь. Белый силуэт внезапно упал с глухим стуком. Неясные в мерцающем свете, стали возникать истощенные фигуры. Их кожа была покрыта чешуйками, как у прокаженных. Они то с завыванием приближались, то быстро прятались в тень. Вскоре все светлые пятна исчезли в ночи. Лишь иногда кое-где ярко вспыхивали горящие в темноте глаза.

Стараясь двигаться бесшумно, мужчины медленно приблизились к какому-то неподвижному предмету. Вдруг Имиль понял, что это, и его застопнило. На трофе, у самого края обрыва, лежал труп его несчастного телохранителя, следовавшего за ним и убитого Конаном. То, как он здесь очутился, не нуждалось в объяснении. Теперь же туловище его было частично обглодано; там, где были руки, ноги и лицо, белели кости. Внутренности свисали над пропастью.

— Привидения! — Арбас выругался.— Это привидения. Они тащили его в свое царство, чтобы он там дозрел...— Душегуб внимательно осмотрелся вокруг. На лице его отразилась озабоченность.— Ладно, будем надеяться, что эти любители мерт-

вечины не осмелятся напасть на двух вооруженных мужчин с горящим фонарем.

— Привидения! — как эхо откликнулся Имиль.— Какой характер нужно иметь, чтобы устроить свое логовище в кишащих привидениями гробницах!

Глава третья

После ухода Арбаса и посланца Эфрель, затихшая было буря началась с новой силой. Ослепительные трезубцы молний вонзались в иссеченные ветрами и непогодой отвесные скалы. Словно изъеденные оспой, пористые известковые камни дрожали от оглушающих раскатов грома, беспокоя обитателей разграбленных склепов, спящих вечным сном в пыли тлена. В логовище Конана рокочущее эхо грозы отдавалось глухо и нереально. Время от времени пещеру заливал мертвенно-голубой неверный свет, просачивающийся по краям полога.

Хозяин, ссугулившись, сидел на стуле и пил вино, кубок за кубком. Обычно, будучи всегда начеку, он не позволял себе напиваться. Но той ночью Конан был мрачнее урагана, бушевавшего снаружи. И врагам, будь то люди или привидения, пожалуй, не стоило испытывать судьбу и

лезть на рожон. Едва сдерживаемая холодная ярость искала и без того жесткое лицо разбойника, а горящий в ледяных голубых глазах адский огонь напоминал смертоносные вспышки молний во тьме.

Конан, влив в себя очередную порцию, с глухим рычанием неторопливо протянул руку за добавкой. Пусто. Не осталось ни капли. Грязно выругавшись, он швырнул бутылку в дальний угол склепа, засыпанный черепками от битой посуды, которую раньше уже постигла та же участь. Опустевшая бутыль с толстыми стенками, ударившись обо что-то мягкое, осталась невредимой. Посыпались проклятия, и разбойник пошел поднять упрямую склянку, намереваясь на этот раз расколотить ее вдребезги.

Она отлетела в неиспользуемую часть усыпальницы и повисла в нескольких дюймах над кучей полусгнивших обломков двери, некогда закрывавшей вход. Черно-зеленое толстое стекло было покрыто каким-то красно-бурым месивом.

Откупорив новую бутылку, Конан сделал большой глоток, пересек склеп и стал пристально вглядываться в кромешную тьму, царящую в заброшенном закутке. Как и многие киммерийцы, он обладал одной сверхъестественной особенностью. Его странные глаза могли видеть ночью...

Пещерный паук спел здесь свою сеть, закрыв ниши с полусгнившими гробами и напоминающими о тщете всего земного скелетами. Покрытый белой шерстью громадный тарантул мог поймать в свои сети даже летучую мышь. Тяжелая бутыль, которую Конан, не целясь, швырнул в припадке

слепой ярости, попала в охотника, размазав его по обломкам. Случайный снаряд, облепленный светлыми клочками ворсистого покрытия и хитина вперемешку с ядом и кровью, медленно вращался, повиснув на прочной, хитро свитой паутине, некогда представлявшей собой мастерски сплетенное произведение искусства...

Конан горько расхохотался. Его клинок рассек сеть, сделав из нее саван.

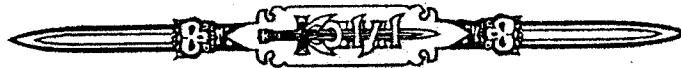

Глава четвертая

Дождь прекратился, но тишину ночи времяя от времени нарушало далекое ворчание раскатов грома.

Конан притаился за громадным валуном среди иссеченных ветрами скал, охранявших едва различимую на крутом откосе тропинку. Он выбрал свою позицию так, чтобы снизу его не было видно. Рядом с ним лежал небольшой мешок с вещами и арсеналом оружия. Разбойник неотрывно смотрел на дорогу, исчезающую во мраке, ожидая Имиля с его людьми. Киммериец договорился с юношей встретиться в скалах значительно выше этого места. Но он всегда опасался предательства, поэтому решил подождать туранца здесь, рассчитывая при необходимости воспользоваться преимуществом неожиданности.

Конан с сожалением вспомнил о бесценных книгах, которые пришлось оставить в склепе. Ко-

нечно, большинство из них он знал наизусть. Впрочем, они не пропадут. Черный Отшельник вскоре возьмет заклейменные проклятием тома и снова поставит их в ниши под темными сводами своих подвалов. Из фолиантов, что находились там, особенно жалко ему было расставаться с очень ранней копией «Книги о старших» Азорис Зрофраст. Монументальный труд. Пользоваться более поздними переводами с древнестигийского было опасно из-за множества допущенных при переписке ошибок и пропусков. Обращение к таким изданиям могло привести к гибели. Безусловно, в его мешке нашлось бы место даже для столь громоздкого тома. Но Конан с неприязнью относился к магии и изучал старинную книгу лишь для того, чтобы убить время. Кроме того, хрупкий пересохший пергамент ни за что не выдержал бы предстоящего путешествия. Однако в глубине души Конан надеялся, что он еще вернется в Зингару, когда те, кто сейчас охотится за ним, умрут, а их проклятия будут забыты...

Его чуткий слух уловил едва различимый цокот копыт. По каменистой дороге поднимались всадники. Кто они? Конан вскинул арбалет игляделся во мрак ночи. Его глаза видели в темноте лучше, чем позволено природой изнеженному жителю городов.

Восемь всадников и девять лошадей. Одна без седока. Оседлана. Возможно, эта лошадь была предназначена для него. Небольшой отряд явно старался не привлекать к себе внимания. Солдаты тоже двигались бы осторожно, но вели бы себя более уверенно. Присмотревшись, Конан узнал юношу, воз-

главляющего группу. Не сомневаясь теперь, что перед ним свои, он выстрелил из арбалета. Стрела просвистела перед носом у Имиля и вонзилась в ствол мертвого дерева. Это произвело сильное впечатление. Всадники остановились как вкопанные.

— Смотрите, в штаны не наложите! Это я! — крикнул шутник испуганным всадникам.

Прихватив свои скромные пожитки, Конан вышел на тропинку. Его встретили негромкими, но искренними ругательствами. Железный наконечник его стрелы вошел в дерево с такой силой, что будь это кольчуга, стрела пронзила бы ее словно шелк.

— За вами нет хвоста? — спросил Конан, выкручивая острие из ствола.

— Кажется, нет. Хотя только дураки ни в чем не сомневаются... Что за выходка? Тебе что, дерьяма здесь недоставало? Я был уверен, будь я проклят, что мы налетели на засаду.

Конан узнал злобное ворчание.

— Арбас! Так ты все же решил ехать с нами! Ведь это же не сентиментальное желание попрощаться со старым другом привело тебя сюда?

— Биндофф решил, что вам понадобится проводник, на случай если придется обходить патрули, — объяснил Душегуб, наблюдая, как Конан приторачивает суму к седлу приготовленной для него лошади. — Я пытался объяснить, что ты знаешь эти холмы не хуже, но он был убедителен.

— Убийца-проводник! Какая прелесть! — усмехнулся Конан.

Киммериец легко забросил свое массивное тело в седло и, удостоверившись, что боевой топор под рукой, приказал:

— Едем.

И девять всадников, пустив лошадей в карьер, понеслись вниз по той же заброшенной каменистой тропе. Достигнув главной дороги, они повернули на юго-запад к побережью. Одного человека беглецы отправили далеко вперед, чтобы он мог в случае чего предупредить остальных об опасности.

Имиль считал, что, поскольку избежать столкновений с патрулями не удастся, надо как можно скорее пробраться на спрятанный корабль и молить бога, чтобы не нарваться на крупный отряд солдат Агии. Рассчитывать на случайную удачу не приходилось. Медленное продвижение не избавило бы их от стычек с врагом, зато позволило бы противнику прийти в себя и подтянуть основные силы.

Далекие раскаты грома заглушали стук копыт по мокрой дороге. Полночное небо было покрыто тяжелыми грозовыми тучами.

Уже дважды отряд покидал дорогу и, делая большой крюк, объезжал посты, проверяющие всех путешественников. Но вот внезапно пришлось остановиться. Разведчик Ессен мчался им навстречу. Чуть не врезавшись в первого всадника, он резко натянул поводья и крикнул, задыхаясь от встречного ветра:

— За мной скачут пятеро! Они слышали, что я повернул назад, и преследуют меня по пятам.

Пятеро. Отряд беглецов напоролся на небольшой патруль.

— Не останавливайся, пусть слышат, что ты впереди! А мы устроим им засаду, — приказал

Конан, без малейшего колебания взяв на себя командование.— Быстро, вперед!.. Остальные сюда! Прячьтесь за деревьями! Разгоряченные преследованием, стражники вряд ли станут смотреть по сторонам. Лучникам приготовиться! Мы срежем их, как травинки! — Он быстро оценивающе осмотрел местность.— Те, у кого нет лука, встаньте вдоль дороги и рубите голову каждому, кто попытается проскочить мимо вас! Поторапливайтесь, черт возьми!

С громким лязганьем стали и треском поломанных сучьев, но без лишней суеты команды Конана были выполнены. Имиль всегда трезво смотрел на вещи. Он не стал выяснять, кто командует отрядом, а, повинувшись приказам нового командаира, быстро укрылся за ближайшим кустом. Едва все спрятались и подготовили оружие, как четыре конных стражника вынырнули из темноты.

Надеясь, что Имиль набрал в свой отряд неплохих стрелков, Конан прицелился из арбалета в глаз первого всадника. Его выстрел свалил противника наповал. Остальные лучники последовали примеру командира. Посышалось дружное пение стрел, и еще два солдата были выбиты из седла. Не менее двух древков торчало у каждого из груди.

Четвертому кавалеристу посчастливилось проскочить целым и невредимым. И не потому, что люди Имilia не умели стрелять. Они были пре- восходными лучниками, но им не хватило времени, чтобы согласовать цели.

— Останови его, Лейб! Черт возьми, останови его! — выкрикнул Имиль, обращаясь к одному из своих воинов.

Возглас предупредил оставшегося теперь в одиночестве врага о грозящей опасности. Тот едва успел выхватить меч, чтобы отразить атаку молодого туранца, который уже поджидал его. Противники скрестили мечи. Стражник сражался отчаянно, чувствуя, что через мгновение на него набросятся все остальные. Внезапно он сменил тактику и направил на Лейба свою лошадь. Столкновение застало того врасплох. От неожиданности воин Имilia потерял равновесие и раскрылся. В тот же миг кавалерист со всего размаха опустил меч на его незащищенное плечо и рассек бедренную до седла.

Выдернув клинок из тела погибшего, всадник попытался спастись бегством. Он поскакал через дорогу в лес, намереваясь спрятаться за деревьями. До укрытия уже было рукой подать, когда зингарец почувствовал обжигающую боль в горле. Бесформенной массой он свалился на лесной ковер опавших листьев. Из шеи, куда вонзилась стрела, фонтаном брызнула кровь.

Конан опустил арбалет. Короткий поединок дал ему время перезарядить оружие. Какая скорость полета стрелы! Но все преимущества этого новшества сводились практически к нулю из-за того, что для повторного выстрела требовалось слишком много времени. А попробуйте сделать это, сидя на скачущей лошади! Конан мечтал когда-нибудь найти лук, равный арбалету по силе выстрела.

Тем временем Эссен, не торопясь, возвращался обратно. Видимо, он догадался, что битва закончилась.

— По-моему, ты говорил, что их было пятеро,— спросил его командир.

— Да, пятеро. Я уверен в этом. Конан что-то проворчал сквозь зубы о матерях кавалеристов:

— Похоже, они не такие нетерпеливые глупцы, как я надеялся. Должно быть, боясь встречи с сильным противником, мерзавцы оставили позади одного человека. Пусть Стикс заберет их осторожные души! Если бы только они оказались более самоуверенными!

— Что теперь? — спросил турец, подъехав поближе.

— Сколько еще до твоей бухты?

— Судя по описанию Имиля, я бы сказал, что мы где-то на полпути, — проворчал Арбас без особого энтузиазма.

Конан посмотрел на наемного убийцу и пожал плечами.

— Ну что ж. Кости брошены. Вперед! Тот солдат, должно быть, уже поставил на уши всю стражу. Пытаться проскользнуть незамеченными лесом и терять время — глупо. Равносильно самоубийству. Многочисленные патрули прочешут весь этот район за час. Они возьмут нас в кольцо, отрезав все пути к морю. У нас остался единственный шанс выжить — скакать во весь опор, как стая волков. И пусть жажда жизни поможет нам пробиться к кораблю. Плох тот игрок, который не рискует! Итак, в путь!

Всадники понеслись галопом по пустынной дороге, оставив мертвых безмолвно взирать на разрываемые вспышками молний небеса.

В течение часа не было никаких признаков погони. Два раза беглецам пришлось углубляться в

лес, огибая вооруженные посты. Конан проклинал вынужденную задержку. Имиль все время внимательно следил за дорогой. Ему уже казалось, что до места, где надо свернуть с основного пути, не больше мили. После этого останется проскочить через небольшой лесок, а там и до бухты рукой подать.

Юноша уже собирался вырваться вперед, чтобы поделиться своими предположениями с Конаном, возглавлявшим отряд, но в этот момент тот подал знак остановиться. Навстречу им бешеным галопом скакал Эссен. Командир решил узнать, о чем так торопится сообщить разведчик.

Внезапно яркая вспышка молнии на мгновение залила все вокруг ослепительным белым светом. Этого мига хватило, чтобы Конан заметил темно-красное пятно, пропитавшее тунику Эссена. Ветер донес до его чувствительного носа прирожденного варвара запах крови.

— С такой раной никто не сможет удержаться в седле! — пробормотал он и потянулся за кинжалом.

Едва Конан коснулся рукоятки оружия, как скачущий во весь опор всадник врезался в него.

— Умри, продажное бесовское отродье! — крикнул человек, одетый в тунику Эссена.

Плотно обхватив коленями своего скакуна, Конан, будучи опытным наездником, сохранил равновесие при столкновении лошадей. Неуловимо быстрым движением он перехватил руку с занесенным над ним клинком. Убийца закричал от боли, когда в стальной хватке противника его кости захрустели, подобно сухим прутикам. Но этот

вопль мгновенно перешел в предсмертный хрип, так как другой рукой киммериец вонзил свой кинжал в живот врага, одним резким движением прорвал его тело до горла.

Убитый тяжело рухнул на дорогу. Капюшон скользнул с его головы, открыв лицо.

— Это не Эссен,— проницательно заметил один из воинов.

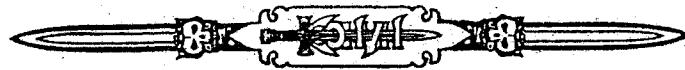
Вдруг лошадь неизвестного дико заржала, рухнула на колени и свалилась на тело всадника. Дернувшись в предсмертных судорогах, она затихла. Ее глаза неподвижно смотрели на голубое зарево молний.

— Падая, он порезал своим ножом лошадь,— объяснил неожиданную гибель животного Арбас, находившийся ближе всех к Конану. Северянин согласно кивнул.

— Да. Несомненно, клинок был отравлен. Подкараулив, они убили Эссена и направили этого переодетого сукиного сына назад ко мне. Клянусь Кромом, я им действительно очень нужен.— Он горько усмехнулся.— Одно утешает: горожане Кордовы могли выкинуть подобный трюк, только совсем отчаявшись. Будем надеяться, что солдаты еще не успели должным образом подготовиться к встрече с нами.

— Если этим холуям нужно время, то чем дольше мы будем здесь торчать, тем лучше для них,— выпалил Имиль.— Нам осталось не больше мили до поворота к морю. Пора уносить отсюда ноги!

— Правильно. Но последний участок пути, пусть даже небольшой, достанется нам недешево,— предупредил Конан.— Может быть, мы и окажемся

в безопасности, когда свернем с дороги, да только друзья этого тупоголового ублюдка захватят нас значительно раньше. Поэтому давайте сбавим шаг, будем делать все осторожно и не торопясь до того самого момента, пока противник не обнаружит себя. Иначе нас всех перебьют друг за другом, и мы разделим судьбу Эссена. Остается молиться всем богам, чтобы подкрепление не пришло к ним раньше времени! Итак, не паниковать! Вперед, на встречу опасности! Немного рассредоточьтесь и смотрите в оба. К счастью, вдоль дороги деревья не слишком густые. Солдатам негде укрыться. Если увидите что-то подозрительное, сразу дайте знать.

После этого короткого напутствия маленький отряд, очень медленно и осторожно двинулся дальше. Каждый ощущал леденящий ужас затравленного животного и ежесекундно ожидал услышать смертоносное пение стрелы. Судьба любого из них находилась в руках спрятавшегося за стволом лучника, и никто не был уверен, что ему удастся сделать очередной вдох. От напряжения болели мышцы. В тени каждого дерева беглецам мерещился десяток притаившихся солдат. В предчувствии укуса железного клыка по спине бегали мурашки.

Засада оказалась очень хорошо организованной и умело укрытой. Первым на нее напоролся Конан. Беглецов спасло то, что зингарцы слишком широко растянулись и поторопились с нападением. Не сумев в темноте правильно оценить численность противника, они не в полной мере использовали укрытие и нанесли первый удар прежде, чем их ловушка захлопнулась.

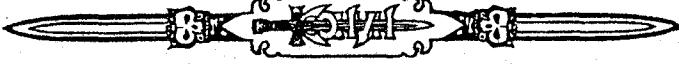
Напряженную темноту ночи внезапно разорвало знакомое до боли пение летящих стрел, которыми были встречены туранцы. Одна из них, чиркнув по кольчуге Конана, пролетела над его плечом.

— Рассыпаться по лесу! — взревел киммериец, в душе поблагодарив судьбу за то, что кто-то переоценил свое искусство лучника, пытаясь попасть ему в голову. — Окружите этих сукиных детей и оттесните их на дорогу! — Отдавая такое приказание, Конан сильно сомневался, что его немногочисленное войско может кого-то окружить. Одно утешало, похоже, участники засады об этом не догадывались.

От первого залпа пострадал только один человек Имиля, получив ранение в бедро. Остальные стрелы просвистели в темноте мимо. Но беглецам нужно было срочно найти какое-нибудь укрытие. Конан направил своего коня с дороги, рывкнув, чтобы остальные следовали за ним.

Быстро лавируя между деревьями, они понеслись в атаку на конный патруль. Когда стало ясно, что солдат в засаде не больше десятка, да и не каждый из них вооружен луком, Конан почувствовал облегчение. Теперь понятно, почему противник ведет себя осторожно, как старая опытная служанка. По всей вероятности, это лишь авангард многочисленного войска, которое уже на подходе и с минуты на минуту может оказаться здесь.

Внезапный прорыв Конана к морю, после многих месяцев бездействия, застал стражу Кордовы врасплох. Уже начали даже поговаривать, что

знаменитый разбойник скорее всего давно улизнул с побережья или умер. Кроме того, офицеры Зингары не знали точной численности противника.

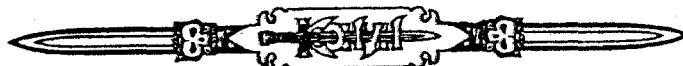
И вот зазвучали боевые кличи, и кавалеристы, прятавшиеся до этого в засаде, ринулись на врага, чтобы схватиться с ним врукопашную.

— Не давайте им объединиться и организовать атаку! — громовым голосом закричал Конан. Он все еще не верил в малочисленность противника.

Разбойник ловко парировал выпад первого нападевшего на него солдата. Завязался ожесточенный поединок. Длинное изогнутое лезвие сабли кавалериста ловко танцевало вокруг массивного двуручного меча противника. Наконец Конан нанес удачный удар по сабле врага, и клинок его соперника сломался у основания, а меч киммерийца, срезав гарду, отсек руку воину. Не успел еще враг осознать своей раны, как острый меч северянина прошел между его ребрами.

А сзади уже наседал другой солдат. Конан едва успел повернуться к нему и встретить атаку. Мнение Арбаса о кавалерии Кордовы оказалось спрavedливым. Всадник, схватившийся с Конаном, оказался очень опасным противником. Конану понадобилось приложить много усилий, чтобы справиться с его даже более легким клинком. А теперь и еще один враг несется, но уже с другой стороны. Если повернуться к нему хотя бы на мгновение — смерть неминуема.

Едва заметив новую опасность, Конан привычным жестом протянул руку за боевым топором, притороченным к седлу. Нападающий, как и мно-

гие другие до него, не ожидал, что противник владеет левой рукой не хуже, чем правой. Смертельно рискуя, Конан размахнулся и нанес топором удар такой силы, что ни меч, ни щит не могли ему противостоять. Солдат свалился с лошади. Грудь его превратилась в кровавое месиво. Однако это молниеносное движение едва не стоило киммерийцу жизни. Потеряв равновесие из-за тяжести топора, он едва успел отразить стремительный выпад второго всадника. Но в последний момент клинок врага все-таки проскользнул и ткнулся в бок Конана. Кольчуга верно сослужила свою службу, остановив острие. Но от мощного удара металлические кольца с силой впечатались в тело. Конан взвыл от боли. В бешенстве он начал яростно теснить противника. Стражник не справился со свирепым натиском, и северянин рассек его плечо. А пока зингарец упрямо пытался поднять свою искалеченную руку, ему был нанесен смертельный удар в незащищенный живот.

Лошадь Конана отпрянула от убитого, а ее хозяин, вытачив топор из тела врага, повернулся посмотреть, что делается вокруг него. Четыре его спутника, включая того, кто был ранен в ногу в первые минуты битвы, уже пали в бою. Из стражников в живых осталось трое.

С одним из них отважно сражался Имиль. Его раны на плече и руке обильно кровоточили. Как раз в тот момент, когда Конан оглянулся, туранец поразил своего противника прямо в сердце. Поединок Арбаса, занятого другим всадником, больше походил на кошачий бой. Но, кажется, Душегуб брал верх. С третьим зингарцем, словно

играючи, боролся еще один туранец. Силы дерущихся были примерно равны, и неизвестно, на чьей стороне была бы победа. Исход битвы решил Имиль, который на мгновение отвлекся от своего противника. Напав сзади на противника туранца, он проткнул его насовсем, а потом вместе со своим слугой он разделся со своим врагом.

Единственный оставшийся в живых стражник, в отчаянии взмахнув клинком, заставил Арбаса отклониться в седле назад и вонзил свою саблю в горло лошади наемного убийцы. Животное дико заржало от боли и тяжело повалилось на землю, сбросив седока, едва не подмяв его под себя. Душегуб лежал оглушенный и пытался вялым движением руки нашупать выбитый врагом меч. Тем временем стражник в безумной ярости занес клинок над распростертым противником, намереваясь отсечь тому голову...

Конан молниеносно выбросил вперед руку. Его сверкнувший топор проломил шлем всадника, рассек череп и вонзился в грудную клетку.

Быстро оправившись, Арбас вскочил на ноги и схватил под уздцы лошадь, оставшуюся без седока. С мечом в руке он в одно мгновение оказался в залитом кровью седле.

— Мы уцелели?

— По крайней мере, мы с тобой, да — угрюмо ответил Конан. — Нас осталось четверо. Могло быть и хуже. Еще есть надежда добраться до цели, если мы снова не нарвемся на какую-нибудь неприятность. Ладно. Давайте выбираться отсюда. Арбас, оставь в покое уши этого ублюдка!

Душегуб нехотя расстался со своим трофеем.

Под стук копыт победители исчезли в темноте. Подгоняя своих уставших лошадей, они неслись во весь опор, продолжая искать тропу, ведущую к бухте.

Снова начался моросящий дождь. В его пелене вдоль дороги монотонно мелькали деревья. С приближением зари сгущался туман. Казалось, беглецы обречены проскочить поворот, не заметив.

Неожиданно раздался крик Имиля.

— Нашел! Вот она! Прямо перед нами! — Он победоносно показывал в сторону, где едва заметная лесная тропинка отходила от дороги. — Мы почти у цели! — Туранец счастливо расхохотался.

Воспрянув духом при виде близкого спасения, всадники устремились к морю.

Проскакав после поворота не более двух десятков метров, они услышали крики, бряцание оружия и топот большого количества лошадей. Вынырнув из тумана, отряд в пятьдесят или более кавалеристов развернулся и поскакал в их направлении. Наконец-то к зингарцам прибыло подкрепление. Ловушка захлопнулась. Неутомимые охотники Лиги, наконец напали на след своей жертвы.

Теперь только скорость могла спасти преследуемых от неминуемой гибели.

— Чума побери их жен и дочерей! — яростно проревел Конан. — Они нас заметили. Веди нас к твоему кораблю, Имиль! И помните, мы скакем за своей жизнью!

Стремительный полет лошадей показался Имилю похожим на ночной кошмар. Он отчаянно надеялся, что не перепутал в темноте дорогу. Стиснув зубы, молодой человек несся вперед сквозь

окутанный туманом и пеленой моросящего дождя лес.

Мокрые ветви, отяжелевшие от влаги, то и дело преграждая путь, хлестали по лицу. Приходилось низко пригибаться к покрытой пеной шее лошади, сливаясь с ней воедино. Вышедшие на ночной промысел лесные звери испуганно шарахались в стороны и со всех ног улепетывали с тропы, с треском продираясь сквозь густой подлесок. Казалось неизбежным, что какой-нибудь ствол, выступающий корень или низкая ветка остановят этот стремительный полет и наступит конец.

Вскоре лес поредел, скакать стало легче. Но если раньше темнота, укрыв беглецов черным плащом, мешала преследователям точно определить, куда направляется маленький отряд, то теперь Конан и его спутники оказались как на ладони. Через некоторое время беглецы заметили, что расстояние между ними и стражниками, которое поначалу было так мало, за несколько минут заметно увеличилось. Теперь оставалось молить всех святых, чтобы окончательно выбившиеся из сил лошади не пали.

Внезапно деревья совсем исчезли, и всадники, выскочив из мелколесья, попали на широкий пляж, покрытый галькой. Мокрые камни блестели при вспышках молний. С облегчением Имиль разглядел свой корабль, ожидающий их в сотне ярдов от берега.

— Шлюпка! Шлюпка! Где шлюпка? — в беспокойстве завопил он, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь пелену дождя и серый туман. — Я приказал им держать шлюпку наготове!

— Вон она! — крикнул Конан, показывая в сторону лодки, причаленной к берегу.

Оттуда по направлению к ним уже бежали несколько матросов.

— Благославление Пеллину! Они сделали все так, как я приказал! — задыхаясь от ликования, воскликнул Имиль и поскакал навстречу своим людям.

— Отчаливайте! Отчаливайте! Плачу вдвойне каждому! Черт побери, отчаливайте!

Конан побежал по мокрой гальке, прижимая к себе пожитки. Он отпустил в туман свою обессиленвшую лошадь.

Все-таки Имиль выбрал отличных скакунов. Слабые животные просто не вынесли бы такой гонки.

В спешке беглецы прыгали в шлюпку, помогая матросам отталкиваться от берега.

Едва лишь только лодка миновала полосу прибоя, как из леса выскоцила кавалерия. В темноте освобожденные лошади на некоторое время отвлекли преследователей на себя. Но вот солдаты Зингары заметили уплывающих.

Гребцы изо всех сил налегали на весла, и шлюпка довольно быстро приближалась к кораблю. Вскоре она оказалась вне досягаемости выстрелов и проклятий, сыпавшихся вслед. Стена дождя также служила хорошим прикрытием. Ни одна из стрел не попала в цель.

— До свидания, дорогие друзья! Спасибо вам за радушное гостеприимство! — прокричал Конан и расхохотался.— Когда-нибудь я вернусь, чтобы отплатить вам за доброту.

В ответ с затянутого тумана доносились грязные проклятия. Послышиались всплески. Это несколько безрассудных смельчаков пытались догнать шлюпку вплавь. Но на корабле пеллинитов уже подняли все паруса, и зингарцы были не в силах воспрепятствовать беглецам.

Конан вытер пену и брызги воды с бороды, с длинных черных волос и подмигнул Арбасу.

— Так ты решил плыть с нами? Похоже, твоим божеством все также остается беспринципность.

— В любом королевстве нуждаются в услугах наемных убийц,— философски заметил Душегуб, пожав плечами.

Глава пятая

Арбас старательно, уже в десятый раз, пытался настроить подзорную трубу и, скосив глаза, упорно смотрел через латунную трубку, сосредоточив на этом занятии все свое внимание. Конана поведение приятеля явно забавляло.

— Черт возьми, Конан! — возмущенно воскликнул Душегуб.— Мне никак не удается навести проклятую шарлатанскую игрушку на их поганые паруса.

Опустив подзорную трубу и нахмурившись, он тупо уставился на предмет своих мучений. На сильных руках наемного убийцы заиграли мощные мускулы. Душегуб в раздражении чуть не раздавил инструмент.

— Оставь подзорную трубу в покое! — вмешался Конан, предвидя, какая участь постигнет дорогой прибор, если Арбаса вовремя не остановить.— Чтобы создать эту маленькую игрушку, потребо-

вались месяцы изнурительного труда. И, мне кажется, наш друг Имиль, ценит ее больше, чем все те драгоценные камни, которыми он увешан.

Арбас возмущенно хмыкнул, но закрыл незнакомое приспособление с бессердечной непочтительностью.

— Ладно. Ведь наш разряженный в пух и прах друг так любит свои сверкающие побрякушки. И заметь, я вовсе не хочу его оскорбить. Вовсе нет.

— Я все же думаю, что Имиль тебе не по душе,— сказал Конан.

Арбас довольно ухмыльнулся. Его лицо просветлило от какой-то приятной мысли.

— Ты не прав. Мне кажется, что я просто не люблю блестящие безделушки.

— Подозреваю, что и ты Имилю не слишком приятен.

Душегуб снова поднял подзорную трубу и резко стал вертеть ее секции.

— Ему, наверное, тоже не нравятся блестящие вещи.

— Ты прямо загадками говоришь.

— Это врожденный талант.— Арбас плотно скжал губы и решительно стал смотреть через линзу.— Похоже, я поймал там вдали какой-то силуэт. Да... Ученые Зингары потеряли своего величайшего философа, когда Арбас променял запыленную стезю ученого мира на темные переулки Кордовы.

Конан сплюнул в море.

— Да, помнится, ты уже как-то рассказывал об этом. Хотя для меня по-прежнему остается загадкой, как тебя угораздило попасть в залы акаде-

мии. Не иначе как ты подстерегал там какого-нибудь мудреца, чьи идеи стали неугодны богатым мира сего.

— Я был одним из самых многообещающих философов города. Восходящая звезда. Ни больше ни меньше. И уже начал собирать вокруг себя группу учеников, когда однажды подумал, что им, должно быть, все надоело так же, как и мне.— Арбас вздохнул.

— Когда ты последний раз рассказывал эту трогательную историю, там еще фигурировала какая-то девушка.

— Да... И не только. Наступит время, и мои мемуары займут почетное место на полках. Захватывающие приключения, грубая правда жизни, едкие комментарии, непреходящая мудрость. Если ты будешь поменьше высмеивать меня, то, может быть, в душевном порыве я посвящу один из своих томов нашему мрачному союзу.— Он все еще вертел в руках подзорную трубу и чуть не уронил ее в море.— Если чертов корабль хоть на мгновение перестанет качать, мне, возможно, удастся настроить эту дьявольскую штуковину на цель и навести фокус. Послушай, почему они не делают линзы достаточно большими для того, чтобы сквозь них можно было что-то увидеть? О чем-то бишь я... Ах да, я обязательно уделю несколько страниц моих многотомных сочинений описанию того, как высек свое имя в сердце Имиля, не требуя от него за это никакой платы, кроме глубокой признательности. То-то расстроятся ювелиры и портные по всей Туранской империи. Ведь они потеряют всех своих заказчиков, так как мои

труды произведут переворот в умах и настроениях современников. Ого!.. Кажется, я наконец поймал изображение. Теперь, когда объект в поле зрения, осталось только настроить трубу, подкрутив ее секции.

— Тебе, наверное, покажется несколько странной привычка аристократов Туранской империи украшать свою одежду огромным количеством драгоценных камней. Занятно, но они придают этому очень большое значение,— заметил Конан.— Престиж необычайно важен для них. А внешность мужчины отражает уровень его благополучия и говорит о том, какое положение в обществе он занимает. Так же как точное соблюдение правил тщательно выработанного дворцового этикета — знак хорошего происхождения и воспитания. Они создали целое искусство снобизма. Возможно, Имилю очень важно утвердиться в их обществе. Не будем к нему слишком суровы. Тем более что он недурно владеет оружием, в чем мы уже смогли сами убедиться. Так что поосторожнее с ним. К тому же в настоящее время мы — союзники. Не забывай об этом.

— Вот уж не знал, что ты так хорошо разбираешься в обычаях и нравах Туранской империи,— насмешливо протянул Арбас.

— Внимание. Сюда идет наш друг,— предупредил Конан и переменил тему разговора.

Настроение туранца заметно улучшилось с тех пор, как закончилась его трудная миссия на континенте. Обильная пища и питье, горячая ванна и долгий сон смыли тревожное выражение с осунувшегося лица Имиля. После недели скитаний

по трущобам Кордовы под чужой личиной Имиль сильно изменился, но теперь, вновь оказавшись среди слуг, относящихся к нему с должным почтением, молодой человек, казалось, вновь обрел прежнее самоуважение. А роскошная одежда даже вернула его манерам утраченную было развязность.

С величайшим удовлетворением взирал он на то, как личный раб бросает изодранные лохмотья, его единственную одежду последних дней, в море. Теперь, начисто отмытый, натертый благовонными маслами во время приятного массажа, тщательно выбритый, Имиль чувствовал себя обновленным человеком.

Его старательно расчесанные длинные волосы мягкой волной спускались на плечи. Одетый в юбку, темно-зеленые шелковые чулки, расшитую серебром коричневую шерстяную куртку и мягкие кожаные ботфорты, молодой человек весь блестал чистотой, свежестью и обилием бриллиантов. Драгоценности сияли в четырех кольцах, на рукавах кинжала и в броши, застегивающей плащ на шее. Ножны и пояс, богато отделанные серебром, сверкали и переливались при движении.

Имиль снова чувствовал себя настоящим мужчиной, не имеющим ничего общего с покинувшим свой дом несколько лет назад оборванцем, шестым сыном обедневшего и спившегося представителя мелкой знати Турана.

Молодой человек неторопливо прошелся взад-вперед у дверей каюты, а затем быстро взлетел по лестнице на высокую кормовую палубу, откуда Конан с приятелем наблюдали за морем. Арбас не без досады отметил про себя, что под шелками

юноши играют крепкие мускулы. Туранский ренегат был того же роста, что и наемный убийца, но выглядел легче фунтов на пятьдесят. Душегуб уже имел возможность убедиться в том, что тот действует клинком с поразительной быстротой и мастерством. На тонком лице Имиля сияло обманчивое выражение мальчишеской открытости. Возможно, такое впечатление создавалось за счет чисто выбритых щек и еле заметных веснушек, пропадающих сквозь бронзовый загар.

Юноша приветливо кивнул Конану и удивленно приподнял бровь, глядя на подчеркнутую деловитость наемного убийцы.

— Учим сухопутную крысу пользоваться подзорной трубой? — спросил он.

С большим сожалением узнал молодой человек о том, что у Арбаса нет никаких признаков морской болезни, если не считать безудержного аппетита.

Душегуб вспыхнул от гнева при намеке на отсутствие у него опыта мореплавателя. Он несколько раз совершил короткие прогулки по морю и считал себя закаленным морским волком. А то, что он не умеет пользоваться дурацкой трубой, не имеет никакого значения.

— На самом деле Арбас хорошо знаком с этой штукой, — примиряюще сказал Конан. — Он только что восторгался точностью и силой увеличения, которые демонстрирует твой прибор.

— Гмм... Однако... — недоверчиво пробормотал Имиль, отбросив со лба растрепавшуюся от ветра прядь темных волос. — Минуту назад мне показалось, что он держит ее задом наперед.

— Я просто восхищался безупречной работой мастеров,— нашелся Арбас.

Подзорные трубы, хотя и очень дорогие, в те времена не были редкостью. Просто людям, не испытывающим необходимости смотреть дальше, чем на другую сторону переулка, пользоваться ими, как правило, никогда не приходилось. Сответственно, наемный убийца не знал, как работает этот прибор. Ему гораздо чаще приходилось полагаться на свои собственные глаза, дабы вовремя заметить то, что творится под носом, чем плятиться в туманные дали.

Имиль поспешил сменить тему разговора. Он показал рукой в направлении двух парусов, появившихся на горизонте и пристроившихся к кильватер.

— Они все еще не оторвались от нас, не правда ли? — заметил юноша.— Позвольте.— Он взял трубу и умело настроил ее на преследователей. Некоторое время он разглядывал их молча, сосредоточенно поджав губы, а затем передал инструмент Конану.

— Как вы уже, наверное, сами заметили, — при этом юноша учтиво посмотрел на Арбаса, — оба корабля принадлежат флоту Зингары. Это опровергает наше первоначальное маловероятное предположение, что мы напоролись на пиратов Баракских островов.

Погоню впервые заметили поздним утром. Имиля подняли крики вахтенного. Однако он счел это событие менее важным, чем занятие собственным туалетом. За целый день паруса так ни разу и не исчезали из виду. Теперь любому уже стало бы понятно, что их преследуют.

«Зингарцы всегда славились своим упрямством,— подумал Конан.— Видимо, щупальца их местности простираются значительно дальше, чем я предполагал». Вслух же он произнес:

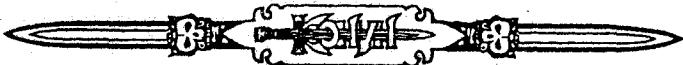
— Они видели, как мы садились на корабль. Понятно, что из залива Кордовы есть только один выход. В темноте мы проскочили незамеченными мимо патрульных, ожидающих в устье. Но у них есть суда и на прибрежных островах. С рассветом зингарцы, должно быть, подняли по тревоге все команды в пределах досягаемости сигнальных зеркал. Зная место нашего отплытия, невозможно высчитать все возможные маршруты, ведущие из Кордовского залива, и преградить нам путь. Проще простого. Все предусмотрено. Немного странно, что нас нашли только два парусника,— закончил Конан.

— Ничего странного, учитывая то, в каком состоянии правители Зингары содержат свой флот,— отозвался Имиль. В его словах сквозило презрение закаленного в штормах морского волка к тем, кто не отплывал от берега дальше пределов видимости.

— И все-таки эти два корабля нас обнаружили, — вмешался Арбас.— И, на мой непросвещенный взгляд, мне кажется, что они нас догоняют.

Конан долго смотрел на преследователей в подзорную трубу.

— Да. Догоняют. Очень медленно, но приближаются,— согласился он.— Все же у Зингары есть несколько крупных судов. И, похоже, мы привлекли внимание двух самых лучших. Это галеры с двумя рядами весел. Такие, с длинным стройным

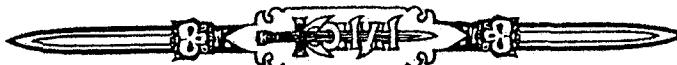
корпусом, появились совсем недавно. Они экспериментальные. Изобретатели попытались создать весельное судно, быстрое, как первоклассный парусник, способный при ветре развить очень большую скорость. Вся сложность подобной затеи в том, чтобы в достаточной мере сбалансировать киль и паруса, но при этом сохранить возможность легко толкать корпус веслами. На этих посудинах парусов больше, чем полагается иметь галере. Посмотрите, какие высокие мачты! У них великолепный ход, но они очень неустойчивы и при сильном ветре мигом переворачиваются.

Конан мрачно осмотрел их собственное небольшое суденышко. Имиль выбирал его, заранее зная, что им придется уходить от погони. Прежде всего туранцу требовалась посудина, которую можно было бы легко спрятать. Немаловажное значение в таком рискованном предприятии имела также скорость и боевые качества корабля. Выбор пал на быстроходное узкое судно, низко сидящее над волнами и оснащенное всеми возможными парусами, которые позволяла иметь его конструкция.

Однако один ряд весел, на случай отсутствия ветра, ни в какое сравнение не шел с двумя рядами весел на галерах преследователей. Число воинов в команде, которые при необходимости могли быть и гребцами, было минимальным, что тоже не радовало.

Итак, два мощных военных корабля, сконструированных по последнему слову техники, уверенно нагоняли беглецов.

— Думаю, что в ближнем бою нам не поздоровится. А очень похоже на то, что избежать встре-

чи не удастся. Расстояние между нами сокращается даже при наличии ветра. Если же наступит штиль, их скорость станет раза в три больше нашей. У нас остался единственный шанс — оторваться от зингарцев в темноте. Если, конечно, они не догонят нас до наступления ночи.

Казалось, уверенность Имilia в успехе его предприятия остается непоколебимой.

— Они не смогут настигнуть нас до утра, — спокойно и убежденно сказал он. — Еще до рассвета мы войдем в северные пределы Аргоса, независимо от того, потеряем мы их ночью или нет. Если, конечно, ветер не стихнет. Туда они сунуться не посмеют.

— Спорное утверждение. Особенно если учесть уже продемонстрированное нам упорство воинов Кордовы, — возразил Арбас. — Кроме того, смею тебя уверить, что воды Аргоса не слишком приятное местечко для морских прогулок, тем болееочных. Тебе не кажется, что твои люди скорее предпочтут рискнуть и сразиться с флотом Зингары?

Имиль беззлобно улыбнулся.

— Сама Эфрель приказала мне плыть туда и обратно через воды Аргоса. С нами ничего не случилось по пути в Туран, и сейчас мы будем следовать тем же маршрутом. Я совершенно уверен, что в подобных вопросах на Эфрель можно положиться. Могу побиться об заклад, что зингарцы не осмелятся преследовать нас в водах Аргоса.

В ответ Конан только неопределенно пожал плечами. Он не мог предложить ничего лучшего. Но Душегуба доводы молодого человека явно не убедили.

— Арбас, может быть, ты хочешь заключить пари? — учтиво предложил Имиль.— Скажем этот твой хваленый клинок против моего, украшенного драгоценными камнями. Выгодная сделка. Кто еще предложит тебе такие условия? Лезвие сомнительного происхождения в обмен на дорогостоящие алмазы.

Арбас в задумчивости погладил свои длинные усы, не желая уступать. В конце концов он покачал головой.

— Нет, нет. Я не согласен. По моим понятиям достоинство ножа оценивается по его клинку, а не по стоимости вычурной рукояти. Насмотрелся я в Кордове на изнеженных молокососов, которым стыдно было бы носить такой кинжал, как у меня. А где они теперь? И знаешь, мне пришло в голову, что, в случае если я выиграю это пари, вряд ли мне доведется долго наслаждаться выигрышем.

— Вот уж не думал, что ты так осторожен,— недовольно процедил Имиль.— Ну что ж, поживем — увидим. Завтра утром все прояснится.

* * *

Остаток дня прошел без особых происшествий. Но к вечеру корабли Зингары приблизились к ним уже настолько, что можно было различить невооруженным глазом два ряда весел. Ветер пока еще помогал беглецам. Туранское судно уверенно двигалось к печально известным водам Аргоса.

После того как темнота поглотила преследователей, Конан и Арбас на несколько часов засели за игру в кости. Однако это не слишком отвлекало

от мыслей об опасности. Ни один из них не мог сосредоточиться на игре. Оба мучительно прислушивались, не послышится ли во тьме шум приближающегося врага. Их судно, подобно черной стреле в беззвездной ночи, плыло, не зажигая бортовых огней. Огни же галер Зингары время от времени мелькали в туманной дали. Враги безшибочно следовали по пятам и довольно быстро нагоняли беглецов.

В конце концов игроки оставили свое развлечение, когда выяснилось, что Конан забыл предыдущий счет, а Душегуб, как ни старался, тоже не смог его вспомнить. Наемный убийца невозмутимо собрал свой скучный выигрыш и отправился спать в гамак. Конан, находясь в мрачном настроении, решил остаться на палубе. Но, опустошив еще одну бутылку вина, он вскоре заснул тяжелым тревожным сном, растянувшись на сваленных в кучу снастях и запасных парусах.

Его мучили кошмарные сновидения, однако это не помешало ему беспробудно проспать всю ночь. Перед самым рассветом Конан внезапно проснулся и по привычке сразу схватился за рукоять меча. Он мучительно пытался понять, что его разбудило и чем вызвано такое сильное чувство тревоги.

Вот опять. Снова какие-то непонятные звуки. Они доносились из темной дали.

Что это? Треск дерева? Голоса людей?

Конан весь превратился в слух, и ему показалось, что он различает хруст расщепляемых досок и крики ужаса. Шум слишком далекий и неясный. Неожиданно все прекратилось. Наступила тишина.

Полная тишина.

В смятении Конан вскочил на ноги. Перед восходом солнца ветер совсем утих. Паруса безжизненно висели в вышине, лишь иногда слегка колыхаясь на неизвестно откуда налетевшем ветерке. Киммериец подумал, не пора ли поднять людей, чтобы посадить их на весла, но быстро отказался от этой идеи. Корабли Зингары теперь оказались в более выгодном положении, а в темноте плеск воды подскажет противнику место их пребывания. Вахтенный, должно быть, уже доложил Имилю о сложившейся ситуации, и тот, по-видимому, пришел к такому же решению. К тому же до рассвета их еще может отнести подводным течением в сторону от врагов. Как бы то ни было, при свете дня появится возможность хотя бы оценить обстановку.

Конан снова лег и лежал без сна, глядя, как на востоке занимается заря. Приблизительно через час небо стало светлеть, и он подошел к борту. На душе киммерийца скребли кошки. Послыпался скрип открываемой двери и звук шагов за спиной. Конан оглянулся и увидел вышедшего из каюты туранца. Тот сладко зевал и лениво потягивался.

«Интересно, насколько наигранна эта беззаботность?» — подумал Конан.

— Доброе утро,— бодро поздоровался Имиль.— Я приказал вахтенному разбудить меня, как только забрезжит рассвет. Однако вы меня все-таки опередили. Ну что там у нас? Уже что-нибудь видно?

Конан отрицательно покачал головой. Клубящийся над волнами туман окутал все окружаю-

щее пеленой еще более непроглядной, чем ночная мгла.

Когда первые лучи солнца коснулись водной глади, еще слегка затянутой легкой рассеивающейся дымкой, море вокруг было абсолютно чистым до самого горизонта.

— Чертов ветер так и не поднялся! — разразился проклятиями Имиль.— Похоже, нам придется провести еще одну ночь в этих водах, если, конечно, ветер не задует к полудню. Пожалуй, я посажу людей на весла, — с досадой добавил он, наконец.

Приказания командира были выполнены. Солнечная команда высыпала на палубу, ворча по поводу того, что доблестным воинам приходится трудиться подобно рабам на галерах. Небо посветлело, однако вчерашних преследователей по-прежнему видно не было.

Судно с трудом сдвинулось с места и поначалу шло очень медленно. Но вскоре гребцам удалось его разогнать до приличной скорости.

Взошло солнце. Между тем, даже внимательно осмотрев весь горизонт через подзорную трубу, Конан не заметил ни каких признаков галер Зингары.

— Как я и предполагал, они не рискнули сунуться в воды Аргоса, — напомнил Имиль, когда стало ясно, что беглецы в океане одни.— Даже упрямству зингарцев есть предел. Эфрель опять продумала все до мелочей.

Несмотря на всю самоуверенность юноши, в его мягким голосе слышалось явное облегчение.

— Похоже на то, — машинально согласился Конан. Однако в этот момент все его внимание было сосредоточено на другом.

На значительном расстоянии от них он заметил плавающие останки судна, потерпевшего кораблекрушение, и теперь пристально рассматривал их в подзорную трубу. Сломанные бревна, ящики с грузом, обычно заполнявшие трюмы, мелкие, трудно распознаваемые предметы. По всему видно, что корабль был крупным и катастрофа произошла совсем недавно, так как качающиеся на воде обломки еще не разнесло в разные стороны морскими течениями. Похоже, никто из команды не спасся. Там, среди мешанины полузатонувших бревен и корабельной утвари, не было видно ни одного тела.

В водах Аргоса невозможно налететь на подводные рифы. Может быть, преследующие их галеры в темноте столкнулись? Однако даже самый сильный толчок не раскрошил бы их корпуса на мелкие щепки. Что же тогда произошло?

Конан передал подзорную трубу подошедшему Арбасу. Теперь он почти не сомневался, что никогда уже больше не мелькнут на горизонте высокие мачты галер, которые еще так недавно следили за ними по пятам.

Глава шестая

Это произошло поздней ночью. Все на зингарском корабле сладко спали, когда вахтенный заметил стоящую у борта одинокую фигуру в плаще, с накинутым на голову капюшоном. Обрадовавшись тому, что кто-то скрасит его одиночество в тосклиевые часы ночных дежурства, он подошел к человеку, не нарушая молчания.

На лицо мужчины падала глубокая тень, и матрос не смог определить, кому на судне не спалось. Впрочем, этот вопрос не слишком его интересовал. Он был просто доволен, что не один и, перегнувшись через леер, стал вглядываться в океан, окутанный ночной мглой.

Дул сильный ветер. Корабль разрезал темные волны с белыми барашками, оставляя за собой пенистый след. Призрачный холодный свет почти полной луны отражался от маслянисто-черной поверхности воды. Подняв глаза, вахтенный увидел

всего несколько звезд, да и те смотрели как-то недобро, словно кошачьи глаза, сверкающие в темноте. Небо было почти полностью закрыто тяжелыми облаками, которые выглядели очень необычно. Подгоняемые ночным ветром, они неслись с огромной скоростью, время от времени закрывая мертвенно-бледное светило и принимая при этом самые причудливые очертания.

Все в небе казалось странным. И роковые гигантские фигуры, гротескно изгибающиеся, словно живые, и звезды, искоса смотрящие на зловеще изогнутые силуэты, и луна, похожая на единственный глаз безумного божества, внимательно наблюдающего за тем, что происходит в этом мире.

— Посмотри! — изумленно воскликнул вахтенный, показывая вверх.— Почему, интересно, облака ведут себя так дико?

— Это, боги тьмы,— прозвучал в ответ неестественный скрипучий голос.— Они ткут человеческие судьбы из нитей безграничной космической ночи. Ты увидел сейчас их тени. Силы зла собираются сегодня отпраздновать грядущие страшные дни.

Слова звучали нереально, словно эхо, доносящееся издалека сквозь пространство и время. Этот жуткий надтреснутый голос напугал матроса. Он резко повернулся, чтобы рассмотреть говорящего.

Рядом с ним никого не было.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

...Единственный раз в жизни вступил Конан в союз с силами зла, чтобы уничтожить еще большее зло, отомстить своему старинному врагу — правителю Турана...

Немедийские хроники

Глава первая

Со стороны северного побережья Пеллин смотрелся мрачно и отталкивающе. Его скалы обрывались отвесными стенами черного базальта, причудливо изломанными временем, иссеченными ветрами и отполированными неистово бьющимися о них волнами прибоя. Даже в глубине острова слой почвы был тонким и неплодородным. Редкая чахлая растительность пыталась удержаться на скалах. На горизонте маячили одинокие черные изогнутые стволы деревьев, которым удалось пробиться через увитый плющом низкий колючий кустарник.

То там, то тут виднелись голые участки земли, где даже такие неприхотливые растения отказывалась пускать корни. На этих пустошах угремо возвышались нагромождения базальта, мрачно поблескивающего под лучами заходящего солнца. Зловещие каменные руины были слишком пра-

вильной формы, чтобы принять их за творение природы, и слишком древние, чтобы предположить, что их могла сотворить рука человека. Заброшенные развалины, оставшиеся от когда-то созданных неведомыми циклопами строений, вот уже в течение многих веков одиноко наблюдали за неустанно набегающими на берег океанскими волнами.

С южной стороны острова располагалась широкая гавань города Призарта, столицы острова и резиденции Эфрель. Она была хорошо защищена. Укрепления охраняли узкие проливы, ведущие в бухту, заполненную сейчас множеством военных кораблей, так как Эфрель готовилась к войне. Порт окружали сухие доки и судостроительные верфи. Здесь располагалось множество складов и бараков, мрачных построек из дерева и базальта. В глаза сразу бросались редкие яркие вкрапления роскошных дворцов знати. Претенциозно отделанные, они резко отличались от окружающих их зданий.

И над всем этим возвышался Дан-Легех, черная крепость Призарта, с незапамятных времен являющаяся родовым замком Пеллинов. Его зловещий бесформенный силуэт четко вырисовывался на фоне кроваво-красного неба. Это была экзотическая постройка частично циклопической кладки. Его увенчанные башнями высокие стены чем-то отдаленно напоминали древние руины, которые до сир пор еще сохранились в необжитых и пустынных частях острова. Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы определить, что многие строения крепости присоединены к первоначаль-

ной, вырубленной в скале структуре значительно позднее. Вот слева к черной базальтовой стене неуклюже прилепилась угловая башня, не вписавшаяся в архитектуру древней постройки. А вот справа, к той же стене нелепо приклеилась высокая ограда совсем другой кладки.

Эти многочисленные пристройки, сами по себе тоже древние, являлись немыми свидетельствами того, что на протяжении всей долгой истории замка хозяева Дан-Легеха всегда пытались сделать его более пригодным для человеческого жилья. Более поздние строения резко контрастировали с предыдущими и выглядели чужеродными.

Легенды рассказывают, что крепость стояла здесь еще до того, как первый человек ступил на Пеллин. Впрочем, об этом острове существует множество загадочных мифов.

Наконец корабль, нанятый Имилем в Хоарезме, вошел в порт Призарта. Конан пересек полмира, чтобы очутиться в этих негостеприимных землях.

Над городом пыпал закат. Дул легкий ветерок. Столица тонула в длинной тени своей мрачной цитадели. На пристани Имilia и гостей встретил вооруженный эскор特. К тому времени как они причалили, опустились сумерки. Под звон и лязг оружия кавалькада, освещенная неровным светом факелов, быстрым галопом проскакала по узким темным улочкам Призарта. Когда путники достигли Дан-Легеха, уже почти совсем стемнело. Процессия остановилась перед массивным подвесным мостом с барбаканами (навесная башня, обороняющая подъемный мост), охранявшими главный въезд в цитадель. На город опустилась ночь.

Едва всадники миновали центральные ворота Дан-Легеха, как из темноты навстречу им вышел офицер. Судя по экстравагантному наряду и богатой экипировке, перед ними стоял могущественный вельможа. Высокий, стройный, с бледным красивым лицом и иссиня черными волосами, он выглядел как типичный туранский аристократ. Гибкость кошки, сильные мускулы и безупречная координация движений — этот человек был столь же грациозен и в то же время столь же опасен, как черная пантера. Его ничего не выражавшие зеленоватые глаза холодно блеснули в свете факелов.

— Поздравляю тебя, Имиль, с выполнением труднейшего задания. Я знал, что ты оправдаешь наше доверие. Ты прекрасно справился с порученным тебе делом,— проговорил он вместо приветствия и, сделав многозначительную паузу, решительно продолжил.— А вы, стало быть, и есть знаменитый... Конан.— Вельможа с трудом произнес имя, словно сомневался, можно ли говорить не пристойности в благословленном обществе.

С минуту двое мужчин разглядывали друг друга. Конан сразу ощутил глубокое чувство ненависти и соперничества со стороны туранца. Держался тот надменно. Высокомерное выражение лица не оставляло сомнений в том, что он с самого начала был рьяным противником появления Конана на Пеллине, еще когда поездка Имilia только планировалась. От открытого проявления враждебности, его, по-видимому, удерживали приказ госпожи и долг офицера. Конан в душе усмехнулся иронии судьбы, по которой первым на Пеллине

его приветствовал потенциальный смертельный враг, хотя они и встретились сегодня впервые.

Туранский дворянин смотрел на него с нескрываемым презрением. Их глаза встретились, и вельможа поспешно отвел взгляд. С этого момента он стал вести себя более осторожно и расчетливо.

— Меня зовут Оксфорс Альремас,— сообщил офицер.— Я подчиняюсь здесь только приказам самой Эфрель.— Он сделал паузу, чтобы непрошеные гости могли прочувствовать сказанное. Затем, явно сделав над собой усилие, продолжил с откровенной фальшью в голосе: — Добро пожаловать на Пеллин и в Дан-Легех. Через некоторое время в вашу честь будет накрыт стол. А для начала позвольте мне проводить вас в удобные апартаменты. Подозреваю, что вам необходимо смыть с себя соль утомительного путешествия. Если сочтете нужным переодеться согласно новому положению, там же вас ожидает более подходящая одежда.

Кусая в задумчивости губы, Имиль наблюдал, как Конан и Арбас уходят вместе с Альремасом. Затем встряхнул головой, словно для того чтобы привести в порядок мысли.

Глава вторая

Конан нашел свои апартаменты действительно по-королевски роскошными. Несколько светлых, шикарно обставленных комнат с высокими потолками. Богато расписанные орнаментами стены увешаны гобеленами. Полы застланы восхитительными коврами. Многочисленные кушетки покрыты дорогими мехами. Повсюду изысканная мебель. Большие окна искусно задрапированы шелковыми занавесями и тяжелыми бархатными портьерами. В спальне — полог из полуупрозрачной ткани. В каждой комнате великолепные картины и скульптуры. В одном из помещений — небольшой перламутровый бассейн для купания. Именно там Конан, неожиданно для себя, получил несказанное удовольствие с красивой девушкой-рабыней, присланной ему в качестве личной служанки.

Обещанный обед оказался столь же роскошным. Он впечатлял обилием яств и приглашенных.

Столы для пиршства были накрыты в гигантском главном холле, ярко освещенном факелами. Несметное количество разнообразных мясных блюд и изысканных вин сменяли друг друга. Их приносили ловко ускользающие из рук роскошные девушки-рабыни. В зале разместилось не менее двухсот гостей, в основном знать и офицеры. Громкие разговоры и смех, царившие за длинными деревянными столами, отзывались гулким эхом под высокими сводами потолка.

Но Конану все время казалось, что веселье было ненатуральным. В подчеркнуто беззаботных голосах дворян чувствовалась натянутость и нервозность, которые не удавалось скрыть громкими фальшивыми восклицаниями. Даже тени по углам выглядели уж слишком темными. Несколько раз его взгляд ловил какое-то движение за бархатными пропыленными портьерами. В течение всего вечера наделенный особенно острой чувствительностью Конан ощущал, что кто-то тайно наблюдает из укрытия за пиршеством в зале, некто, обладающий почти нечеловеческим могуществом.

Королевский стол, где обычно размещались только самые приближенные особы, находился у задней стены. Именно там и было отведено место для Конана. Оксфорс Альремас сел справа от него, а Имиль слева. Арбаса посадили неподалеку. Пеллиниты понятия не имели, каков его статус, но решили, что, наверное, он важная птица, раз прибыл с Конаном. Во главе стола возвышался массивный трон, который, однако, так и остался незанятым. Разговоры за обедом тщательно обдумывались и не выходили за рамки бытовых тем.

Киммериец с любопытством ожидал дальнейших событий. От Эфрель пока не было ни слуху, ни духу.

Пир уже подходил к концу, и «дорогой гость» только что осушил очередной кубок вина, когда к нему повернулся Альремас.

— А теперь, если ты уже немного отдохнул после путешествия, я проведу тебя к Эфрель.

Конан спокойно кивнул и поднялся.

Вельможа повел его по бесчисленным винтовым каменным лестницам и лабиринту запутанных коридоров. Внутреннее строение крепости было намного сложнее, чем казалось снаружи. И снова Конан обратил внимание, что в основном все стены и лестничные пролеты достраивались позднее. Может быть, ихозвели, когда первоначальные конструкции совсем разрушились от времени? Внешние, самые древние стены было легко отличить по цикlopической кладке. Они состояли из искусно подогнанных исполинских монолитных базальтовых блоков. Чтобы поставить эти тяжеловесные громадины друг на друга, требовалось инженерное решение такого уровня, которого еще не достигла современная цивилизация.

Наконец Альремас остановился перед массивной дубовой дверью, обитой железом. Он громко постучал в нее рукоятью своего ножа. Дверь бесшумно отворилась. В проеме появился огромный раб. По его тучной фигуре Конан сразу догадался, что это евнух, которых в те времена обычно использовали как телохранителей в личных покоях знатных дам. Впрочем, в нем было нечто и не совсем обычное — рост гиганта превышал семь

футов, а под колышущимся слоем жира угадывались железные мускулы. В ножнах, прикрепленных к поясу, висел длинный паранг (большой малайский нож). Лицо слуги ничего не выражало.

— Отдай свое оружие евнуху, — буркнул Альремас.

Туранец бросил на Конана горящий ненавистью взгляд и быстро исчез в темноте коридора.

Переступив порог, Конан попал в ярко освещенную просторную приемную, ничего общего не имеющую с теми будуарами, которые ему до этого приходилось видеть. Интерьер помещения был несколько экзотичным. Хотя в подборе мебели явно чувствовалась женская рука, здесь находились также и предметы зловещей дьявольской природы: таинственные картины и фигурки, странно переплетенные тома книг, необычные аппараты и приспособления для проведения алхимических опытов.

В воздухе стоял запах чужеземных ладанов, к которому примешивались и другие незнакомые ароматы. Каким-то образом Конан явственно ощущал ауру зла. Приемная королевы представляла собой жутковатый гибрид будуара знатной дамы и кельи чернокнижника.

Гость сразу обратил внимание на дверной проем, завешенный тонкой вуалью. Света по ту сторону полупрозрачного полога не было. Таким образом человек, находящийся в соседнем помещении, мог хорошо видеть все, что происходит в приемной, сам при этом оставаясь невидимым.

Не испытывая особого удовольствия от такого положения дел, Конан уселся в кресло и стал

пристально смотреть на занавеску. Ему не пришлось долго ждать.

— Значит, ты и есть тот самый Конан.

Низкий голос, раздавшийся из-за полога, звучал странно. Несмотря на сохранившиеся мягкие женские интонации, он был непонятным образом искажен, как будто искалечен. Создавалось впечатление, что у говорящей слова застревали в горле и ей сложно произносить звуки из-за душившей ее безумной ярости, скрывающейся за здравым смыслом фраз.

— А ты, стало быть, Эфрель? — поинтересовался киммериец.

В ответ послышалось отвратительное хихиканье.

— И да, и нет. Я была когда-то Эфрель. Полагаю, что удобнее и сейчас называть меня этим именем. Но, к сожалению, теперь я уже не Эфрель. Она умерла. Умерла два года назад. Но, с одной стороны, я — мертва, и в то же время я — Эфрель. Или, лучше сказать, была Эфрель, поскольку ее больше нет. Но к чему все это, Конан? Ведь не имеет никакого значения, кто я. Итак, можешь называть меня Эфрель. Пока меня такое обращение устраивает. Ведь мертвые не всегда умирают. Например, Нетистен Марил — мертвец, а все еще живет на этом свете.

Последние слова прозвучали, как крик сумасшедшей. Затем наступила тишина. Женщина явно пыталась взять себя в руки и обуздать ярость.

Вскоре она заговорила вновь.

— Да, я — Эфрель. Имиль, должно быть, рассказал тебе о моем прошлом и о том, какое место ты занимаешь в моих планах.

Конан кивнул.

— Имиль рассказал мне о твоем желании отомстить за себя Нетистену Марилу и снова сделать Пеллин могущественным центром империи. Из его повествования я понял, что меня вызвали, чтобы в предстоящей войне возглавлять твой флот. Но тут сразу возникает вопрос: почему ты не хочешь положиться в этом деле на одного из своих генералов? Похоже, Оксфорс Альремас считает, что командование всеми войсками должно быть поручено ему.

В ответ вновь раздался дикий смех.

— Бедняжка Альремас. Милый Альремас. Он всегда был предан мне, и в постели, и в бою. Я думаю, все это время он рассчитывал взять бразды правления новой империей в свои руки, оставив для моих нежных ручек более деликатные занятия. Конечно, я поступила жестоко, балуя его тщеславие. Не правда ли? Думаю, что у него есть причины ненавидеть тебя. Ведь ты претендуюешь на власть, которая, как он считает, по праву должна принадлежать ему. А мой генерал не сомневался в правильности своих расчетов. Бедненький преданный Альремас...

После короткого молчания она продолжила:

— Но нельзя быть таким гордым. Ведь тщеславие и зависть могут отвлечь его от выполнения важных, ответственных дел. И, разумеется, я не смогу простить ему этого преступления. Нет, все-таки Альремас не смог бы справиться с таким сложным заданием. Ему больше подходят роли, где нужна кошачья ловкость. Интриги — вот его призвание. Нет, он не может стать моим флото-

водцем. Впрочем, хватит об Альремасе. Я отдаю его тебе в подчинение вместе со всеми моими военными силами.

Конан подумал, что у придворного, наверное, есть свои соображения на этот счет, и решил уточнить еще некоторые детали:

— Но мне непонятно, почему именно меня ты выбрала, чтобы руководить этим восстанием. И как ты узнала обо мне? Не спорю, я снискал себе некоторую известность как пират и адмирал, приняв участие в нескольких морских сражениях далеко отсюда, на Западном море. А в Туране я был давно и считал, что обо мне давно забыли в этих краях.

— Так ли ты удивлен нашим вниманием к тебе, Конан? — В голосе Эфрель сквозила откровенная издевка. — Нет, ты знаешь, почему я вызвала тебя. Я вызвала тебя, как могла бы вызвать демона. Люди не врут, когда говорят, что я колдунья. Я действительно уже давно погрузилась в таинства черной магии, и мне известны секреты древних богов, которые еще не совсем забыли свой старый дом... Но обо всем этом ты узнаешь позже. А сейчас я хочу развлечь тебя историей. Историей, которую ты знаешь не хуже меня. Или нашептавший мне ее на ухо демон — лжец.

Мой рассказ перенесет тебя на двадцать лет назад, в те дни, когда Туран еще ничем не отличался от множества других разрозненных княжеств Запада. Империей он считался условно. И Султанапур, и Ахит, и Самарра, и Шангара, и Хоарезм, и Зам-

була, и остальные, меньшие по размеру, боролись между собой, плетя интриги и любым способом пытаясь расширить свои владения. Они напоминали мелкие королевства, ослабленные и обдневшие от непрекращающихся междуобщин.

Кроме того, в море Вилайет полно совсем крошечных островков. Каждый из них имеет несметное количество маленьких гаваней и заливчиков, словно специально созданных для рыбаков... или пиратов. Да, немало любителей легкой наживы промышляло в этих водах. Неисчерпаемое многообразие мест, где можно укрыться, и интенсивная торговля делали наш край настоящим раем для подобного sorta людей. Все многочисленные попытки правителей найти и наказать виновных, как правило, ни к чему не приводили.

Однако поначалу все относились к пиратам просто как к досадной неприятности, хотя и опасной. Разобщенные и неорганизованные, они не представляли особой угрозы для большинства островитян. Как шакалы, бесшумные убийцы подстерегали беспомощных и беспечных, нападая на одинокие суда. Но хорошо вооруженного эскорта вполне хватало, чтобы разбойники в страхе прятались в свои норы.

И вот однажды в наши края из северных земель пришел грозный незнакомец. Он сразу прославился своей исключительной жестокостью. Никому из его противников не удавалось выйти из схватки с ним живым. Надо признать, что чужестранец был гением в стратегии и тактике морского боя. За несколько лет он воздвиг на скалистом острове на севере Вилайета неприступную кре-

пость, объединив под своим началом всех местных пиратов. С соперниками чужеземец разобрался просто — некоторых перетянул на свою сторону, остальных уничтожил. Под командованием этого страшного человека собрался гигантский флибустьерский флот. Кровавое смертоносное оружие нависло над морскими торговыми путями. А вскоре разнозданные пираты начали угрожать даже самым портам.

Целые эскадры под черным флагом безнаказанно рыскали по морям, атакуя любой встретившийся им на пути корабль. В каждой гавани они имели своих лазутчиков, которые постоянно информировали их о выходящих в море купеческих судах и о готовящихся отчаянных контрмерах. Ничто не удавалось скрыть от разбойников. Ни один конвой не был достаточно вооружен, чтобы отразить их атаку. Даже военные флотилии самых крупных островов пали в бою с пиратами. Теперь любое судно, осмелившееся выйти из гавани, было обречено на неминуемую гибель.

Со временем разбойники стали безраздельно господствовать на море. Даже лодки бедных рыбаков не решались отплыть от берега. В конце концов морские хищники распугали всю свою добычу. Казалось бы, настало самое время им разделиться и отправиться на поиски новых мест для наживы. Мало ли богатых торговых путей на свете. Но у властолюбивого вожака пиратов были другие планы. Когда в море перестали появляться купеческие суда, он обрушил всю мощь своего флота на города, расположенные вдоль побережья, таким образом добравшись до богатств,

скудные крохи которых ему удавалось перехватывать в морских стычках.

Среди ночи хищники нападали на спящие порты. Короткая битва в момент сметала всякое организованное сопротивление, и города становились их добычей. Как смерч пролетали пиратские орды по улицам, круша все на своем пути, поджигая дома. Что нельзя было взять с собой, безжалостно уничтожалось. Разбойники не гнались ничем, они хватали все подряд — от дорогих вещей до малоценного скарба. Пираты убивали попавших им под руку людей, от мала до велика, насиловали женщин. А когда взять уже было нечего, негодяи устраивали буйное пиршество. На рассвете они уплывали, оставив после себя обугленные тлеющие руины.

Того человека, который командовал пиратскими ордами, человека, чей злой гений выковал это внушающее ужас оружие разрушения, звали Конаном.

Но он перегнул палку. Так не могло продолжаться до бесконечности. Правители городов, входящих в Туранскую империю, наконец осознали, что пиратская империя Конана представляет для них смертельную угрозу. Оставив частные ссоры, они, последовав примеру своего злейшего врага, объединились. Во главе этого объединения встал правитель дома Пеллинов, которого сочли самым авторитетным и могущественным. Обновленная империя, собрав по крупицам все свои разрозненные силы в единый мощный кулак, сколотила флот, достаточно грозный, чтобы бросить вызов дерзкому пирату.

После долгих и бесплодных месяцев мелких стычек и упорного преследования островитяне под командованием Нетистена Эбура, правителя Товноса, атаковали Конана у берегов его пиратской цитадели на острове Монт. Завязалась жестокая битва, исход которой долгое время был непредсказуем. Ведь оба адмирала превосходно знали свое дело, а силы оказались приблизительно равными. От того, чем закончится это отчаянное сражение, зависела судьба островов. Весь день продолжался безжалостный поединок двух гигантов. Перевес попеременно оказывался то на одной стороне, то на другой. Но к вечеру Нетистен Эбур получил довольно большое подкрепление. Это и определило исход боя.

Увидев, что у противника теперь слишком большое численное превосходство, Конан решил, что бесполезно продолжать эту битву на море. Он собрал разбросанные остатки своего флота и отвел его в гавань крепости, расположенной на вершине неприступной скалы. Осада пиратской цитадели длилась несколько месяцев. Это были трудные кровавые дни. Однако катапульты и осадное оружие, применяемые с завидным упорством, потихоньку сделали свое дело. Мало-помалу они разнесли крепкие стены. Ценой громадных потерь Нетистен Эбур прорвался в разрушенную крепость и в последней смертельной схватке одолел врага.

Выживших в бойне пиратов публично казнили. Но победа дорого стоила и нашей империи. Битва у острова Монт унесла жизни многих знатных людей. В том числе там погибли все высоко-

родные правители дома Пеллинов. Таким образом Нетистену Эбуру удалось узурпировать титул императора новой империи для себя и своей линии. Среди выжившей аристократии не осталось никого, кто мог бы возразить герою последней решающей битвы. Итак, Нетистены бесчестно захватили трон империи, украв у рода Пеллинов то, что по праву принадлежит нам.

Но самое интересное обстоятельство обнаружилось после казни последнего из пиратов. Хотя многие видели, как Конан до конца сражался бок о бок со своими людьми, после битвы его не обнаружили ни среди живых, ни среди мертвых. Много дней подряд победители старательно искали тело предводителя пиратов и среди почерневших от огня развалин (все, что осталось от неприступной некогда крепости), и в грудах окровавленных изуродованных трупов. Никаких следов Конана так никогда и не было найдено. Он как в воду канул. Некоторые считают, что пираты спрятали тело своего вождя, дабы избавить от надругательств. Другие смеются над подобным утверждением, с пеной у рта доказывая, что Конан выскользнул из крепости какими-то никому не ведомыми потайными ходами. И таким образом проскочив мимо вражеского оцепления, уплыл с другой части острова.

Во всяком случае исчезновение жестокого пирата еще долго будоражило умы современников. А те, кто жил рядом с морем, вздрагивали от малейшего шороха, боясь, что однажды ночью его черный флот вернется, чтобы отомстить в кровавой битве за свое поражение на острове Монт.

Даже сегодня слово «Конан» — это проклятие, символ зла, ужаса и насилия.

Впрочем, жуткое имя морского пирата уже давным-давно кануло в Лету, став одной из угрюмых легенд нашего народа. Демоническая фигура, этот Конан из прошлого. Все его деяния были окутаны мраком таинственных мифов и слухов даже при жизни. Однако и смерть его никем не доказана. Он сверкнул в нашей полной несчастий и горестей истории, подобно все разрушающей на своем пути комете, внезапно появившейся из кромешного мрака ночи и также неожиданно исчезнувшей в неизвестном направлении.

Люди говорят, что Конан был огромного роста и мощного телосложения. В битве ни одному человеку не удавалось устоять против него. Раз в десять сильнее самых лучших воинов, он мог драться одновременно двумя мечами, так как одинаково хорошо владел и левой, и правой рукой. А оружие выбирал себе такое, что простой смертный и не приподнял бы. У него были черные как крыло ворона волосы, а в глазах, словно в глазах самой смерти, горел голубой адский огонь, испепеляющий души его жертв. Утверждают, что Конан получал наслаждение только от кровавой резни и праздновал свои победы на еще бьющихся сердцах врагов. После каждого удачного набега разбойник пировал в разграбленном горящем городе под крики истязаемых женщин, захваченных в плен.

Разумеется, с каждым пересказом легенды обрастают все большим количеством леденящих душу подробностей, становятся все более дикими и

мрачными. Но и в сохранившихся до наших дней записях тех времен все упоминания о жестоком пирате также полны суеверного ужаса. Авторы наделяют Конана сверхъестественными качествами. Однако, проклиная его и называя не иначе как исчадием ада, они признают с ворчливым восхищением, что он был доблестным воином.

Все, что я говорила до сих пор, знают все. Эту старую страшную сказку рассказывали в детстве каждому ребенку. Но мне теперь известно гораздо больше. В моем распоряжении есть силы, которые простым обывателям даже и во сне не приснятся. Ты слышал их шепот. Знай же, что мне подвластны демоны тьмы, на чью вековую мудрость не наложила своего отпечатка раболепствующая хрупкость сознания смертных.

Овладев тайнами колдунов Черного Круга, я бесчисленными долгими ночами призывала к себе существ из другого измерения. Я заставила их повиноваться моей воле. Я научилась слышать их тихую речь, и они нашептали мне сведения, доступные только на ионном уровне, а значит, скрытые от людей. О, мои новые знакомые сообщили мне массу интересных вещей.

Именно одного из таких демонов, пришедшего ко мне из другого звездного мира, я заставила назвать мне имя полководца, который приведет мои войска к победе в надвигающейся войне. Мой милый доброжелатель сказал мне в ту ночь, что шансы на триумф и на провал задуманной операции пока равны, так как силы, вовлеченные в эту борьбу слишком могущественны и не поддаются его контролю. Исход битвы не может предсказать

ни одно создание даже из его мира. Пришлось хорошенько нажать на него. После чего, вынужденный повиноваться моим приказам, он напряг все свои силы и назвал человека, способного помочь в осуществлении моих мстительных замыслов.

Нехотя, в бессильной ярости мой друг прошипел мне только одно слово: «Конан».

Я осыпала дерзкого демона проклятиями, думая, что мерзкая тварь насмехается надо мной. Испугавшись моего неукротимого гнева, он стал раболепно подлизываться и в страхе открыл мне страшную тайну, которую раньше во всей нашей империи не знал никто. Он рассказал мне о судьбе легендарного предводителя пиратов. Что стало с ним после того, как он сбежал с острова Монт.

Те, кто хорошо знал, насколько хитер был разбойник, оказались правы. Конан, о котором рассказывали предания, не умер, а, счастливо избрав казни, с остатками своего воинства удрал на запад. Там он бороздил бескрайние моря, принося горе и страдания в далекие земли чужих берегов. Годы шли, Конан стал королем далекой Аквилонии, он даже победил колдунов Черного Круга, а потом вновь пустился в скитания, не в силах усидеть на одном месте. Вновь имя его стало проклятием... А враги его тем временем старели и уходили в мир иной, а Конан продолжал веселить разгульный образ жизни.

В нашей империи черное имя Конана вошло в легенды, которые потихоньку превратились в фантастические мифы. Но правда оказалась еще более невероятной, чем любой вымысел. Никому из нас даже в голову прийти не могло, что наш заклятый

враг до сих пор ходит по свету. И вот теперь предводитель пиратов вновь вернулся в наши края. Или так по крайней мере утверждает мой демон.

Тот, про кого прошептал мне демон, это ты, Конан. Ты тот самый полководец, которому по силам выиграть предстоящую битву и осуществить мою месть. Перепуганный демон поклялся мне своей жизнью, что в Кордове найду я человека, некогда наводившего леденящий ужас на всех жителей островов и принесшего сюда море смерти двадцать лет назад.

Таким образом, Конан, я уверена, что стоящий передо мной сейчас человек и есть тот самый Конан из страшных легенд.

* * *

Если гость королевы и удивился, то не подал ни малейшего вида. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Единственным знаком того, что он все слышал, был легкий кивок головой и чуть заметная холодная улыбка.

— Годы совсем не изменили тебя, Конан. Ты неплохо сохранился. По крайней мере, как две капли воды похож на описания, данные в древних фолиантах.

— Довольно красочные описания, если верить твоему рассказу, — язвительно заметил киммериец.

— Значит, ты тот самый Конан, о котором сложено так много жутких легенд!

— Ну ты же сама все прекрасно знаешь. Эфрель радостно расхохоталась, довольная собой. Но в прозвучавшей в следующий момент резкой команде не было и намека на веселье.

— Убей его, Графтер!

Застигнутый врасплох неожиданным смертным приговором хозяйки, сидящей за кисейной занавеской в другой комнате, Конан молниеносно повернулся вместе с креслом, чтобы встретить грозящую опасность. Все то время, пока госпожа разговаривала с гостем, громадный евнух неподвижно стоял на своем посту в тени у двери, ни единым движением не выдавая своего присутствия. Не успела еще Эфрель договорить последнее слово, как, выполняя ее приказание, раб в мгновение ока выхватил из ножен громадный паранг и рванулся к северянину, готовый нанести тому удар в спину. Его толстогубый рот был широко открыт в безмолвном крике. Он жаждал крови.

Благодаря быстрой реакции, Конан успел понять, откуда исходит опасность, и с проклятием помянул тот момент, когда остался безоружным. В следующую секунду на него обрушился Графтер. Вблизи тело колосса казалось громадной бесформенной кольышущейся массой жира. Он двигался с быстротой, неожиданной для человека его сложения. Паранг ёвнуха, описав дугу, со свистом опустился вниз. Конан увернулся от острия клинка и с силой пнул раба по ногам. Сохраняя равновесие Графтер отвлекся на какую-то долю секунды, но и этого времени хватило киммерийцу, чтобы схватить тяжелый серебряный подсвечник, стоявший рядом.

Поглядывая на массивное оружие в руках противника, телохранитель королевы начал осторожно двигаться вокруг него. Некоторое время они описывали круги, пригнувшись в стойке борцов, го-

товые атаковать или отступить в любое мгновение. Евнух сделал выпад, и Конан, встречая атаку, размахнулся канделябром. Но движение врача было обманным. В его глазах сверкнул насмешливый огонь. Евнух открыл рот, издавая странное хриплое шипение. В наполненной слюной зияющей пасти шевелился черный обрубок языка. Графтер вновь сделал отвлекающее движение, и Конан, ошеломленный видом его обезображенного рта, снова попался на ложный выпад и очень неловко парировал следующий удар.

Уверенный, что достаточно изучил противника, раб замахнулся, целясь изогнутым клинком в грудь северянина. Но противника там уже не было. С потрясающей быстротой он отклонился от смертоносного острия, нанеся одновременно сильный удар подсвечником по руке евнуха. Тяжелый серебряный набалдашник попал по массивной рукояти ножа и вышиб его из оцепеневших пальцев Графтера.

С отвратительным карканьем немого человека, пытающегося выразить свой гнев, евнух сцепился с Конаном, отбросивший свой сильно погнутый канделябр вслед за парангом противника. Хотя Графтер был лишен мужских достоинств, он тем не менее имел прекрасно накачанные мускулы. Идеально натренированный для роли телохранителя, этот громадный, как башня, гигант голыми руками свернул шею не одному крепкому борцу только ради того, чтобы доставить удовольствие своей госпоже. Любой обычный человек, попав в объятия массивного сильного Графтера, был обречен, ибо тот являлся искуснейшим борцом. Но

сейчас, сойдясь с Конаном в рукопашном бою, евнух встретился с человеком, гораздо более мощным, чем те, с кем ему доводилось бороться раньше. Отчаянно пытался он подмять противника под трёхсот-пятидесятифунтовую гору мускулов, костей и колышущегося жира своего тела.

Легче было бы сломить сопротивление статуи, чем побороть врага с железными мышцами, представшего перед Графтером. Конан разрывал каждый захват соперника, проявляя прекрасное знание правил всех видов борьбы. Пот лил с полуобнажённого торса кастрата. И только благодаря маслянистой гладкой плоти евнуха ему удавалось выскальзывать из стальной хватки киммерийца. Клочья кожи разлетались в стороны, когда, сцепившись, они катались по полу.

Внезапно, рывком невероятной силы, Конану удалось завернуть руку противника за спину. Графтер безнадежно пытался выпрямиться, но постепенно его сопротивление слабело. Дыхание раба стало неровным и шумным.

В конце концов под нажимом Конана он повалился на пол. Раздался едва слышный хруст. Евнух начал биться в конвульсиях. Сломать вторую руку оказалось уже несложно. Безнадежное рычание от нестерпимой боли было самым громким звуком, изданным за весь период напряженной борьбы. Не обращая внимания на гротескно вывернутые суставы врага, киммериец обхватил толстое, жирное горло Графтера и, не торопясь, задушил гиганта.

С отвращением отшвырнув обмякшее тело в сторону, он поднялся на ноги и направился к

дверному проему, завешенному кисеей. Разгоряченный борьбой, Конан жаждал крови.

Эфрель приветствовала победителя безумным хохотом.

— Браво, Конан, браво. А теперь остынь. Успокойся! Ты просто сейчас доказал мне, что ты и есть тот самый Конан. В легендах говорится о твоих руках, как о самом смертоносном твоем оружии. В Замбуле тебя даже называли Конаном-душителем наряду с другими мрачными именами. И сегодня я увидела подтверждение этого. А теперь успокойся. Я всего-навсего хотела проверить, насколько верны старые сказки. Мне не нужен человек-легенда, чья доблесть была преувеличена во стократ, даже если он кажется бессмертным.

Конан язвительно улыбнулся. Он выглядел не менее опасным, чем разъяренный тигр.

— Очень хорошо. Теперь твое любопытство удовлетворено. Ты знаешь, кто я. А ну-ка, посмотрим, кто же ты такая на самом деле!

Он отодвинул занавес...
...и взглянул в глаза воплощенному ужасу.

Эфрель, хихикая, лежала на широком ложе, едва прикрытая дорогими шелками и богатыми мехами. Красота покровов особенно подчеркивала уродливость возлежавшего на них тела. Госпожа Дан-Легеха представляла собой исковерканную, изуродованную карикатуру на женщину, видение из ночных кошмаров, принявшее материальную форму. Черная аура злой мстительности окружала это отвратительное существо. Зеленая полупрозрачная пижама и обилие драгоценностей еще больше усугубляли мерзкое впечатление, хотя, каза-

лось, его вряд ли еще можно было чем-то испортить.

На стене, чуть выше спинки дивана, над изувеченной хозяйкой висел портрет другой женщины в натуральную величину. Конану раньше никогда не доводилось встречать таких красавиц, какая была изображена на картине. Девушка соблазнительно возлежала на покрытой шкурами тахте, обернутая в туманную дымку полупрозрачных шелков. Ее кожа светилась матовой белизной. Вся она — неотразимое сочетание привлекательности и распущенности. Художник, должно быть, потратил уйму времени, чтобы найти способ отобразить удивительную нежность ее лица, черные, сияющие глаза и ниспадающие шелковистые волосы цвета воронова крыла.

Две женщины — изображенная на картине и лежащая под ней. Идеальная красота и изувеченная порочность. Непостижимый умом контраст абсолютных противоположностей. Внезапно Конан с ужасом осознал, что обе эти знатные дамы — Эфрель.

Все тело реальной женщины было обезображен грубыми крупными шрамами. Только руки, которые не касались каменной мостовой, поскольку приговоренную королеву приковали к шее быка за запястья, не были покрыты рубцами и оставались такими же красивыми, как прежде. Тело Эфрель представляло собой бесформенную массу вывернутой наизнанку плоти. Отовсюду торчали пожелтевшие кости и их обломки. Зазубренные края ребер вылезли по бокам там, где живая ткань была словно громадной теркой полностью стерта во время бешеной скачки быка. Одна нога, ампутиро-

ванная чуть ниже колена, так как ее уже нельзя было спасти, смотрелась как обрубок. Мышцы на ней сохранились лишь местами. На другой вместо стопы от щиколотки отходила уплощенная кульышка.

Но больше всего досталось лицу. По-видимому, когда Эфрель потеряла сознание, ее голова волочилась по земле. От скальпа, почти полностью снятого с черепа, остались небольшие участки кожи. На этих островках сохранились длинные черные пряди, которые выглядели страшной пародией на женские локоны. Вся плоть с лица в основном была содрана. Уши, словно обглоданные, торчали острыми хрящами, а вместо носа зияла дыра. Отсутствие щек и разодраный рот, превратившийся в бесформенную щель, объясняли особенность ее речи. Конечно, ей было трудно выговаривать слова. Почекневшие лохмотья губ почти не прикрывали выбитых и сломанных зубов. От одного глаза практически ничего не осталось; он смотрелся ужасно, но другой выглядел еще хуже, так как сохранился неповрежденным. Этот уцелевший прекрасный глаз подчеркивал всю омерзительность уродливой маски, дивной красоты оникс среди отвратительных червей.

Существо, все еще именуемое Эфрель, не могло выжить. Ни один человеческий организм не перенес бы такогоувечья. Но тем не менее оно все еще существовало. Всепоглощающая жажда мести каким-то образом сохранила жизнь этой женщине. Опалия все вокруг, в ней горел огонь безумия. Единственный зрячий глаз, не мигая, глядел на гостя.

Конан бесстрастно взирал на жутко обезображенное тело, возлежащее перед ним на кушетке. Его суровое лицо не выражало ничего, кроме сдержанного любопытства. Он горько рассмеялся.

— Да, я — тот самый Конан. А ты, стало быть, Эфрель. И теперь, когда мы представились друг другу, объясни, зачем ты пригласила меня в Дан-Легех?

— Что? О деле? Сразу о деле? Так скоро? — захихикала Эфрель, отбросив условности вместе с остатками здравого смысла. — Почему здесь и сейчас ты говоришь со мной о деле? Оглянись, ты находишься в спальне самой красивой дамы Туранской империи. Посмотри, какая я там, на картине, и сравни с той, что здесь, перед тобой. Разве я очень изменилась? Ты не находишь меня прекрасной? Разве я не самая красивая и желанная женщина, которую ты когда-либо видел? А когда-то я была именно такой!

— Ну если сравнивать с внутренностями, еще немного скрытыми твоим исковерканым каркасом, с которого содрали кожу, ты все еще прекрасна, — не сдержался северный варвар.

Внезапно к его горлу подступила легкая волна тошноты. А в ушах опять зазвенел безобразный смех.

— Как ты галантен, Конан! Но я вижу отметину зла в твоих глазах. Я знаю, мы двое — одного типа, ты и я. Мы с тобой родственные души. Если так можно выразиться, родня во зле.

С этими словами она открыла ему свои объятия.

— Иди сюда, Конан-пират. Или Амра? Ведь когда-то ты звался Амрой-львом... Иди сюда, Ко-

нан-бесстрашный. Если тебе действительно суждено занять место Альремаса, помни, что он когда-то был не только генералом для меня. Иди сюда, Конан, мой грядущий любовник.

Конан нехотя подошел к ней ближе. Ее губы, превратившиеся теперь в лохмотья, страстно прижались к его губам.

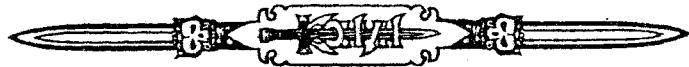
Мертвые глаза задушенного евнуха в застывшем ужасе смотрели на эту странную пару.

Глава третья

Потягивая прекрасное вино из хрустального бокала, Конан внимательно просматривал листы пергамента, исписанные убористым почерком. Тело Графтера уже убрали, и теперь другой стражник стоял за дверью. Меч Конана снова висел у него на поясе. Жуткая госпожа Дан-Легеха, казалось, всецело доверяет своему новому генералу. Легендарный пират кисло подумал, что, похоже, Эфрель вполне довольна им во всех отношениях.

Королева вышла из спальни с очередной стопкой бумаг и положила ее на освещенный лампой стол, за которым сидел Конан. Несмотря на изувеченные конечности и исковерканную плоть, Эфрель не была прикована к постели. Причудливо изогнутая деревянная нога, крепко привязанная к обрубку под правым коленом, гулко стучала по каменным плитам пола. Усыпанная драгоценными камнями и украшенная странной резьбой, она

походила на лапу гигантской птицы из страшной сказки. Правительница острова передвигалась с огромным трудом. Она и шагу не могла ступить, не опираясь на палку. Да и с помощью палки Эфрель удавалось преодолевать не слишком-то большие расстояния.

Госпожа Дан-Легеха торжественно протянула Конану несколько исписанных листков.

— Здесь некоторые документы, которые могут тебя заинтересовать: списки военных кораблей, находящихся в распоряжении Марилла, число воинов под его командованием, секретные присяги на верность мне различных правителей и текущее состояние моих собственных войск. Все сведено в таблицы. Разве Нетистен Марил не рискнул бы всем своим богатством, чтобы узнать содержание этих бумаг?

Просмотрев одну из них, киммериец поднял голову.

— Неимоверный труд! Не выходя за стены замка, ты проделала такую колоссальную работу по сбору и сортировке сведений! Здесь есть все: не только точный подсчет наших собственных резервов, находящихся в боевой готовности, но и потрясающе детальная информация о военной мощи противника и о его слабых сторонах. Я просто ошеломлен.

На лице Эфрель отразилось некоторое жуткое подобие улыбки.

— Да, мои шпионы — мастера своего дела. У меня лучшая шпионская сеть во всей империи, а может быть, даже и во всем мире. Я знаю о своих врагах почти все. Когда мои люди не могут со-

брать те или иные сведения, у меня есть другие средства, чтобы получить их.

Конан удивленно приподнял бровь.

— Да, я вижу. Ты скрупулезно подготовилась к восстанию, Мне понадобится несколько дней, чтобы более детально ознакомиться с этими бумагами. Однако что происходит сейчас, в данный момент? Не могла бы ты коротко рассказать мне, как обстоят дела в настоящее время и каковы твои планы?

Эфрель тяжело опустилась в кресло. По-видимому, это причинило ей адскую боль. С минуту она молчала. Наконец раздался ее хриплый голос.

— Уже довольно поздно. Скоро наступит утро. Я очень устала, поэтому буду предельно краткой. Детали мы обсудим завтра, вдвоем. Я уверена, что твои знания принесут неоценимую пользу в подготовке к мятежу.

Свою речь Эфрель начала подчеркнуто медленно, тщательно обдумывая каждое слово. От напряжения ее голос становился все выше и выше с каждой фразой.

— Последние несколько лет я потратила на разработку заговора против Нетистена Марила, чей род бесчестно узурпировал власть, принадлежащую нам по праву. О провале первой моей попытки ты уже знаешь. За это поражение я заплатила немоверную цену. Но боги тьмы сочли нужным поддержать свою дочь, дав ей еще один шанс.

На этот раз я плела свои сети более искусно. На этот раз я призвала себе на службу такие могущественные силы, какие обычному человеку и не представить. И на этот раз я не проиграю. Я

просто не могу проиграть. Мой долг — восстановить на престоле дом Пеллинов, и я сделаю это во что бы то ни стало.

Я заявлю о своих правах на императорский трон, который по справедливости принадлежит мне. Я расквитаюсь с Нетистеном Марилом и всей его трижды проклятой линией. Я должна отомстить!

Последнюю фразу, она буквально выкрикнула, а затем тихо прошептала:

— И ни человек, ни бог, ни дьявол не остановят меня!

С минуту Эфрель молчала, потом, собравшись с мыслями, продолжила:

— Как видишь, на сей раз я хорошо подготовилась. Да... И тщательно все продумала. А главное, Марил еще ничего не знает о моих планах. Держа все в строжайшем секрете, я создала флот Пеллина. Часть кораблей ты видел при входе в порт Призарт, еще больше судов стоят на якоре в нескольких южных гаванях. Они ждут не товара, а только моей команды.

Мои посланцы заручились тайной поддержкой королей многих островов, а также великих правителей и господ рангом поменьше. Я решила не пренебрегать даже помощью тех, у кого совсем маленькие королевства. Кроме того, ко мне на службу перешли такие, как Имиль, которого ты хорошо знаешь. Выходец из знатной семьи с Хоарезма, нынешней столицы империи, он типичный представитель моих новых офицеров. Подобно многим другим отпрыскам известных иуважаемых домов, разорившихся при правительстве Не

тистена, Имиль сообразил, что появился шанс ухватить кусок побогаче и снова восстановить престиж рода. Иногда, чтобы перетащить знать на свою сторону, мне достаточно просто пообещать неограниченную власть или возможность пограбить и порезвиться вволю. Но бывали случаи, когда некие влиятельные вельможи, искренне ненавидящие меня, внезапно умирали, а их места занимали мои тайные сторонники. Целые армии наемников дали согласие на сотрудничество через моих полномочных правителей. Я наняла себе на службу бесчисленное множество пиратских банд и прочих преступников, за которыми охотится правительство. Видишь, Конан, ты окажешься среди родственных тебе душ.

Таким образом, каплю за каплей я собирала военные силы и сформировала огромную армию возмездия, не возбудив в Мариле ни малейших подозрений. Здесь указаны точные цифры, перечислено все, что в настоящий момент находится в моем распоряжении. По самым скромным подсчетам кораблей сто примут участие в бою только под моим флагом, но еще больше присоединятся к нам, когда увидят первый успех. С воинами и галерными рабами проблем нет, их тысячи. А мои рабочие трудятся день и ночь, чтобы изготовить к сроку как можно больше оружия и доспехов...

— Все, что ты говоришь, разумеется, впечатляет, — прервал ее Конан, — но тем не менее на стороне императорского флота все равно будет значительный перевес. Насколько я понял из просмотренных документов, правители шести крупнейших городов империи все еще остаются вер-

ными Нетистену. Не говоря уже о том, что большинство мелких королевств находятся под его прямым контролем. Он может легко набрать флот в три раза больше нашего. Флот, где каждый корабль — первоклассное военное судно. Ему достаточно вызвать своих вассалов и потребовать, чтобы они выполнили долг перед императором, оказав ему поддержку. А с людскими резервами дела у нас обстоят еще хуже.

Конан усмехнулся, глядя на гору документов.

— Дьявол, да если Марил поскребет по сусекам и вычистит все до крошки, как это сделала ты, он соберет флот не менее чем в четыре раза больше нашего и обеспечит его достаточным количеством людей. Когда я в прошлый раз был здесь, на островах, мне уже представился случай убедиться в том, что, несмотря на всю дерзость и гениальность, нельзя победить врага, ресурсы которого значительно превосходят твои собственные. В конце концов все решает соотношение людей. Оно должно быть, по крайней мере, один к одному, то есть человек против человека. И тогда победит сильнейший, а более слабый погибнет.

— Разумеется, ты прав, — нетерпеливо прервала Эфрель мрачные прогнозы своего генерала, — но, как я тебе уже говорила, мне подвластны не только человеческие силы. На этих исписанных свитках пергамента нет и намека на скрытые до поры до времени резервы, которыми я воспользуюсь в нужный момент. Но для этого еще не настало время. Их можно вызвать лишь при самой большой необходимости.

Она сделала паузу, чтобы насладиться явной заинтересованностью Конана.

— Послушай, Конан, подумай лучше, как привести в боевую готовность мои морские силы. Я знаю, твой гений сможет выковать из этих разрозненных кусочков единый монолит — армию, которая победит, несмотря на малочисленность моего флота, собранного по крохам. В награду ты получишь королевство и власть, которая в империи будет уступать только моей. Следи за порядком в подчиненных тебе войсках и не говори мне ни о балансе сил, ни о прочей муты. Уверяю тебя, когда придет срок нанести удар, я сумею обеспечить нам преимущество. Перевес будет на нашей стороне. Простые смертные даже предположить не могут, из каких таинственных государств Эфрель вызовет себе на помощь непобедимые силы. Те, кто откликнется на мой призыв, наголову разбьют Марила, несмотря на все его жалкое преимущество.

Конан прервал ее хвастовство.

— Интересно, что собой представляют эти сверхъестественные силы, которые, как ты утверждаешь, тебе подвластны? И, если они столь могущественны, зачем тебе понадобился я?

Эфрель почувствовала вызов в его вопросе, но вновь уклонилась от прямого ответа. Снова на ее безобразном лице появилось некое подобие хитрой улыбки.

— Позже, Конан... Придет время, и я доверю тебе все свои тайны. Тогда я расскажу тебе все. Ну а теперь настал час рассвета.

Глава четвертая

Ни с чем невозможно спутать атмосферу в тюремных темницах. Даже человек, который слеп и глух, обязательно почувствует ее в воздухе, хотя он не увидит ни толстых стен, ни крепких засовов; не услышит ни проклятий, ни мольбы, ни бряцания цепей. Тюрьмой может быть и зловонная дыра в мрачном подземелье, и по-королевски роскошные покои, несмотря на все их удобства и пышность. Независимо от своего местонахождения и уровня комфорта, любое место заточения лишает своих обитателей двух бесценных прав: права на свободу и права на человеческое достоинство.

Каким бы ни был застенок, это — преграда. Будь то заржавевшая цепь, глухая стена, надежная охрана или просто подобострастный, но несокрушимый служитель у двери роскошных хором. Определенные барьеры подавляют волю заключенного, как бы говоря ему:

— Вот сюда ты можешь идти, а туда уже нет.
Вот это ты можешь делать, а это не смей.

Мало того, что неволя крадет у человека возможность выбрать для себя, что делать и как поступать, она еще лишает его достоинства независимой личности. Именно поэтому и возникает во всякой тюрьме та характерная прогорклая атмосфера, миазмы невидимого напряжения, состоящего из ненависти и страха, апатии и боли, несбывшихся надежд и невыразимого отчаяния.

Мкори болезненно ощущала это. Ее сердце бешено колотилось. Все существо охватила непонятная паника. Следуя за неторопливыми охранниками, девушка учещенно дышала. Может быть, ей не хватало кислорода?

«Как здесь душно,— тоскливо подумала Мкори.— Нет ни свежего воздуха, ни солнечного света, ни друзей. Только подкрадывающаяся смерть от удушья».— Вздрогнув, она постаралась отогнать от себя эту болезненную мысль. Спускаясь по лестнице, девушка старательно подобрала складки шелкового платья, боясь, что оно может прикоснуться к склизким стенам каземата и вобрать в себя многовековую боль и страдание, осевшие на серых камнях.

Мкори поежилась, поплотнее закутавшись в легкий плащ, закрывавший ее белые плечи. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок. Наверное, она просто замерзла. Девушка заметила, что по шее идущего впереди конвоира стекают струйки пота, исчезая за грязным засаленным воротником потрепанного обмундирования.

Шесть бдительных стражников ожидали ее с внешней стороны тяжелой двери, ведущей к подземной темнице, из которой не было другого выхода. Они держали оружие наизготовку, с подозрением глядя на приближающихся посетителей. За произнесенным паролем последовал правильный отзыв, и вновь прибывшие двинулись дальше. Стражники несколько расслабились, когда узнали в пришедшей дочь своего императора.

— Он спрашивал о вас, миледи,— галантно сообщил ей капитан стражи и посмотрел в глазок толстой двери. Внутри стояли еще четыре солдата.— Все в порядке. Откройте,— приказал им офицер.— Госпожа Мкори пришла навестить узника.

Командир стражи отомкнул ключами два массивных замка со своей стороны, в то время как солдаты отодвигали громадные задвижки изнутри. Внутренний караул отступил назад, освобождая путь начальству. Еще одна дверь из толстых деревянных брусьев. Стражники напряженно следили за тем, как медленно поворачивался ключ в замке. Наконец и эта последняя дверь со скрежетом отворилась. Однако так тщательно опекаемого обитателя темницы видно не было.

Капитан предупредительно пропустил внутрь знатную даму, предварительно напомнив:

— Пожалуйста, госпожа, не больше получаса. Приказ вашего отца, вы же знаете.

Она рассеянно кивнула и шагнула через порог. Снова прочувствовав всю безнадежность пойманной в клетку пичуги, девушка тоскливо подумала, доведется ли ей еще когда-нибудь встретить-

ся с любимым вне этих холодных теней. Войдя в темноту, она нежно позвала:

— Лайжес!

Никакого ответа.

Довольно просторная подземная камера была погружена во мрак, если не считать единственной тускло горящей мерцающей лампы и огня факелов снаружи.

Когда широко раскрытые глаза девушки немнogo привыкли к темноте, ей удалось различить спартанскую обстановку каземата. Это не была сырая яма, где пленников оставляли гнить в цепях. Однако за всю длинную историю темницы ни одному узнику не удалось сбежать отсюда. Здесь монархи и императоры Турана обычно содержали политических преступников, угрожающих трону или спокойствию государства. Здесь у узника не оставалось никакой надежды на побег. И в то же время это место было предназначено не для обычных злоумышленников, а для таких, чей ранг требовал уважения к арестованному и оказания ему определенных привилегий. Смерть, конечно, самый надежный страж, но популярность некоторых заключенных была настолько велика, что, казалось, целесообразнее сначала немного подержать их в темнице в ожидании момента, когда страсти улягутся, симпатии публики постынут и можно будет покончить с надоевшим врагом без шума.

Мкори пыталась рассмотреть неподвижную фигуру, вытянувшуюся на узкой кровати. Она подошла поближе и встревоженно позвала:

— Лайжес!

Молодой человек вздрогнул, когда девушка, наклонившись, легко прикоснулась к его плечу. Он глухо зарычал и, не открывая глаз, ударил ее. Мкори вскрикнула. Юноша проснулся от собственной ярости.

— Мкори, это ты? Клянусь Хорментом, мне очень жаль, что я напугал тебя. Мне как раз снился страшный сон...

Удрученno замолчав, он рассеянно запустил пятерню в растрепанные черные волосы и отер холодный пот с заросшего щетиной лица. Затем Лайжес протянул руку и, не глядя, нашупал стоявший у постели кувшин с водой.

— Мне не хотелось бы зажигать огонь, дорогая, поскольку нахожусь в столь незавидном положении... — извинялся он. — Я действительно не ожидал увидеть тебя раньше чем завтра. Иначе я навел бы здесь порядок... Послушай, а что ты здесь делаешь посреди ночи? — В его голосе зазвучали истеричные нотки. — Мкори, ничего не скрывай от меня! Они...

Мкори быстро наклонилась к возлюбленному, торопясь его успокоить.

— Нет, Лайжес! Прекрати, пожалуйста. Еще ничего не изменилось, папа еще ничего не решил. Ее глаза подернулись легкой дымкой грусти. — Лайжес! Сейчас совсем не ночь, сейчас — полдень.

Лайжес выругался и вскочил на ноги.

— Подожди, я зажгу свет. Ты говоришь, полдень... Дьявольщина, я слишком долго спал. Вот увидишь, мы устроим и здесь ясный день. Солнечный полдень, если пожелаешь. Тут внизу я становлюсь похожим на корень древнего дерева. Черт

побери, скорее уж на гриб. День, ночь, какая разница? Я ем, когда голоден, сплю, когда устал. А последнее время я не бываю слишком голоден и в основном сплю. Когда-нибудь я просто перестану просыпаться, буду храпеть все дни напролет, пока мир за стенами этого бастиона не забудет о том, кто такой Лейджес.

Ну вот смотри. Две лампы для утра, три для полдня, и я погашу одну, когда будет вечер. Ты говоришь, что сейчас полдень. Значит, надо зажечь все три.

Он повернулся к девушке и увидел отразившийся в ее глазах ужас. С горечью Лейджес понял, что его слова граничат с бредом сумасшедшего. Расправив помявшуюся одежду, он пробормотал успокаивающее:

— Прости меня, моя милая. Этот ночной кошмар все еще будоражит нервы. Я уже привык говорить сам с собой здесь внизу и совсем забыл, как надлежит вести светский разговор,— он криво усмехнулся.

Мкори в ответ вся засияла, на ее лице отразилась надежда.

— Извини, я напугал тебя,— продолжал Лейджес, пытаясь отогнать от себя воспоминания о кошмарном сне.

Стоило ему заснуть, как перед его глазами постоянно вставало одно и то же видение. Юноша видел себя беспомощным избитым рабом, загнанным в ловушку и лежащим, скorchившись, в темном углу мрачного подземелья. Каждый раз он вздрагивал, засыпав шаги палачей, приближающиеся все ближе и ближе. Они никогда не успе-

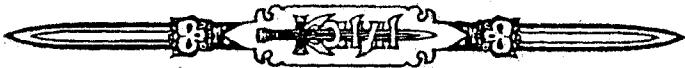

вали дойти до двери. Лейджес начинал кричать раньше и в безумном ужасе просыпался от собственного крика.

Его мучил страх, что однажды они войдут. Однажды раб не успеет проснуться. Молодой человек поежился. Он понимал, что начинает по-тихоньку сходить с ума. Все его сознание было поглощено ожиданием. Лейджес ждал, что рано или поздно его выведут и тихо убьют, как какого-нибудь приговоренного к смертной казни уголовного преступника. Больше всего юношу пугало то, что он не сможет владеть собой и враги увидят его ползающим на коленях, пресмыкающимся, вымаливающим пощаду.

Лейджес знал, что не боится смерти, даже такой бесславной, какая, без сомнения, ожидает его. Конечно, она отвратительна. Конечно, надо бороться за жизнь до последнего вздоха. Куда торопиться? Но он не боится смерти! Так почему же такие кошмары во сне? Откуда эти мысли о трусости? Может ли кто-нибудь сказать наверняка, как встретит свой последний час? Это заточение в подземелье, в полном одиночестве, постепенно поглощало его мозг. Может быть, и мужское достоинство тоже гниет понемногу? Возможно, через месяц или два... В тысячный раз он проклинал судьбу за то, что враги взяли его живым.

Но в подземелье уже не было тишины. Кто-то разговаривал. И разговаривал явно с ним. Это Мкори. Боги! Он просто забыл о ее присутствии. Надо как-то исправлять положение. Надеясь, что гостья не обратила внимания на его отвлеченнное молчание, Лейджес начал улыбаться и вдруг понял,

что по-идиотски ухмыляется вот уже несколько минут. Заметила ли она это? Похоже, нет. Станет ли Мкори вести себя иначе по отношению к тому, кто потихоньку начал сходить с ума? Он заставил себя сосредоточиться на ее торопливо нервозном пересказе свежих дворцовых сплетен о событиях последней недели. О вновь появившемся трубадуре, о бале и прочих пустяках...

Мкори почувствовала, что Лейжес повернулся к ней и, перестав болтать, тревожно взглянула на юношу. Между тем за тяжелой дверью с засовами, охранники уже начали напоминать о себе.

«Интересно, радуется ли Марил, когда слышит их доклады о непрестанно ухудшающемся состоянии моего здоровья?» — подумал несчастный узник. Вслух же он задал вопрос, на который заранее знал ответ:

— Твой отец еще говорил что-нибудь обо мне?

Мкори грустно покачала головой, отчего ее светлые волосы заколыхались волнами. Лейжес впервые за все это время обратил внимание на исходящий от нее запах духов и вспомнил, что должен сделать комплимент по поводу ее внешнего вида. Он знал, что Мкори потратила уйму времени, готовясь к этому полчасовому визиту. Собираясь к нему, она оделась и причесалась так, как-будто должна присутствовать на балу. Лейжес подумал, не поздно ли будет сейчас высказать одобрение ее наряду, не обидит ли Мкори то, что он не заметил его раньше. Пожалуй, не поздно.

— Нет, отец делает вид, что забыл о тебе. Он никогда не называет вслух твоего имени. Это папина любимая уловка. Когда его что-нибудь осо-

бенно глубоко трогает, он всегда так поступает. Дорогой, я уверена, что отец собирается освободить тебя. Иначе зачем ему было тянуть эти последние...

— ...эти последние два месяца,— закончил за нее Лейжес.— У него есть на то свои причины. И не одна. Впрочем, не мучай себя понапрасну. Уже два года я живу под постоянным гнетом Марила, и просто странно, что до сих пор еще жив.— «Но очень близок к смерти,— добавил он про себя.— Третий раз, наверное, последний».

Два раза Марил проявлял снисходительность к своему племяннику. Это был третий арест.

Когда Эфрель вместе с Лейланом плела свои сети, Лейжес находился в море. Его не успели впутать в интригу. Отец не спешил вовлекать единственного сына в заговор и откладывал это до последнего момента, не сомневаясь в его сыновней преданности. В результате Лейжес узнал о трагической судьбе отца совершенно неожиданно для себя, только-только вернувшись в порт, когда друзья-офицеры смущенно сообщили ему, что он находится под арестом по приказу императора. Однако Марил не расправился со своим племянником сразу, как со всеми другими домочадцами заговорщиков, проявив милосердие, о котором Лейжес его не просил. Но он организовал тщательное наблюдение за юношей.

Взбешенный случившимся, искренне горюя о гибели отца, Лейжес сделал безрассудную попытку организовать заговор против Марила, решив убить дядю. Но император очень быстро узнал о готовящемся покушении и на сей раз поместил

Лейжеса под светский арест. Он предоставил юноше анфиладу комнат внутри дворца, взяв с него торжественное обещание не вступать ни в какие заговоры против правителя. И вновь он проявил не свойственное его характеру милосердие по отношению к обозленному племяннику.

При помощи друзей Лейжес организовал дерзкий побег и покинул свою позолоченную тюрьму. Собрав вокруг себя несколько непримиримых врагов Нетистена Марила, молодой человек на этот раз предпринял серьезную, почти удавшуюся попытку уничтожить жестокого правителя и захватить трон. Ослепленный ненавистью к убийце своего отца, юноша не задумывался над тем, что противники императора используют его как марионетку для достижения личных целей, мечтая взять власть в империи в свои руки. Следуя за взбешенным юнцом, его товарищи по заговору завоевали себе огромную популярность, так как прикрывались именем мученика и выступали под знаменами святой мести тирану. И снова предсмотристый Марил, разоблачив конспираторов, взял в плен непокорного молодого человека.

Но на этот раз он не оставил Лейжесу никакой надежды на побег, посадив его в глухую одиночную камеру в самом глубоком подземелье. Теперь помочь юноше не мог никто. Он оказался погребенным заживо. Только Мкори разрешили изредка навещать своего возлюбленного. Отец ей доверял. Он не сомневался, что родная дочь не предаст его. Время шло. Нетистен Марил был занят искоренением всех заговорщиков, поддержавших Лейжеса, выискивая самых отдаленных со-

чувствующих или хоть как-то причастных. Но у узника не было иллюзий по поводу своей дальнейшей судьбы. Он знал, что на этот раз Марил не помилует так страстно ненавидящего его племянника.

— Я принесла тебе кое-что,— проговорила тем временем Мкори с радостным видом ребенка, дарящего драгоценные подарки любимому приятелю по играм. Она запустила руку в принесенную с собой корзину.

Лейжеса всегда поражала ее способность полностью отстраняться от действительности, от реальной жизни и вовлекать всех окружающих в свой мир светлых грез. Именно эту бесхитростность, эту детскую непосредственность и любил в ней юноша, или так, по крайней мере, ему казалось.

— Что же там? Я надеюсь, меч или связка ключей, открывающих все замки Нетистена? — сказал он с наигранной веселостью.

Мкори мило улыбнулась.

— Мне жаль огорчать тебя, но охранники конфисковали все это вместе с заточкой, которую я спрятала в своей прическе.

Лейжес воспользовался моментом и сказал несколько так долго ожидаемых приятных слов по поводу внешности Мкори. Девушка польщенно зарделась.

— Но они не заметили волшебного кольца-невидимки, опущенного мною в декольте,— добавила она с печальной иронией.

— Где же оно? — включился в игру узник.

— Теперь я и сама не могу его найти,— засмеялась девушка.— Наверное, оно стало невидимым.

— Могу я помочь тебе в поисках? — с готовностью предложил Лейджес.

Мкори игриво отстранилась от него и протянула руку к своей корзине. Нетерпеливый юноша уловил тайное обещание в скромно потупленных прекрасных глазах, но с горечью вспомнил, что сейчас не время и не место для подобных игр.

— Вот,— сказала она, вынимая какой-то тяжелый предмет,— я выкрада бутылочку папиного любимого заморского бренди, хранящегося в самых заветных подвалах.

Лейджес разочарованно вздохнул.

— Ну какие еще сюрпризы, маленькая волшебница?

— Вот книжка. Я думаю, что тебе, может быть, хочется почитать?

— А что за книжка?

Мкори, не поднимая глаз, протянула ему богато переплетенный том.

— Ну, это стихи, написанные Пассином из Тресли. Я знаю, что ты относишься к ним, как к ужасно слезливой дребедени. Но это моя любимая книга. Я перечитываю ее очень часто. И мне пришло в голову, что тебе, может быть, захочется просмотреть эти стихи, вспомнив, что я люблю их и они для меня много значат. Теперь у тебя будет вещь, которая дорога мне. Я хочу, чтобы она была все время с тобой, пока ты здесь.

— Спасибо, Мкори,— галантно ответил молодой человек.— Я внимательно прочитаю вечером все стихи, если тебя это порадует. А хочешь, я даже могу выучить их наизусть и потом буду декламировать как твой персональный менестрель.

Девушка засмеялась над его предложением. Возникло кратковременное замешательство. Затем она нерешительно продолжила:

— Знаешь, я принесла тебе еще один очень скромный подарок.

Аккуратно, с большой осторожностью Мкори сунула руку в корзину и вынула маленький букетик полевых цветов. Она робко протянула Лейджесу этот разноцветный ароматный подарок, отчаянно надеясь, что он примет их, и одновременно боясь его насмешек или оскорблений в свой адрес.

— Цветы, Мкори? — удивленно спросил молодой человек.

— Я собрала их сегодня утром на лугу своими собственными руками. Мои служанки считают меня сумасшедшей,— пробормотала девушка в нерешительности.— Дорогой, я знаю, что это выглядит глупо, когда женщина приносит цветы мужчине. Но я все время думаю о тебе, запертом здесь, вдали от солнца и света, внизу, в темнице. Я хотела чем-нибудь тебя порадовать, чем-нибудь полным жизни, как эти цветы. Я думала, что, может быть, это будет как... как...

— Взять в руки кусочек солнечного света и пронести его мне сюда?

Мкори радостно и облегченно заулыбалась, счастливая тем, что он понял ее. Не находя слов, она позволила юноше обнять себя. Некоторое время, забывшись, они целовались под раздраженные взглядами нетерпеливых стражников.

Девушка прильнула к Лейджесу в молчании, положив голову ему на грудь. Он слышал каждый удар ее сердца. Молодой человек внезапно почув-

ствовал, что Мкори расслабилась и успокоилась на мгновение, как отдыхающий ребенок. Юноша уже подумал, что любимая заснула, когда внезапно она отстранилась от него, пробежалась легкими пальцами по его лицу и с нарочито брезгливой гримасой заявила:

— Твои щеки подобны колючим кустам. Ты расцарапал меня в кровь. Почему бы тебе не скрести всю эту дрянь с подбородка? Или уж, наоборот, отпустить бороду.— Мкори оценивая посмотрела на узника, как бы со стороны.— Да, пожалуй. Ты смотрелся бы лихо с длинной бородой. Конечно, если бы хорошо за ней ухаживал.

Лайжес начал было активно возражать, но вдруг понял, что она просто пытается вывести его из состояния апатии. Вместо продолжения бессмыслиценного спора юноша серьезно сказал:

— Ты моя последняя надежда, Мкори. Если бы не ты, я бы уже давно сдался или просто сошел с ума от отчаяния.

Послыпалось негромкое покашливание у двери. Это капитан стражников напоминал о своем присутствии и о том, что свидание окончено.

— Миледи, вам уже пора идти. Я и так позволил вам оставаться здесь почти час. Если ваш отец узнает о нарушении, он упрячет меня еще глубже.

Мкори неохотно пошла к выходу, но на пороге обернулась.

— Я скоро вернусь, любимый мой, и ты выйдешь отсюда. Я это твердо знаю. Все время я прошу отца отпустить тебя или хотя бы перевести в башенную камеру. Уверена, что он собирается сохранить тебе жизнь!

Лайжес с удивлением почувствовал, что почти верит в ее оптимистические прогнозы.

— Разумеется, дорогая. Не оставляй своих попыток, используй все средства. Я знаю, ты делаешь для меня все возможное. С нетерпением буду ждать твоего следующего прихода.

— До свидания, Лайжес! — крикнула она, уходя.— Не забывай о пророчестве жрицы.

Он прислушивался к звукам удаляющихся шагов.

«Да, пророчество. Помни о пророчестве».

Давным-давно. Когда же это было?

Еще детми они беззаботно веселились на праздничном карнавале. Мкори, Рожет и Лайжес. Им удалось сбежать из-под бдительного присмотра Лайана. Сломя голову они понеслись через праздничную толпу, мимо ларьков и прилавков. В одной из темных будок ребята наткнулись на древнюю старуху, настоящую старую каргу, которая поведала им, что она — жрица Сета, последняя приверженка культа дьявола, который был подавлен несколько десятилетий назад жрицами Кеми. Страшная ведьма пообещала детям, что, если они дадут ей попробовать по капельке своей крови, она расскажет им о будущем.

Дети побоялись показаться трусами и согласились на ее условия. Каждый торжественно уколол ножом Рожета свой пальчик и положил его в беззубый рот старухи. Та сосала их молодую живительную кровь так жадно, словно хотела высосать всю.

Рожету она предсказала, что он прославится, как доблестный воин, Лайжесу пообещала коро-

левство, а Мкори — любимого мужа, прекрасного принца, который станет отцом ее семерых красавцев сыновей. После ребята долго спорили между собой о том, чье будущее лучше. Когда Лейан в конце концов нашел детей, его очень встревожило их приключение. Больше никто из них никогда не видел старой монашенки.

Сейчас, вспоминая тот маленький эпизод, Лейжес ощутил возвращающуюся горечь. Пророчество и детские мечты! Он пожал плечами. Кто знает? Может быть, это и правда... Рожет прославился на поле боя, и его называли великим воином. Но он также нашел там и свою смерть, сраженный стрелой неизвестного лучника после победы над повстанцами острова Фиситии. А человек, за трон которого брат отдал свою жизнь, позже зверски убил его отца.

И вот теперь Лейжес стал бунтовщиком. Судьба его решена. Он мрачно смотрел на дары, принесенные Мкори. Безвкусные стихи, цветы — все необходимое для побега из этого погреба, от жуткой участи. Но самое неприятное то, что эти вещи остро напоминают о заточении под землей.

Юноша стиснул душистый букетик в кулаке и со злостью посмотрел на него. Лейжес и сам не мог понять, хочет ли он втоптать подарок любимой в грязь на полу или, наоборот, прижать его к губам.

Глава пятая

Касси всегда был человеком вне закона. По крайней мере большую часть своей жизни. Его детство прошло в трущобах Аграпура, где дети или очень быстро взросли, или умирали в раннем возрасте. Выживали самые сильные и умные. Касси рос хилым ребенком, но ум имел острый и изворотливый, как у крысы. Этот врожденный талант в конце концов привел к тому, что вечно голодный худенький мальчишка стал одним из самых удачливых воров империи. А когда Касси все-таки схватили, он сумел ускользнуть от ожидающей его виселицы, совершив беспрецедентный побег из императорской тюрьмы. Ни разу больше стражам правопорядка столицы не удалось вновь засадить его в мрачные казематы. Товарищи по ремеслу только дивились невероятной везучести Касси.

Лишь очень немногие знали, чем расплатился «сверхудачливый» вор за свою свободу. Дело в том,

что он стал шпионом императора, и притом самым лучшим. Правитель случайно познакомился с Касси и решил использовать его таланты на пользу государству. Марил сам организовал побег вору, предварительно обо всем с ним договорившись. Легендарные кражи, якобы совершенные Касси и сделавшие его большим авторитетом среди преступного мира, были просто тайными платежами за ценные сведения. Нетистен не скучился.

Смутные подозрения о заговоре заставили императора Турана послать новых лазутчиков на остров Пеллин. Он уже давно установил тщательный тайный надзор за этим княжеством, еще с тех пор как раскрыл предательство его королевы. Несмотря на то что доносы, получаемые Марилом все это время, были довольно обычными, а тут еще и измена племянника несколько отвлекла его, правитель почувствовал тревогу, когда все меньше и меньше шпионов с Пеллина стали присыпать ему свои доклады. Те немногие, кто недавно вернулся с этого острова, уверяли, что там все благополучно и спокойно. Будто бы пеллинитам абсолютно наплевать на смерть их повелительницы. Но Марил не был глупцом и знал, что шпион — такое оружие, которое не так уж сложно повернуть против хозяина. Он кожей чувствовал, что множество отдельных, незначительных и, казалось бы, не связанных друг с другом фактов, произошедших в разных концах империи, говорят о готовящемся заговоре. Все ниточки вели в Пеллин. Вот почему император послал туда Касси.

И слуга обнаружил, что опасения его господина были не напрасны.

Уже в течение нескольких месяцев по всем грязным закоулкам, трущобам и притонам, где скрывался Касси, бродили смутные слухи. Люди шептались между собой, пересказывая байки об убежище, тихой гавани, где обещают богатство и безопасность любому мошеннику, независимо от совершенного им преступления. Все эти блага якобы предоставлялись в обмен на повинование и участие в каком-то секретном рискованном предприятии. Но где находилось это таинственное убежище и что конкретно от них там ждали, никто не знал. То проходил слух о вновь формирующемся пиратском флоте, набирающем в свои ряды сильных и смелых, то об одном из правителей с далеких островов, будто бы собирающемся тайно создать личную армию, или о том, что кто-то готов объединить под своим крылом контрабандистов со всей империи. Обилие подобных сведений потоком лилось на голову Касси.

Предложения казались слишком дикими и мало походили на правду. Но интуиция подсказывала шпиону, что все эти слухи как-то связаны с островом Пеллин. Пытаясь найти подтверждение неясным догадкам, шпион заявил во всеуслышание в своих кругах, что ему надо срочно укрыться от правосудия. Вскоре после разговора с Марилом легендарный вор и впрямь почувствовал, что императорская стража создает ему невыносимые условия. Это ускорило события, и Касси удалось выйти на контакт с теми, кто обещал убежище и богатство. В результате его взяли на Пеллин. Судно было переполнено личностями, желающими быстро и без хлопот разбогатеть. Все они, вне вся-

кого сомнения, вполне заслуживали того, чтобы быть повешенными без особого разбирательства на площади Правосудия-Аграпура.

По приезде их разместили в недавно построенных бараках, давших приют и сотне других только что прибывших рекрутов. Это было сборище подонков и отбросов из сточных канав преступного мира со всей обширной империи. Здесь они получили кров, пищу, оружие с доспехами и обещание богатого вознаграждения. Взамен от них требовали постоянных тренировок в боевом искусстве. Несмотря на «особую секретность», любому идиоту было понятно, что готовится открытое восстание. В бараках не умолкали разговоры о предстоящем перевороте. Все прекрасно знали, что обычно приносит с собой смута, и с нетерпением ожидали команды для начала грабежа. Активно обсуждались возможные положительные и отрицательные последствия этого отчаянного предприятия. В воздухе носились дикие догадки о зловещем чужестранце, руководящем всеми приготовлениями к битве.

Подобные слухи нуждались в уточнении, и Касси решил выйти на связь с некоторыми осведомителями из шпионской сети императора. Он выбрал подходящий момент и выскользнул из барака. Однако многих из агентов ему найти не удалось. Наконец шпион вышел на Толсита, который также являлся и главным поставщиком вина в Дан-Легех.

В винном подвалчике воняло застоявшимся уксусом и кислым потом. Выглядел он, как пустая таверна после закрытия бара,— потрепанный,

обносившийся и покинутый. Похоже, посетители здесь давно уже стали редкостью. Сам Толсит лишь отдаленно напоминал типичного веселого толстяка-виноторговца. Правда, он еще оставался довольно упитанным, но повисшие складки кожи свидетельствовали о значительной потере веса за сравнительно короткое время. А уж ни о каком веселье и речи не шло. Скорее наоборот. Перед Касси стоял до смерти напуганный человек, который, судя по всему, не просыхал уже в течение нескольких месяцев.

Когда единственный посетитель вышел и они остались одни, посланец императора сообщил виноторговцу пароль. При этом осунувшееся лицо Толсита побледнело еще больше.

— Так что же здесь произошло? — требовательно спросил Касси.— Клянусь черным сердцем Сета, твои люди не могли не знать, что происходит на Пеллине вот уже несколько месяцев! Почему об этом не поступало никаких сообщений? Почему те несколько агентов, что вернулись на Товнос, ни словом не обмолвились о том, что здесь готовится заговор против императора Турана? А ведь Марил за последнее время увеличил количество осведомителей здесь больше чем в два раза. Где они? Где все остальные?

— Их нет. Умерли. Все умерли,— просто ответил Толсит, разведя руками.— Но бог мой, как они умерли!

Голос виноторговца дрожал. Касси с тревогой заметил, что на его глазах даже появились слезы, хотя лицо не выражало никаких эмоций.

Посланец императора взорвался.

— Умерли? Что, все, кроме тебя, умерли? И ты думаешь, что я поверю твоей дерзкой лжи? — И без того узкие глазки Касси превратились в щелочки.

Он был небольшим человечком, серой ничем не примечательной наружности. Так и маленькая змейка не производит никакого впечатления до тех пор, пока не укусит.

Виноторговец в ответ глупо улыбнулся сквозь слезы.

— Да, они все умерли, кроме меня. Остался только Толсит. Но нескольких она, похоже, перевербовала. Этих немногих она освободила, чтобы они сумели передать Нетистену Марилу свои фальшивые доклады о тихом безоблачном Пеллине. Судя по всему, подлецы неплохо на этом заработали. Может быть, именно они рассказали ей о том, где найти своих бывших товарищей. Возможно, она вырвала признания адскими инструментами пыток из тех, кого постигла иная участь.

Видел бы ты, что она сделала с ними! Она была так горда, вывесив их останки перед стенами Дан-Легеха, чтобы каждый мог насладиться ее искусством. Судя по всему, она долго работала над ними, возможно, не один день. С них содрали кожу, обожгли тела, переломали кости...

— А почему остался жив ты? — подозрительно спросил Касси.

— Марил всегда предполагал возможность предательства. Он внедрил две независимые шпионские сети на Пеллине. Так, чтобы одна из них не подозревала о существовании другой. К тому же император использовал много независимых осве-

домителей. Разумеется, были и еще агенты, подобные мне, которым поручено наблюдать за одним сегментом шпионской сети. Про нас никто ничего не знал. Наверное, поэтому я все еще жив.

Хотя всех других она нашла. Всех, кого я знал. Одному Хорменту известно, как много людей были объявлены шпионами! Может быть, демоны прошептали ей их имена? Я точно знаю только одно — они не назвали моего имени. Да, я не рискнул предупредить Марила, не рискнул помочь попавшим в беду. Я не пытался даже бежать. Я не сделал ничего, что послужило бы хотя бы намеком на то, чем в действительности я здесь занимаюсь.

Он часто замигал под пристальным взглядом Касси.

— Если бы ты находился здесь, ты бы сделал то же самое. Все это время я наблюдал, как эта ведьма охотится за нами. Как ласка в садке с кроликами. Я жил в непрерывном ужасе, что настанет день, когда она вывесит и мое изуродованное тело у стен Дан-Легеха.

— Так ты веришь в то, что Эфрель все еще жива? — с презрением спросил Касси, а про себя подумал:

«О боги! Почему судьба сохранила эту бесполезную трусивую жизнь в то время, как люди, достойные уважения, умерли страшной смертью?»

И тут Толсит взорвался. Впервые за все время разговора в нем проявились хоть какие-то эмоции, кроме всепоглощающего ужаса.

— Жива ли Эфрель? Да ты можешь поклясться императору Турана своей задницей, что она жи-

ва. Это не просто слухи, распускаемые, чтобы распалить воображение публики. Каждый пеллинит знает — Эфрель жива. Не важно, что никто не видел ее. В подготовке тайного заговора чувствуется ее рука. А кто, как ты думаешь, стоит за этим делом? Альремас? Конан?

Ах да, ты ведь у нас самый умный! Прокрался сюда, когда большинство наших уже лежат, раскромсаные ножом мясника, и сразу же оценил, что было сделано неправильно. Стоишь тут, целый и невредимый, и сомневаешься в словах единственного человека, который оказался достаточно предусмотрительным, чтобы избежать сетей чертовой ведьмы.

Касси хмуро глядел на виноторговца, недоверчиво взвешивая каждое его слово. Ему нужен был помощник, но какая уж тут помочь от этого слизняка! Да и можно ли вообще доверять Толситу? А что, если его спасло не просто везение?

— Почему никто не сбежал с острова? — подозрительно спросил Касси.

— Такой шанс предоставился очень немногим. Она нанесла удар слишком внезапно. Уже несколько месяцев ни один корабль не может покинуть Пеллин без тщательного досмотра. Проверяются даже лодки рыбаков. А с теми, кто пытается ускользнуть тайно, всегда происходят несчастья.

— Как так? Их ловят? — Агент императора Турана скептически нахмурился. — Ни одна блокада не может остановить абсолютно все суда.

— К сожалению, около этого острова беглецов ожидает гораздо более худшая участь, чем просто столкновение с флотом Эфрель. — Толсит содрог-

нулся при одном только воспоминании о судьбе, постигшей известных ему людей.

— Кадон и Мосна сбежали. Они украли маленькую лодку и выплыли в туманную ночь. Я видел, как они удалялись от берега. А на следующее утро снова встретился с ними, вывешенными у наружной стены Дан-Легеха, посиневшими и раздувшимися. Их тела были покрыты красными полосами, как от ударов кнута, но словно выжженными. Можно подумать, что несчастных выпороли раскаленными прутьями. И это все, что мы знаем о том, что с ними случилось. Они отправлялись ночью, а уже утром их вытащили из Дан-Легеха и вывесили у стены на радость воронам. Мне сейчас и не сосчитать, скольких еще людей постигла та же участь.

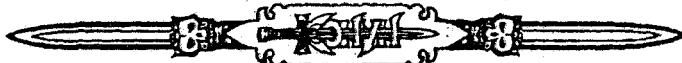
Касси решил сменить тему разговора.

— А что ты думаешь об этом чужестранце, о Конане?

— Ничего я о нем не знаю. Никто ничего о нем не знает. Говорят, будто Эфрель вызвала его, чтобы он возглавил восстание. Оксфорсу Альремасу пришлось отступиться. Теперь эти двое — смертельные враги. Но Альремас слишком могущественный дворянин и как адмирал известен своими победами, чтобы просто так отдать власть. А Конан настолько хорошо знает свое дело, что вряд ли Альремасу удастся вернуть лидерство. Их конфликт должен как-то разрешиться. Однако всему свое время.

— А что по поводу этих, ну... историй, которые рассказывают о Конане?

Толсит пожал плечами.

— Ты имеешь в виду слухи о том, что он и легендарный разбойник прошлого — одно лицо? Киммериец-пират, вернувшийся отомстить империи, разгромившей его флот двадцать лет назад? По-моему, это может быть и правдой. А почему бы нет? Ведь Эфрель тоже была убита, но тем не менее она все еще жива. А чем Конан хуже? И вообще, все в заговоре колдуны идет против законов природы. Зачем Марил когда-то пустил эту колдунью в свою постель?

— Спроси у него самого, когда он прибудет сюда,— едко посоветовал Касси.— И можешь не сомневаться, Нетистен будет здесь со своим флотом. Он явится, чтобы вырезать эту опухоль на теле империи, как только я сообщу ему о происходящем. А я не собираюсь тянуть с докладом. Я найду способ вернуться в Аграпур. И, уж будь покоен, я не разделю участия твоих неудачливых товарищей,— подчеркнул он.

Толсит пожал плечами.

— Да, я уверен, ты своего добьешься и обо всем доложишь императору. Нет ничего проще: добираешься вплавь до Марила и говоришь ему, что его бывшая жена, которую он убил два года назад, и двухсотлетний пират как бы хотят вытащить из-под него трон. Валяй! А я тут пока подожду прибытия императорского флота.

Касси тоскливо подумал, что, наверное, ему все же придется положиться на Толсита.

— Я что-нибудь придумаю. А сейчас мне надо побродить около моря и попытаться собрать сведения. Итак, завтра..., да, пожалуй, завтра ты приведешь меня в Дан-Легех. Если Эфрель действи-

тельно до сих пор жива, Марил пожелает узнать об этом подробнее и из достоверных источников.

Пухлое лицо Толсита снова побелело.

— Я?! Черта с два я пойду в Дан-Легех! Это равносильно самоубийству. Марил платит мне за то, чтобы я шпионил для него, а не за то, чтобы меня убили. Я уже и так достаточно натерпелся. Я сделал все, что смог.

— Не думаю,— возразил Касси с удивительно милой улыбкой. В его беспечных глазах появилось жесткое выражение.— Мне надо попасть в Дан-Легех. Ведь ты поставляешь вино в крепость. Почему бы тебе не нанести им визит вместе со своим новым помощником? Лучше не зли меня, Толсит. Я ведь тоже знаю, как убить побольнее.

— Но очередная поставка только через неделю...

— Завтра, Толсит. Ты как раз получил какое-то особенно хорошее вино и знаешь, что главному управляющему оно очень понравится.

Касси повернулся спиной к хнычущему виноторговцу и поспешил выйти из лавки.

Напрасно потратив время на проверку остальных агентов, чьи имена значились в его списке, шпион императора был вынужден признать, что Толсит не преувеличивал. Это казалось невероятным, но всю агентурную сеть Марила здесь на острове выкорчевали с корнем. Да, дело обстояло именно так. Похоже, придется положиться на Толсита.

А приготовления к восстанию шли полным ходом, как заметил Касси, пока ходил по городу. Улицы были переполнены вооруженными людьми.

ми. Грохот десятков кузниц, где ковали оружие и доспехи, не умолкал ни на секунду. На всех площадях тренировались солдаты. К этому времени Касси уже знал, что еще несколько военных лагерей расположены в глубине острова. Судя по всему, бунтовщики рассчитывали нанести удар очень скоро. Размах операции теперь уже достиг того уровня, когда понятно, что основные приготовления закончены. Даже тщательная изоляция и самая изощренная ложь не могли больше скрыть признаки подготовки мятежа. Необходимо как можно скорее сообщить об этом Марилу.

Гавань была до отказа забита кораблями. Сотни рабочих усиленно трудились над производством новых судов, а также над ремонтом и переоборудованием старых. В одном из районов порта Касси заметил несколько необычных конструкций и с риском быть разоблаченным решил подойти к ним поближе, прикинувшись праздношатающимся зевакой. Лениво покусывая довольно зеленое яблоко, купленное здесь же с лотка у ничего не подозревающего торговца, он медленно приблизился к докам.

Производимые работы его немало удивили. Тут мастеровые строили несколько гигантских катапульт, какие иногда используют при осаде городов. Громадные военные машины устанавливали на широкие баржи, неуклюжие старые корабли, оборудованные только рядами длинных весел для передвижения. Касси, нахмурившись, задумался. Зачем они это делают? Вряд ли громоздкие посудины смогут плыть по морю. По крайней мере до Аграпура они, разумеется, не доплынут. Если Ко-

нан планирует использовать их для осады столицы Турана, тогда лучше было бы транспортировать такие машины в разобранном виде, в трюмах военных кораблей, и собирать на месте.

Начало темнеть. Касси решил, что пора возвращаться в бараки, пока его отсутствие не показалось кому-нибудь подозрительным. Хотя вряд ли в хаосе, царящем повсюду, офицер казармы обратит внимание на то, что нет солдата. Тем не менее пеллиниты уже продемонстрировали свою бдительность при вылавливании шпионов.

К нему приближался небольшой конный отряд. Касси отступил назад, освобождая ему дорогу. В одном из всадников он с удивлением узнал Имилля. О предательстве туранца и получении им высокого поста в армии повстанцев шпион императора уже слышал. Стارаясь остаться незамеченным, Касси нырнул в тень навеса небольшого магазинчика. Имиль был ему знаком по Хоарезму, где вор неоднократно встречал мальчишку. К счастью, ренегат не знал Касси в лицо.

На другой лошади восседал темноволосый мужчина довольно бандитской наружности в кожаных брюках и куртке с серебряными пуговицами. На руках и груди неизвестного вырисовывались крепкие мускулы. Касси его не знал.

Третий всадник, тоже не знакомый императорскому лазутчику, мог быть только Конаном. Длинные черные волосы, примитивные черты лица, массивная фигура. Даже необыкновенно крупная лошадь, казалось, приседала под его тяжестью. Одет он был, как и его товарищ. Сапоги с курткой, прекрасная, цвета ржавчины юбка, гармонирую-

щая с бородой. Одного только взгляда на его демонические голубые глаза было достаточно, чтобы исчезли последние сомнения. Касси быстро опустил голову, поежившись.

Он с удивлением поймал себя на мысли, что, быть может, невероятные слухи о Конане не так далеки от истины? Ведь много в мире странных и загадочных тайн. Кто знает, каких невообразимых помощников удалось призвать к себе на службу сумасшедшей колдунье?

Маленький конный отряд остановился неподалеку от Касси.

Прислушавшись, тот мог расслышать все, о чем они говорят. Делая вид, что внимательно рассматривает фрукты на прилавке магазинчика, шпион не пропустил ни единого слова из разговора всадников.

— Тут, похоже, дела идут полным ходом,— проговорил Имиль.— Однако я до сих пор никак не могу понять, в чем их польза? Насколько точными могут быть выстрелы с баржи по цели, находящейся на расстоянии в четверть мили?

— Они сделают то, для чего созданы,— уверен но ответил Конан.— Я много раз видел их в деле. Разумеется, использование такого вида оружия несколько ограничено, но, если удается пустить его в ход, оно обладает огромной разрушительной силой. Впрочем, катапульты нужны для любой осады, и нам все равно пришлось бы их строить. А если у нас еще останется время, чтобы надлежащим образом подготовить людей, то солдаты смогут довольно точно наводить орудия. Для поражения цели зажигательным ядром не нужно

быть слишком метким. Главное, чтобы оно попало туда, где есть, что зажечь.

Он пожал плечами.

— Я думаю, мы еще успеем посетить Альремаса, пока не стемнеет. Он поделится с нами своими впечатлениями по поводу того, как вела себя сегодня его группа во время маневров на море. Однако я уже проголодался. Арбас, как эти яблоки? Съедобны?

— Не слишком,— проворчал темноволосый мужчина.— Все, что я до сих пор видел, были зелеными. Впрочем, если ты любишь зеленые яблоки, тебе должно быть все равно. Однако здесь есть довольно вкусные апельсины.

— Да, это, пожалуй, была неплохая мысль, купить апельсины,— пробормотал Конан, когда они отъехали чуть дальше.

После их отъезда, Касси выбрал гроздь винограда побольше и расплатился с хозяином. Ему показалось, что тот смотрел на него как-то слишком уж внимательно. Выплевывая на ходу косточки, шпион императора побрел в задумчивости по направлению к баракам.

Глава шестая

Вода была холодная и черная, как базальт стен Дан-Легеха. Конан опустил в нее ногу и выругался.

— Ты уверен, что это необходимо? — спросил Арбас.

Конан ничего не ответил.

Ночь была беззвездная. Море укрыто тяжелым одеялом тумана. Холодный ветер гнал белые барашки по темной, как чернила, воде. Начался отлив, и снизу доносился плачущий вой прибоя, бьющегося о скалы. Влажный воздух был насыщен запахами водорослей и застоявшейся воды. Чернее, чем сама чернота, возвышались над ними башни Дан-Легеха.

— Твоя задача проста — последи, чтобы какой-нибудь ублюдок не свистнул мое добро. Да оставь мне чуть-чуть вина, — проворчал Конан, осторожно входя в полосу прибоя. Его сапоги и одежда лежали, сваленные горкой поверх плаща на покрытой

водорослями скале. Меч и ножны остались ожидать хозяина вместе с вещами. Он взял с собой только большой нож, пристегнув его к поясу.

Арбас скептически наблюдал за действиями приятеля. Покачав головой, Душегуб сделал большой глоток бренди из фляги. Он уже привык и к сумасбрдным идеям Конана, и к тому, что тот всегда приводил их в исполнение, доводя дело до конца. А если на сей раз все сложится иначе? Ну что ж, он будет ждать, пока не начнется прилив или не кончится бренди.

Уверенно пройдя через затянутые туманом волны прибоя, Конан поплыл к скалам под Дан-Легехом. Он был уверен, что никто не сможет разглядеть его в эту безлунную ночь. Самому же ему темнота нисколько не мешала.

Достигнув основания скал, бесстрашный пловец нырнул. От соленой воды, щипало глаза, от ледяного холода немело тело. Внезапно ногу обвила толстая водоросль. С большим трудом Конану удалось вырваться из склизкой хватки. Ему понадобились все его силы, чтобы плыть против выносящего в открытый океан подводного течения. Он был могучим пловцом, но знал, что даже ему не под силу долго бороться с предательской стихией. Стоит немного расслабиться, и сразу потянет вниз, в бездонные глубины Сорн-Эллина. А Конан сильно сомневался, что его там радушно встретят.

Он нырнул под ревущий прибой настолько глубоко, насколько мог себе позволить, опускаясь вниз, пока давление воды не сжало голову с невыносимой силой. Подводное течение начало за-

сасывать его все глубже и глубже. Конан уже почти не мог ему сопротивляться. Появилась страшная боль в конечностях. Грудь была готова разорваться от долго сдерживаемого дыхания. Однако, судя по всему, до дна ему оставалось еще очень далеко. Ровная поверхность черной скалы уходила вниз, в бездну.

Намного глубже под собой Конан почувствовал какое-то движение.

Спустя несколько секунд он вынырнул на поверхность, жадно хватая воздух ртом. Его рука сжимала нож. Что-то холодное, обвило ногу. Но это оказалась всего-навсего водоросль.

И вновь Конан ощущил внизу что-то живое. Он решил больше не испытывать судьбу и быстро поплыл к прибрежным скалам. Взобравшись на скользкий выступ, киммериец остановился, чтобы восстановить дыхание. Море, в том месте, где он только что был, забурлило. Конан забился в щель между искрошившимися базальтовыми обломками, прикрывшись сетью морских водорослей, и стал наблюдать.

Над поверхностью воды показалась голова и начала оглядываться вокруг. Конан плотнее прижался к холодным камням. На фоне бушующих барашков и кипящего прибоя разглядеть лицо было трудно. Оно выглядело просто бледным пятном. Внезапно вода вокруг него забурлила, и на поверхности замелькали какие-то странные темные силуэты. Голова сразу нырнула и больше не показывалась, хотя Конан еще долго смотрел на море.

Затем он поплыл назад, стараясь держаться ближе к берегу, и вдруг, уже в конце пути, на-

толкнулся на труп обнаженного мужчины, застрявший среди скал.

Тело покойного было раздувшимся, как у всех утопленников. Морские крабы еще недоделали свою работу, и Конану удалось рассмотреть раны, обезобразившие бескровную плоть. Ему однажды довелось видеть человека, которого обернули раскаленными до бела цепями. Отметины на коже погибшего вызвали из памяти именно эту картину. Но более тщательный осмотр показал, что перед ним не окоги, а как бы выдолблиенные в коже протоки.

Конан оставил крабам их деликатесное блюдо и начал взбираться туда, где ожидал его Арбас. Он не мог унять крупной дрожи, и не только из-за брызг ледяного прибоя.

Наемный убийца кинул другу флягу и ухмыльнулся, когда киммериец залпом выпил ее содержимое до дна. Зубы северянина громко стучали, пока он растирался плащом и пытался натянуть одежду на все еще сырое тело.

— Если ты уже вдосталь нанырялся сегодня, пойдем поищем какой-нибудь огонь и бочонок хорошего бренди,— предложил Арбас.— Я целый час отбивался здесь от голодных крабов, ожидая, когда ты вернешься. Что ты делал? Неужели встретился с хорошенькой маленькой русалочкой?

Конан странно посмотрел на товарища, затем стал сосредоточенно бороться со своими сапогами.

— Да, я видел там еще одну любительницу плавать,— наконец тихо ответил он.— Надеюсь, что она меня не заметила...

Арбас подумал, что Конан поддержал его шутку, и воскликнул:

- Русалка! Я так и знал.
- Это была Эфрель...

Глава седьмая

На следующий день Касси подкупил сержанта стражи, чтобы тот счел его больным. Освободившись таким образом от тренировок, шпион императора заторопился к винной лавочке Толсита, где сразу поменял свое солдатское обмундирование на выпачканный в саже и заляпанный винными пятнами передник. Толсит принял его без особой радости, сообщив, что наполнил бочонки прекрасным вином и готов везти их в крепость. Его ароматное дыхание и весь вид говорили о том, что он очень старательно отбирал и пробовал вина, прежде чем погрузить в повозку. Они оба взобрались на облучок и медленно поехали по заполненным толпами улицам к Дан-Легеху. Толсит восседал на козлах с таким выражением лица, будто он правил своей собственной погребальной колымагой.

Тем не менее он прекрасно сыграл свою роль, когда они достигли крепости. Охранники после не-

большой перебранки пропустили их через ворота, позвав главного управляющего, который сразу же пришел и проинспектировал товар. Вина действительно оказались прекрасными. Толсит был гораздо лучшим торговцем горячительными напитками, чем шпионом. Но сейчас он был слишком озабочен и испуган, чтобы долго торговаться, и стюарду посчастливилось купить замечательное вино за очень низкую цену. Некоторое время ушло на разгрузку спиртного. Затем они быстро покидали в повозку пустые бочонки и бездельничали до обеда. Дело в том, что торговцы получили разрешение поесть вместе с кухонной прислугой.

Более или менее оправдав свое пребывание внутри замка, Касси и Толсит решили как бы пройтись после еды. Они, не торопясь прогуливались по крепости, беседуя со слугами и чутко прислушиваясь к разговорам солдат. Множество народа заполняло огромную территорию замка, создавая им хорошее прикрытие. Со стороны они выглядели, как два бездельника, которые, раскрыв рот, осматривают достопримечательности дворца.

Через некоторое время Касси отвел своего товарища в сторону.

— Теперь расстаемся,— прошептал он.— Надо порознь пробраться к северному крылу и посмотреть, что там делается. Может быть, что-нибудь услышим от слуг, живущих в апартаментах пеллинских правителей. Если нас обнаружат слоняющимися вдвоем, трудно будет объяснить, чем мы там занимаемся. По одному проще. Каждый скажет, что заблудился. Запомниай все. Любая инфор-

мация важна. Могут оказаться полезными обрывки фраз, имена. Гляди в оба и не развешивай уши. Я хочу узнать что-нибудь определенное про Эфрель. Сплетни, которые мы слышали до сих пор, ничего не доказывают.

— Черт возьми, Касси! Пора сваливать отсюда,— заскулил Толсит.— Марилу хватит и того, что мы уже узнали. Все слуги в один голос клянутся и боятся, что Эфрель жива и занимает северное крыло крепости. Пора уходить. Они убьют нас, если увидят болтающимися по коридорам.

Но Касси заглушил его протесты угрожающими проклятиями, приказав охваченному паникой виноторговцу делать то, что ему велено. Толсит расстался с грозным попутчиком и на подкашивающихся от страха ногах поплелся по лабиринтам коридоров замка. Касси мрачно подумал, что его напарник в таком состоянии может наломать дров, однако не остановил Толсита. Он, не задумываясь, принес бы в жертву любого своего сообщника, если бы этого требовала необходимость.

Очень осторожно Касси шел по запутанным переходам дворца, с любопытством заглядывая в каждую приоткрытую дверь. Внешне его движения казались уверенными. Он напустил на себя вид занятого человека, который спешит по обычным повседневным делам. Периодически ему приходилось останавливаться и прятаться за пыльные gobelены или в открытые дверные проемы, стараясь избегать встреч с теми, чьи приближающиеся шаги шпион слышал в коридорах.

Касси чувствовал все нарастающее напряжение, по мере того как он продвигался к северной ча-

сти Дан-Легеха. В этом крыле было мало людей, и перед ним остро встало проблема, как в случае чего объяснить свое присутствие здесь. Тем не менее императорский шпион продолжал путь, расчитывая получить от Марила щедрую награду за ценнейшие сведения из первых рук о лидерах заговора.

Свернув за угол, он внезапно налетел на двух подпирающих стену стражников. От их взглядов Касси стало как-то не по себе.

— Куда это ты, черт возьми, направляешься, дружище? — недовольно спросил один из них.

Шпион почувствовал, что взмок от страха и по спине потекли струйки пота. Но Касси заулыбался своей самой очаровательной улыбкой.

— Бог мой! Как я рад, что наконец-то вас встретил! — воскликнул он с замечательным гирканским акцентом.— Как бы мне выбраться отсюда? Я уже хожу больше часа. Похоже, совсем заблудился. И никого нет! Даже спросить не у кого. Господи спаси и помилуй, это место не для слабонервных! Как вы выдерживаете тут целый день?

— Пожалуй, начнем с того, парень, как ты попал сюда и что здесь делаешь? — продолжал охранник, подозрительно глядя на него.

Касси начал, как бы в замешательстве, теребить свой ремень.

— Видите ли, вместе с хозяином мы доставили в замок вино. Десять больших бочек роскошного вина! Лучшего в мире вина! После этого мы немного перекусили, и хозяин слегка вздрогнул, как обычно, а я решил взглянуть на дворец, о котором только и разговоров на моей родине, чтобы

потом суметь рассказать о нем дома. Знаете, я подумал, может, мне удастся увидеть золотой внутренний водопровод, который, говорят, эти знатные, голубая кровь, тут установили. Я слыхал, им могут пользоваться даже особо приближенные слуги!

Касси сделал паузу в потоке бестолковых слов и приятно улыбнулся, прикидывая, не переборщил ли он.

Как помощнику виноторговца ему не полагалось носить с собой оружие. Но даже если бы он смог взяться за рукоятку меча, Касси все равно никогда не удалось бы вырваться из крепости. Оставалось полагаться на врожденную хитрость.

Второй стражник смотрел на него с презрением, разглядывая винные пятна, украшавшие одежду.

— Давай отпустим его, Иорен, — зевнув, лениво протянул он.— Конан сдерет с нас шкуру, если мы потревожим его из-за этого деревенского недоумка.— Он с досадой посмотрел на шпиона.— Разворачивайся и давай назад, парень! Здесь нельзя находиться. Ты понял? Держись все время левой стороны, пока не дойдешь до главного коридора. Потом пройдешь через три поперечных прохода и свернешь направо в четвертый. Затем — прямо — на запах кухни. Черт! Спросишь там еще у кого-нибудь. А теперь дуй отсюда, дружок. И не вздумай еще раз соваться в северное крыло крепости! А то штаны ни в одном водопроводе не отстираешь! Дошло?

Не жалея слов, Касси рассыпался в благодарностях и, пятясь, на полусогнутых направился к

выходу. Тайное удовольствие от того, что он обманул стражников, компенсировало обиду за их пренебрежительное обращение и грело душу. Было только досадно, что его уже заметили и предупредили. Теперь придется пробовать другой путь, чтобы приблизиться к цели и узнать что-нибудь существенное. Размышая о том, как дела у Толсита, Касси скоро свернул с указанного маршрута и очутился в коридоре, который показался ему сырьим и безлюдным. Он надеялся, что здесь может встретиться с сообщником, прежде чем тот наткнется на тех же самых охранников.

Касси не знал, в какую именно сторону пошел компаньон, и даже понятия не имел, насколько далеко мог зайти Толсит прежде, чем его окончательно покинула смелость. Однако он помнил, что тот собирался идти вниз по лестнице, чтобы проникнуть в северное крыло замка по подземным коридорам. Учитывая это, Касси спустился по крутым ступеням к колossalному фундаменту цитадели, не переставая удивляться размерам этого легендарного сооружения.

Он быстро миновал анфиладу темных и пыльных комнат. В этих редко посещаемых нижних этажах царила тишина. При каждом шорохе шпиону приходилось прятаться в укрытие, избегая встреч с людьми. Поэтому, когда послышалось еле уловимое шарканье осторожных шагов, он быстро скользнул за древний gobelen.

Едва дыша Касси выглянул в слабо освещенный коридор, боясь, что путь к отступлению перерезан бдительными стражниками. Спустя минуту он увидел вошедшего. Это оказался всего-на-

всего Толсит, тихо крадущийся по направлению к спрятавшемуся товарищу. Виноторговец был уже в футах ста от места, где укрывался Касси. Тот легко распознал его округлый силуэт, хотя факелы светили довольно тускло и черты лица сообщника все еще оставались едва различимыми. Касси не терпелось узнать, что нового смог разведать виноторговец. Кроме того, пора было сообща решить, стоит ли рисковать, продвигаясь дальше. Он уже собирался окликнуть напарника, но язык словно прилип к гортани, и Касси замер, окаменев от испуга.

С Толситом творилось нечто странное: движения его стали скованными и очень медленными, он передвигал свои пухлые конечности так, словно на них повесили тяжелые гири. Виноторговец был похож на человека, увязшего в зыбучих песках и пытающегося вырваться из засасывающей трясины. На его лице застыла гримаса смертельного ужаса. С губ сорвалось хриплое блеяние, которое через мгновение превратилось в стонущий дребезжащий звук, будто язык отказывался повиноваться ему. Вскоре все движения Толсита стали вялыми, и он остановился, как парализованный, в позе беглеца, пойманного в ловушку беспомощной неподвижности. Касси словно стал свидетелем сцены из ночного кошмара.

Но он довольно быстро справился с охватившей его паникой, когда послышался громкий скрежет камней и скрип плохо смазанных дверных петель. Ярко загорелись факелы, будто раздуваемые легким ветерком. Часть стены, на которой висел затхлый gobelen, отодвинулась вместе с ним. Вы-

ходящая в коридор потайная дверь распахнулась, и в ее проеме показались два силуэта.

В одном из них шпион узнал Конана. Мужчина держал в руке факел, который ярко освещал его лицо. Огромная колышущаяся тень гротескно изгибалась на холодных камнях у него за спиной. Рядом с ним прихрамывало создание, весьма отдаленно напоминающее женщину. Она передвигалась на деревянной ноге причудливой формы. Складки дорогого шелка ниспадали с плеч, подчеркивая силуэт. Даже при неверном свете факела сразу бросалось в глаза, что ее тело было страшно изуродовано. Вот женщина повернулась в сторону, где спрятался Касси, и тот едва сдержал крик ужаса. Теперь он нисколько не сомневался в том, что колдунья Эфрель все еще жива. На жутко узувеченном лице горел единственный глаз. Только он один и напоминал о прежней красоте императрицы, которую Касси когда-то видел при дворе в Аграпуре. Шпион в глубине души порадовался, что в неярком свете факела невозможно рассмотреть детали.

Колдунья глядела на виноторговца с удивлением.

— Итак, ты видишь, Конан, что придуманная мной система безопасности не подводит, когда посторонние вторгаются в мое святилище. Ворам здесь делать нечего. А в отношении этого глупышки, крадущегося с такой осторожностью и так внимательно осматривающего все вокруг, и сомнений никаких быть не может.

Эфрель издала счастливый вопль, как ребенок, которому подарили желанную игрушку.

— Шпион! Толстенький, маленький шпион, пробирающийся потихоньку, как крохотная жирненькая мышка! Неужели ты рассчитывал вернуться к своему господину с интересными новостями? — Она радостно засмеялась. — И это после того, как я думала, что очистила свои владения от сущих нос во все дыры паразитов! Бедный маленький шпион! Ты напуган?

— Каким заклинанием тебе удалось заморозить его, как статую? — поинтересовался Конан.

— Какое заклинание держит тебя, моя мышка? Может быть, моя неотразимая внешность очаровала тебя? Нет, Конан. Он слишком застенчив. Я думаю, это что-нибудь другое. А разве ты не видел, как Эфрель наводила на него свой заговор? — захихикала она. — Да, теперь я припоминаю. Я сказала, чтобы ты понаблюдал за моим шпионом через глазок, пока я превращала его конечности в глину. Впрочем, это не важно, возможно, я покажу тебе в другой раз. Никому из рода Пеллинов не удавались эти магические слова. Но Эфрель — не только госпожа Дан-Легеха, но и повелительница всех тех, кто рискнул проникнуть в ее дворец. Это очень простое заклинание, и в то же время очень могущественное. Оно быстро произносится и крадет у моих жертв все силы. Этот глупыш не может теперь двигаться по собственной воле.

Взгляни, мой толстенький шпион может только стоять и дышать. Подожди, я слышу, как бьется его маленькое сердечко в своем пухленьком гнездышке. Думаю, что мой мышонок стоит в луже, которой не было здесь раньше. Теперь он сможет

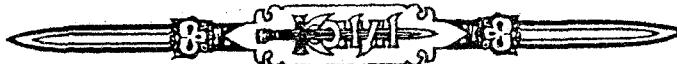
пошевелился, только когда я этого захочу. Отныне он моя марионетка. Мне все равно, один человек или сотня. Это заклинание может заставить всех плясать под мою дудку. Хочешь посмотреть, как моя маленькая куколка ходит?

— Я бы лучше послушал, что он нам скажет,— мрачно пробормотал Конан.— Заставь его сказать, зачем он здесь? Спроси его, кто еще шпионит за нами? Где...

— Я могу заставить его говорить только те слова, которые я разрешу произносить его губам,— нетерпеливо прервала своего генерала Эфрель.— Ну иди сюда, мой маленький шпион. Присоединяйся к нам и пойдем в секретные комнаты, которые ты так хотел увидеть. Мы покажем Конану пару игр, в которые я играю с моими драгоценными игрушками. И вскоре, я думаю, ты сам захочешь поделиться с нами всеми тайнами, наполняющими твой маленький, заплывший жиром умишко.

— Возможно, у него есть сообщники здесь, в крепости,— предположил Конан.— Нужно распорядиться, чтобы все ворота закрыли, и, если ты позвовешь своих слуг, мы могли бы немедленно узнать о том предлоге, под которым он пришел в Дан-Легех. А главное, надо как можно скорее выяснить, кто его сопровождал. Понадобится всего несколько минут, чтобы навести справки. И не важно, насколько лазутчик окажется упрям и захочет ли говорить. Впрочем, судя по его виду, он готов нам рассказать все, что надо, прямо сейчас.

— Конан, временами ты ведешь себя удручающе невоспитанно.

В тоне колдуньи появился оттенок безумной злобы. Конан, подумав, решил не возражать.

— Шпионы теперь так редко навещают Дан-Легех. С тех пор как мои последние любимчики зачахли здесь, я уже придумала несколько новых развлечений, чтобы и их повеселить, и самой по-забавиться. Милый толстячок обязательно нам все расскажет. Но сначала я поставлю на нем несколько опытов. Да, кстати, я желаю, чтобы ты при этом присутствовал.

И она прошептала успокаивающее:

— Пойдем со мной, толстенький, маленький мышонок.

С застывшим лицом жалкого ужаса на лице Толсит как завороженный последовал за ее манящим пальцем. Неуклюже переставляя ноги, он с трудом перешагнул через порог и скрылся в потайном коридоре. Конан с досады плонул, но вошел следом за ним.

Пока дверь не закрылась, до Касси еще долелал радостный голос Эфрель.

— Мой дорогой маленький шпион! А в какие игры мы с тобой поиграем! Интересно, может быть, ты один из тех, кто прошептал о моих планах Нетистену Марилу целую жизнь назад? Знаешь, каково это, когда твоя кожа сдирается с костей? Может, мы и в эту игру сыграем? Маленький, бедненький, толстенький шпион. Похоже, ты очень испугался.

Закрывшаяся дверь прервала поток ее издевательств и раскаты безумного смеха. Перепуганный Касси вышел из своего укрытия. Толсит, на поверхку оказался более стойким, чем предполагал

агент императора. Ведь, что ни говори, ему, наверное, удалось добраться до личных покоев Эфрель. Не спроста же эта часть замка охраняется при помощи сигнализации. Похоже, виноторговец на что-то наступил и привлек к себе внимание королевы и ее приспешника. Поэтому они и пошли на расследование.

Касси облизал сухие тонкие губы. Это хорошо, что Толситу удалось вытащить колдуна из логова. Жаль только, все сведения, собранные им, теперь утрачены навсегда. К напарнику Касси никакого сострадания не испытывал. Он чувствовал только громадное облегчение, что подобная участь миновала его самого.

Внезапно у него внутри как будто все оборвалось. Ведь Эфрель с Конаном очень скоро узнают о нем от того же Толсита. Только благодаря садистским наклонностям колдуны его не выдали сразу на месте. И Касси заторопился к выходу настолько быстро, насколько позволяла осмотрительность. Лазутчик ни секунды не сомневался, что Конану не понадобится много времени, чтобы составить из разрозненных кусочков общую картину. Если бы не Эфрель, слуги уже прочесывали бы крепость и искали его в этот самый миг.

Касси бежал по бесконечным коридорам. Стремительно летели минуты. Драгоценное время терялось впустую, когда приходилось прятаться, чтобы переждать проходящих мимо солдат. Вот и кухня. Но и здесь задержка. Теперь нужно идти не торопясь, как ни в чем не бывало. Однако пока все шло более или менее удачно.

Вернув несколько кивков и приветствий тем, с кем познакомился сегодня утром, он устроился поудобнее на козлах и хлестнул лошадей. Повозка, наполненная пустыми винными бочками, загрохотала по вымощенному булыжником внутреннему двору. Ворота для слуг Касси миновал спокойно, без происшествий. Стражники лениво помахали ему вслед, не отрываясь от игры в кости. Оставалось проскочить главный вход.

Сержант караула посмотрел на него озадаченно:

— А куда ты дел своего хозяина? — растягивая слова, манерно спросил он.

Касси в ответ только выругался.

— Этот жирный сукин сын послал меня обратно одного, чтобы я привез вторую порцию вина. Пока я тут надрываюсь, он там слоняется без дела и волочится за молоденькими кухарками.

Охранники рассмеялись.

— Ну хорошо, поезжай, — проворчал сержант. — Только поторопись, чтобы вернуться обратно до темноты.

Касси перевел дух, только когда вырвался из-под сводов Дан-Легеха. Лошади нетерпеливо рванули после долгого ожидания, и он пустил их галопом. Резко затормозив у пустого винного магазина, шпион спрыгнул и побежал внутрь, чтобы надеть свое обмундирование. Никто не обратил внимания на одинокого солдата, который через некоторое время вышел из помещения и побежал по направлению к докам. Но Касси знал, что в его распоряжении очень мало времени.

Ему нужно как можно быстрее убраться с острова, пока не поднялась тревога и не начались

поиски. Прятаться где-нибудь в скалах не было смысла — ведь так он не сможет передать срочную информацию Нетистену Марилу. Не говоря уже об опасности быть пойманным. Касси не чувствовал особой привязанности к человеку, сохранившему его шею от виселицы, но император щедро платил за услуги. А успешное выполнение этого задания могло сделать шпиона одним из богатейших людей, не беднее любого правителя города.

Многочисленные варианты побега роились у него в голове, быстро сменяя друг друга, пока он стремительно несся к докам. Большинство из них Касси отбросил как несуществимые, зная, как хорошо заблокирована пеллинистами гавань. Когда шпион уже подбежал к самой воде, он увидел, что от берега медленно отчаливает тяжеловесная трирема. Это был шанс. И ничуть не хуже остальных. Не останавливаясь и пытаясь на ходу вспомнить любые мелочи, которые могли бы ему сейчас помочь, Касси изо всех сил припустил к отплывающему кораблю. Он прыгнул на судно в самый последний момент, когда трап был убран и оно уже отчаливало.

Шпион радостно улыбнулся находящимся на палубе матросам и солдатам морской пехоты, как своим старым знакомым. Те, в свою очередь, уставились на него с любопытством. Он плюхнулся на палубу и, откинувшись спиной на перила, пытался отдохнуть. Устало стянув с головы новый, только что полученный шлем, Касси отер взмокшее лицо тыльной стороной ладони и огляделся.

Внизу рабы вставляли весла в уключины. Корабль набирал скорость. К новичку подошел хмурий офицер.

— Так-так. Ну и что же ты хочешь мне сказать? — пролаял он.

Касси неловким движением нахлобучил на голову шлем и выкрикнул приветствие.

— Лучше поздно, чем никогда, господин. Меня... э... тошило этим утром. Я не мог проснуться до тех пор, пока они не кинули меня... Я имею в виду, я прибыл сюда как только смог. Но я уже исправился.— Он быстро, но бессвязно бормотал свои нелепые оправдания, брызгая слюной и глуповато озираясь. Время от времени Касси кидал косые взгляды на береговую линию.

Офицер сплюнул.

— Тыфу, деръмо. Эти чертовы воины не могут даже провести ночь в борделе так, чтобы встать нормально на следующее утро. Мне бы высечь тебя для острастки. Э-э, да что сделаешь из таких помоечных отбросов? Дерьмо — оно и есть дерьмо. И где Конан откапывает подонков вроде тебя? На что рассчитывает? Как настоящие доблестные офицеры могут сделать бойцов из таких, вот как ты? Не представляю!

Обозленный офицер долго-долго распекал Касси в назидание всем остальным, кто собрался на палубе вокруг них. А тем временем, разогнавшись при попутном ветре, трирема уже вышла в открытое море. Наконец совсем выдохшийся от своей яркой речи командир стал водить указательным пальцем по книге с перекидными листами.

— Как ты сказал твое имя, солдат? — прорычал он.

Касси ответил. Он внимательно следил, как палец начальства проскочил через несколько замусоленных страниц, исписанных именами.

— Это ведь «Сорпат», я полагаю? — задал вопрос императорский агент, когда офицер дошел до конца списка и был готов начать все сначала.

Несколько секунд командир ошеломленно смотрел на него.

— Сорпат вышел на военные маневры сегодня утром, — устало сказал он. — Ты — глупый осел! Ты попал не на тот корабль. Это «Хаст Эндаб». И нам поручено в течение двух недель патрулировать южные берега острова Фисития.

Касси разразился удивленными заверениями в своей невиновности. Он, дескать, думал, что еще утро. И как он мог понять, что это не тот корабль, если ему было некогда не только спросить, но и прочитать то, что написано на корме.

К тому времени как офицер кончил ругаться, корабль находился уже далеко от берега.

— Черт, хорошо было бы скормить тебя рыбам, — заключил командир, — но уж раз ты сюда попал и я с тобой влип, то займешь место тех, кто так и не смог выбраться из притонов, чтобы занять свое место в этой команде. Только Сету известно, с каким трудом нам удается поддерживать дисциплину в отрядах, созданных из того дермана, которое генерал посыпает нам в качестве рекрутов. Лучше держись от меня подальше, солдат. Ну на этом, пожалуй, и все.

Последний приказ Касси выполнил с радостью. Он присоединился к хохочущим воинам. Шпион императора сразу ослабел и почувствовал себя совершенно разбитым, когда напряжение наконец потихоньку спало. Осталось только найти подходящий способ в нужный момент улизнуть с корабля.

И Касси погрузился в мечты о наградах, которыми осыплет его Нетистен Марил через несколько дней. Было также приятно сознавать, что он, вор, родившийся в сточных канавах, отважно влез, а затем ловко выбрался из дьявольских сетей, которые сплела Эфрель.

Глава восьмая

Нетистен Марил сидел на обсидиановом, украшенном золотом императорском троне в зале для аудиенций. Хотя на дворе был ясный день, высокие сводчатые потолки тонули во мраке. За узкими окнами виднелись мощные крепостные стены. На фоне голубого неба сияли в солнечных лучах стройные башни белокаменного дворца Аграпура, столичного города Турана и всей империи. Лицо чернобородого императора было темным, как грозовая туча, от едва сдерживаемой ярости. Он нервожно постукивал по золотому подлокотнику трона рукояткой кинжала, оставляя все новые вмятины на мягком металле. Правитель обвел долгим взглядом собравшихся советников, пытаясь, судя по всему, найти какой-нибудь предлог, чтобы перерезать несколько глоток. Впрочем, для этого ему обычно не требовалось никаких предлогов.

Марил был хорошо сложен и прекрасно выглядел в свои сорок лет. Он находился в самом расцвете сил. Крупный, мускулистый, сильный. Ни морщинки на благородном лице. Лишь суровая складка между бровей, говорящая о вулканических страстиах, кипящих в этом человеке, и его деспотическом нраве. Иссущенную ветрами смуглую кожу покрывали еле заметные бледные шрамы, следы прошлых сражений. Марил относился к типу людей, не выпускающих из рук того, что, как они полагают, принадлежит им по праву. Этот человек никогда не давал спуску своим противникам и считал слабым всякого, кто проиграл ему в бою. Злить его было чрезвычайно опасно. А сейчас правитель как раз сообщили пренеприятнейшую новость. Нетистен только что узнал о серьезной угрозе его императорской власти. И угроза эта исходила от врага, которого Марил считал полностью уничтоженным.

В тронную комнату вошел стражник.

— Еgo уже привели сюда, наверх,— сообщил он и снова занял свой пост у двери.

Марил хмыкнул и враждебно посмотрел в сторону входа. Вошел безоружный юнец лет двадцати пяти. За ним показались два конвоира, которые не стали дальше сопровождать пленника и остановились.

Лейжес держался прямо. С гордо поднятой головой он прошел к отделанному золотом черному трону. Физические упражнения позволяли ему не только скратить время, но и поддерживать свое тело в хорошей форме. Однако некоторая бледность лица юноши напоминала о том, что он

больше двух месяцев провел в темнице. В его внешности было все же что-то жалкое, потертое. Длинные каштановые волосы не расчесаны, одежда подобрана безо всякой тщательности и наспех приведена в порядок. Лейжесу дали очень мало времени, чтобы приготовиться к этой встрече. К тому же он не сомневался, что в конце аудиенции ему предстоит познакомиться с палачом. Выражение его лица было угрюмо, а мускулистое тело напряжено. Карие глаза быстро осмотрели огромный зал в поисках Мкори, но девушки здесь не оказалось. Только самые доверенные советники и бдительные охранники пристально смотрели на него со всех сторон. Неторопливо подойдя ближе к трону, он в упор поглядел на Марила.

Тот с огромным трудом подавил в себе неприязнь к племяннику и заставил себя говорить спокойно.

— Итак, Лейжес, я надеюсь, что твое последнее пребывание в моих темницах научило тебя хоть чему-нибудь?

Ответа не последовало, лишь взгляд юнца стал более дерзким.

Марил пожал плечами.

— Я мог бы убить тебя. Я должен был убить тебя. Только твое высокое происхождение и непричастность к измене Лейана спасли тебя от смертной казни, когда я искоренял всех заговорщиков. Тогда, когда ты в первый раз так безрассудно пытался убить меня, я опять освободил тебя, потому что смерть отца лишила тебя последнего рассудка. Наверное, я поступил опрометчиво, отнесясь к твоему обещанию не предпринимать

никаких действий против меня, как к слову, данному благородным человеком. Но ты нарушил свою клятву и сбежал, позволив стае шакалов сделать из себя марионетку и держать за дурака. Когда ты вновь попытался вступить в гговор против меня, по всем законам империи и здравого смысла я должен был обезглавить тебя сразу, без суда и следствия. И сделал бы это, если бы не старая дружба, связывающая меня с твоей семьей и непонятная привязанность моей дочери к твоему ничего не стоящему телу.

— Оставь в покое Мкори, чертов мясник. Не вмешивай ее сюда,— взорвался Лейжес.— И можешь приберечь свою ложь о дружбе между семьями для другого, более торжественного, случая. Ты ненавидишь меня почти так же, как я ненавижу тебя. А на чувства Мкори тебе всегда было наплевать. Существует только одна причина, по которой ты еще до сих пор не уничтожил меня. И сегодня она та же, что была два года назад: мы с тобой последние потомки линии Нетистенов. А ты слишком горд, чтобы позволить этому роду исчезнуть. И если бы у тебя появился наследник по мужской линии, меня давно уже не было бы в живых. Поэтому избавь меня от упреков в черной неблагодарности в ответ на твое безграничное милосердие. Я знаю, какое милосердие ты проявил по отношению к отцу и его друзьям.

— Ты наглый сукин сын! Твой отец был предателем, он участвовал в заговоре против империи, и я убил его в честной схватке.

— Ты убил его в постели, когда узнал, что он наставил тебе рога с твоей супругой. Может быть,

ты сам даже выдумал заговор, чтобы одновременно избавиться и от претендента на трон, и от бесплодной жены.

Марил взревел от злости и вскочил с трона. Он уже был готов нанести удар ножом. Лейжес отпрыгнул назад, приняв боевую стойку. Юноша, дикими глазами настороженно следил за ненавистным противником. Без оружия, голыми руками, в присутствии стражников он мог бы убить этого человека, если бы только представилась такая возможность.

— Остановитесь,— закричал один из советников. Во имя всего святого! Не время сейчас ссориться между собой! Это может привести к гибели империи и к смерти всех нас.

Некоторые из приближенных нерешительно подошли к соперникам, но держались на расстоянии, поскольку все знали, что не стоит попадаться Марилу на глаза, когда он взбешен.

С большим трудом император взял себя в руки и, опустив кинжал, сказал:

— Отойдите! Выдите! Все выдите! Я позвоню вас, когда вы мне понадобитесь.

Пугливо оглядываясь, придворные толпой покинули из тронного зала, наступая друг другу на пятки. Охранники нехотя последовали за ними, как моряки, покидающие тонущий корабль.

— Ну а теперь,— тихо, но четко начал Марил,— несмотря на твою строптивость и упрямство, на твою враждебность и предательство, вопреки здравому смыслу и приговору суда, я собираюсь снова рискнуть и помиловать тебя. Может быть, это глупо, но я хочу дать тебе последний шанс искупить вину.

Если ты сможешь доказать, что тебе все же можно доверять, я забуду то, что произошло между нами, освобожу тебя из-под стражи и возвращу все полагающиеся тебе привилегии. Я возложу на тебя командование императорским флотом и даже сделаю своим вторым помощником, как поступил бы, если бы ты был моим отпрыском и законным наследником. Помни, что у тебя еще есть возможность когда-нибудь получить этот трон, Лейжес. Но не зли меня снова, поскольку иначе, клянусь, я убью тебя, как убил бы в подобной ситуации даже своего единственного сына.

Лейжес был ошеломлен. Он знал о неумолимости императора. Юноша пришел на эту аудиенцию, не сомневаясь, что обречен на неминуемую гибель. А вместо этого заклятый враг предлагает ему свободу и высокий пост. Удивление по поводу невероятного поворота судьбы прорвалось даже через броню ненависти.

— Почему ты думаешь, что можешь рискнуть и снова доверять мне? — решил узнать юноша. Одновременно он ломал голову над тем, какую дьявольскую шутку намерен сыграть с ним Марил на сей раз, предлагая полное прощение.

Император откинулся на спинку трона и внимательно наблюдал за молодым человеком.

— Я думаю, что я тебя знаю, Лейжес. Ведь, если ты даже и не хочешь себе в этом признаться, ты понимаешь, что я не мог поступить иначе с Лейаном. Это была не просто маленькая дворцовая интрижка, он вступил в серьезный заговор против императора. И обычай, и закон требуют одинакового наказания за это преступление. Не забы-

вай, что помимо того, что Лейан был твоим отцом, он приходился мне братом. Вот почему я поступил с ним так, как поступил, дав ему последнюю возможность или убить меня, или умереть в честном поединке.

Лейжес в ответ лишь сжал кулаки, но сдержал гнев.

— Может быть, это и правда. Трудно сказать. Человеческая душа — потемки. Но одно я знаю наверняка: обычай также требует, чтобы я отомстил тебе за смерть отца.

Марил кивнул.

— Да, я понимаю твои чувства. В этом кроется еще одна причина, почему я до сих пор не расправился с тобой.

— Но это не значит, что я пытался уничтожить тебя, только чтобы соблюсти обычай. Между нами кровная вражда. Вечный поединок. Как бы я хотел когда-нибудь убить тебя вот этими руками. Медленно, с наслаждением. Клянусь тебе, у меня нет мечты заветнее.

И юноша поднял оба кулака перед лицом императора для пущей убедительности.

Глаза Марила вспыхнули ответной ненавистью, но он лишь громко расхохотался.

— И тем не менее тебе придется отложить на время нашу вражду, племянник. А вместо этого, если, конечно, я понимаю тебя, а мне кажется, что понимаю, ты действительно поможешь мне.

— Я бы помог задушить тебя твоими собственными кишками.

Марил никак не отреагировал на последний выпад.

— Да, ты поможешь мне. Мы оба жаждем отомстить за твоего отца.

Лейжес был пойман врасплох.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он тихо, пытаясь понять, в чем подвох.

Хитрость была столь же свойственна Марилу, как и показное милосердие, которое он до сих пор проявлял по отношению к своему смертельному врагу.

Нетистен холодно улыбнулся, чувствуя, что преимущество теперь на его стороне.

— Я не убивал твоего отца. Тебе следует это понять. Да, разумеется, это моя рука проткнула его мечом, но тем не менее это не я убил его. Лейан был моим братом, и я никогда не желал его смерти до тех пор, пока судьба не распорядилась иначе. Я ответствен за смерть Лейана не больше, чем тот клинок, что пронзил его. Моя рука и меч были всего лишь орудием злой судьбы, поймавшей нас в свои сети. В искусные сети, сплетенные хитрой ведьмой, которая замыслила это злодейство и организовала заговор, чтобы скрыть со света наш род.

Нет, Лейжес, это не я убил Лейана, это сделала коварная Колдунья. Она отравила рассудок моего брата и настроила его против меня. Эфрель соблазнила его вступить в сговор, чтобы выполнить свои собственные черные замыслы. Она убила твоего отца. Я повторяю, Лейана убила Эфрель. С таким же успехом она могла бы лично воткнуть острие в его сердце.

Лейжес стоял, нахмутившись, и молчал. Мысль о том, что во всем виновата Эфрель, не раз при-

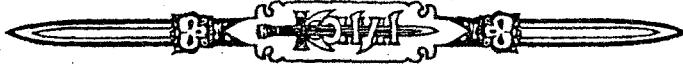

ходила ему в голову и до этого разговора. Но юноше надо было на ком-то сорвать зло, кому-то отомстить за смерть отца. А Эфрель была недосыгаема. Часто бессонными ночами он метался по постели не в силах побороть приступы ярости. Молодой человек неистово проклинал прекрасную чародейку, которая принесла его семье так много зла, пытаясь воплотить в жизнь свои демонические планы. Зато под рукой был дядя, чья победа означала смерть отца и крушение его собственных надежд. Марил все еще жил, в то время как все остальные умерли. И Лейжес не мог простить ему этого.

— Да, Эфрель.— Император заметил отразившуюся на лице племянника борьбу эмоций и решил не останавливаться на достигнутом.— В глубине души ты и сам знаешь, что в гибели Лейана виновата ведьма. Но ты не хочешь думать об этом, не хочешь признаться в этом даже самому себе. Ведь Эфрель уже не отомстишь, а я жив, осознан, на меня можно обрушить всю ненависть. Ты был сам не свой от горя и стыда. Ты жаждал крови. А тут и страшный злодей налицо. И вот ты яростно накидываешься на Нетистена Марила и забываешь о ядовитом создании, сорвавшем твоего отца и толкнувшем его на гибельный путь.

Лейжес наклонил голову. Его душу раздирали противоречивые эмоции. Наконец он тихо пробормотал внезапно севшим голосом:

— Эфрель! Да, то, что ты говоришь, правда. Теперь я окончательно осознала это. Возможно, с самого начала я просто не хотел смотреть правде в глаза. Но Эфрель мертв, и я...

— Нет! — прервал его Марил.— Эфрель жива! — В его голосе появилась новая нотка — оттенок трепетного страха, почти ужаса.— Эфрель не умерла! Колдунья засела в своем логове на Пеллине. Клянусь тебе, она все еще жива. Но, ей-богу, я никак не могу взять в толк, как ей удалось выжить!

— Как?! Откуда ты знаешь? — Лейжес уже перестал что-либо понимать. Ведь рушились казавшиеся ему незыблемыми представления о мире. Прописные истины оборачивались ложью.— Этого не может быть! Ты издеваешься? Шутишь, наверное?

— Я уже давно чувствовал. Уже несколько месяцев. У меня было ощущение, что готовится какой-то заговор,— не обращая внимания на ошеломленного племянника, продолжал Марил.— Агенты приносили мне доклады о необычных передвижениях кораблей внутри империи. Некоторые из моих дворян стали слишком упрямы, другие внезапно исчезли из поля зрения. В последнее время резко увеличилась смертность среди моих шпионов. Особенно сложно стало добывать сведения, относящиеся к Пеллину. Я получил несколько шаблонных отчетов, в которых расписывались успехи пеллинитов. Они выглядели очень подозрительно на фоне тревожных докладов из других частей империи, особенно учитывая тот факт, что большинство моих агентов на Пеллине вовсе никак не давали о себе знать. Все это дурно пахло. Стало ясно, что против меня готовится какой-то заговор. Но мне все никак не удавалось раздобыть нужные сведения, ничего, что я смог бы разоблачить и разрушить.

Марил нахмурился.

— А тут еще ты, со своими многочисленными попытками устроить заговор против дяди! Разве можно быть настолько подверженным чужому влиянию? Надо же и своей головой думать! Из-за тебя я чуть было не прозевал более серьезную угрозу империи. Разумеется, самым логичным для меня было предположить, что ты как-то замешан в назревающем мятеже.

Император не стал добавлять, что это одна из причин, по которой он отпускает Лейжеса. Нет-стен хотел выйти через племянника на его возможных сообщников.

— И вот сегодня утром Касси, один из самых способных моих шпионов, вернулся с Пеллина. Ему удалось проскользнуть туда вместе с бандой головорезов, которым пообещали, что для них вскоре будет работа. Касси чудом выбрался живым с этого проклятого острова, чтобы доставить мне правдивые сведения. Он был уже полумертвым от усталости, когда его подобрала рыбацкая лодка недалеко от Султанапура. Мой шпион ночью спрыгнул с корабля мятежников и поплыл по направлению к берегу. Он сумел так долго продержаться на плаву только благодаря набитым пробкой штанам.

Как бы то ни было, Касси доставил мне очень важную информацию. Ту, что я давно пытался получить. Мой агент рассказал, что Эфрель жива, хотя страшно искалечена после того, как бык проволок ее через весь наш город. Шпион клянется, что видел ведьму в подвалах Дан-Легеха своими собственными глазами. Трудно объяснить, как

ей удалось выжить. Но, к сожалению, она жива и продолжает строить дьявольские козни. Теперь ее злую душу пожирает огонь ненависти. В течение многих месяцев Эфрель тщательно разрабатывала далеко идущие планы по захвату Товноса и ни много ни мало всей империи. Ей уже удалось перетянуть на свою сторону немало сторонников, собрать приличное войско. Касси также сказал мне, что королева отыскала на побережье Западного моря и назначила своим генералом некоего таинственного чужестранца. Этот воин называет себя Конаном.

— Конаном? Я знаю только об одном человеке, носившем это имя.

— Да...— Голос Марила утратил свою привычную уверенность.— Это еще одна загадка, которая не дает мне покоя. У Касси два раза была возможность разглядеть его с близкого расстояния, и он утверждает, что этот Конан как две капли воды похож на кровавого разбойника из легенд, а также на исчезнувшего короля Аквилонии. Больше того, он говорит, что бунтовщики похваляются между собой, будто их лидер и есть тот самый Конан-Амра, чьи пиратские орды грабили наши острова двадцать лет назад. Якобы это один и тот же человек.

Марил замолчал, глубоко задумавшись.

— Подожди, я позову сюда Касси. Скорее всего он уже слегка отдохнул после своего трудного испытания. И мы сейчас вместе послушаем его полный отчет.

Император громовым голосом вызвал охранников. Те предстали перед ним в одно мгновение.

— Приведите ко мне Касси!

— Конан из прошлого, дядя? — Лейжес озадаченно и с недоверием покачал головой.— Нет, это невозможно. Скорее всего колдунья придумала очередную хитрость. Эфрель, должно быть, нашла кого-то очень похожего на того Конана, какого-нибудь киммерийца, и теперь успешно использует его легенду, чтобы придать бунтовщикам уверенности.

— Согласен. Я тоже так думаю, Лейжес,— ответил Марил, с удовольствием отметив, что племянник вспомнил об их родственных отношениях. Похоже, все-таки можно будет рассчитывать на его преданность.— Но с другой стороны... Разве Эфрель могла выжить? Кто скажет, какие силы подвластны этой колдунье? События принимают зловещий оборот, и мне это не нравится. Совсем не нравится. Я никогда не боялся ничего, сделанного из плоти и крови, и даже стали, но колдовство...

— Так, значит, я могу рассчитывать на твою преданность? — Марил произнес последнюю фразу с наигранной убежденностью.— Дай мне слово закончить бесполезную вражду между нами. Ты ведь поможешь мне в борьбе против ведьмы, чьи черные преступления и отвратительные стремления оскорбили богов и навлекли проклятие на дом Нетистенов?

Понятие о чести никогда не позволило бы Лейжесу отказаться. Юноша в задумчивости кивнул.

— Да, вы можете рассчитывать на мою преданность, я даю вам клятву сделать все, чтобы уничтожить колдунью. И если Эфрель действительно

избежала заслуженной кары, вы можете быть уверены, что я не успокоюсь до тех пор, пока она и ее дьявольский заговор не будут уничтожены. Эфрель должна ответить за смерть моего отца! И ни воскресший пиратский правитель, ни все ее колдовские силы не спасут расчетливую шлюху от справедливого возмездия.

— Я знал, что тыinemлешь доводам рассудка,— торжественно произнес Марил.

И он с убедительным энтузиазмом пожал племяннику руку.

— Еще есть надежда, что мы успеем пресечь этот бунт в зародыше. Сейчас Касси предоставит нам полный отчет о своей миссии: точные планы защитных сооружений Эфрель, мельчайшие подробности о ее коварных замыслах, имена предателей, находящихся среди нас. Надо как можно скорее послать в Призарт императорский флот, командование которым я собираюсь поручить тебе. Мы отправим столько кораблей, сколько сможем мобилизовать за неделю, и, думаю, этого будет достаточно, чтобы смести восставших с лица земли и сжечь город с крепостью дотла.

В тронный зал вошел перепуганный охранник, лицо белее полотна. Он был один.

— Где Касси? — завопил Марил.

— Господин, я думаю, вам лучше посмотреть на все это самому.

Марил впился взглядом в несчастного стражника. Ругаясь на чем свет стоит, император поднялся с трона и вышел.

Лейжес остался один в пустом тронном зале. Его взгляд задумчиво остановился на богато ук-

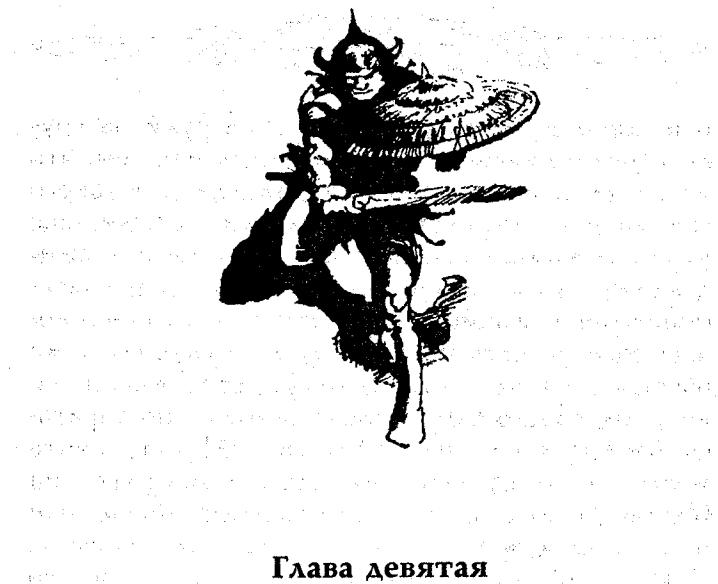
рашенном пустом троне. Скрестив руки на груди и нахмурившись, он размышлял над тем, что услышал. В голове у него царил хаос. От такого обилия новостей и открытий путались мысли. Еще утром пленник, лишенный всех привилегий и ожидающий казни, теперь он снова свободен и восстановлен в звании. Ему оказана честь командовать императорским флотом, а в будущем даже обещан престол. Слава и могущество ждали его впереди, нужно было только немного постараться. Боги дали ему шанс отомстить Эфрель, занять место на императорском троне и жениться на Мкори. Дерзкие планы. Но талантливый, смелый и сильный мужчина может победить все на свете.

Итак, всевышние решили изменить узор его судьбы. Лейжес улыбнулся, вспоминая пророчество. Монашенка знала, что он — любимец богов.

Но вдруг, в одно мгновение, улыбка сошла с лица юноши, и Лейжес глухо зарычал.

— Однако это ничего не меняет, дорогой дядюшка, — прошептал молодой человек теням за троном. — Я дал тебе слово, что буду предан, пока мы не уничтожим Эфрель. Но после этого...

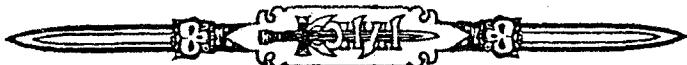
И только старые стены слышали его безрадостный смех.

Глава девятая

Касси открыл один глаз — шелковые простыни и великолепные шкуры на широком ложе, другой — шикарные изысканные покои. Личный агент императора зевнул и, сладко потянувшись, размял уставшие мышцы занемевших конечностей. Он находился в императорском дворце Аграпура и больше не был преступником, объявленным вне закона.

Мало того, Касси стал очень богатым человеком. Шпион почесал щетинистый острый подбородок и начал прикидывать, до каких пределов может простираться императорская щедрость. Его ждала жизнь аристократа. Теперь больше не придется скрываться в темных закоулках Аграпура. Он заживет в прекрасном роскошном доме. Будет хорошо одет, обут, накормлен и напоен. Осталось единственное беспокойство — как сохранить от своих бывших коллег свалившиеся на него богатства: драгоценности и дорогую обстановку.

Но что же разбудило его? Он посмотрел на дверь. Нетистен Марил поставил у входа столько охранников, что они могли бы сразиться с целой армией. Ощущалась, конечно, приятная безопасность, но в настоящий момент Касси хотел спать. Если бы эти болваны поменьше шумели...

— Господин, вы проснулись?

Охранник стоял на пороге. Весь — внимание. Касси не торопился с ответом, наслаждаясь подобострастным видом представителя императорской стражи. Он важно округлил губы и протянул:

— Да-а. А что случилось? — всем своим тоном намекая, что лучше бы тот не обращался к нему по пустякам.

— Некто хочет видеть вас, господин.

— Скажи ему, чтобы убирался ко всем чертям.

Новоиспеченный аристократ зевнул. Человек его положения не мог позволить себе развлекать каких-то случайных посетителей. Если бы с ним хотел встретиться Марил, охрана не была бы столь осторожна и вела бы себя по-другому.

— Но я так хочу побеседовать с вами, господин, — промурлыкал приятный женский голос.

Касси сел на кровати. Всю его сонливость как рукой сняло.

— Меня послал к вам Нетистен Марил, — улыбаясь продолжила девушка. — Я вам нравлюсь?

Она была гибкая, как танцовщица. Ее упругая фигура просвечивала через складки прозрачного шелкового платья. Короткие волосы, завитые в тугие локоны, призывно покрашены в цвета осенних листьев. Лицо, такое же золотисто-загорелое и невинно кокетливое, как лицо ребенка, све-

тилось радостной улыбкой. Длинные ногти были покрыты черным лаком. Касси подумал, что ей не больше пятнадцати лет.

— Подойди сюда. — Расплывшись в самодовольной улыбке, он поманил девушку к себе.

— Господин, но нам не велено пускать никого, кроме самого императора, — возразил стражник. — Существует опасность, что...

Она рассмеялась удивительно приятным горячим смехом.

— А что, я выгляжу так опасно, мой господин?

Пальцы с черными ногтями проворно расстегнули застежки золотисто-желтого платья. Легкие шелка упали вниз и легли мягкими складками вокруг ее щиколоток. Гибкая, словно ива, с белой, как сметана, кожей, раскрашенной под цвет осенних умирающих листьев, разбросанных по всему телу, она была неотразима. Сделав плавный пируэт, девушка спросила:

— Вы боитесь меня, господин? — и заливисто засмеялась. — Разве вы не видите, что у меня нет при себе оружия?

— Подойди сюда, — хрипло отозвался Касси.

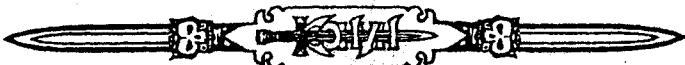
Тут вновь вмешался стражник.

— Господин, нам приказали...

— Иди ты к черту со своими приказами, болван. — Касси усмехнулся. — Мой друг Нетистен Марил посыпал мне доказательства своего благоволения.

Красотка весело рассмеялась, когда он закрыл двери за стражником.

— Итак, чем мы займемся, господин? — Она отступила назад, выйдя из горки шелков, и ста-

ла, танцуя, приближаясь к нему, как фантастическая бабочка.

— Я полагаю, мы вместе что-нибудь придумаем. Ты и я.— Касси довольно ухмыльнулся и пропустил ее к кровати. В следующее мгновение он взял девушку на руки, кинул на простыни и сел на нее верхом. Нужно признать, что она вовсе не сопротивлялась.

— Марил проявил свою благодарность очень милым способом,— выдохнул любовник между поцелуями.— Ой!. Осторожно со своими ногтями, сука! Моя спина обожжена солнцем и покрыта солью, как у моряка... Ах!

Ее дыхание стало резким и частым, а ногти вонзились в кожу на его спине.

— Ведь не зря люди говорят: «Умираю от удовольствия»,— пропыхтела она, покусывая мочку его уха.

Касси почувствовал, как оргазм пронзил все его тело. Шпион императора все еще был словно в тумане и дрожал от страсти, пытаясь вникнуть в смысл ее слов, когда яд, покрывавший острые ногти гостьи, проник в кровь. Смерть наступила мгновенно. Таинственная незнакомка слизнула пену с его мертвых губ.

Неторопливо пройдя мимо стражников, она им игриво подмигнула.

Глава десятая

Ночное небо побледнело с приближением зари. Двое стояли рядом на башне главных морских ворот Аграпура и наблюдали, как гаснут звезды.

Лейджес держался прямо и гордо, словно месяцы заточения были просто страшным сном и теперь совсем забыты. Юноша выглядел величественно в посеребренной кольчуге, шлеме с гребнем и в алом генеральском плаще. Его рука поколась на плече Мкори, безмолвной и печальной.

Первый свет зари заиграл в каскаде золотистых светлых волос, струящихся по ее плечам. Роскошный плащ из белого горностая, защищающий от прохладного морского бриза, был заколот на нежной шее девушки огромной изумрудной булавкой. Ветер теребил ее платье, прижимая его к тонкой фигурке. Мкори то и дело откидывала со своего аристократического лица растрепавшиеся пряди волос. Она была хрупкой и изящной, как

изысканно утонченная фарфоровая богиня. Бледная и полуопрозрачная, с сине-зелеными глазами, такими же, как море внизу.

— Уже заря,— просто сказал Лейджес.

— Заря. И тебе пора отправляться.— Мкори неотрывно смотрела на воду и на флот, стоящий на якоре. Она медленно что-то считала. Цифры вылетали из ее уст мягко, с каждым дыханием.— Всего двадцать четыре судна. Так мало, чтобы победить флот Эфрель.

— Это все, что мы смогли собрать за такое короткое время. Через месяц мы бы набрали еще сотню кораблей, но тогда и Эфрель также успела бы мобилизовать все свои силы. Лучше атаковать сейчас, пока она не закончила приготовлений, чтобы застать ее врасплох. Не забывай, что каждый из наших кораблей, первоклассное военное судно, снаряженное лучшей техникой и укомплектованное отлично обученными солдатами. А встретиться нам предстоит всего лишь с шайкой недисциплинированных предателей. Очень жаль, что у Касси не было возможности рассказать нам все. Но из того, что агент успел доложить, известно: их флот насчитывает всего несколько военных кораблей. Он в основном состоит из разношерстных плавающих посудин, переоборудованных из бывших торговых суденышек, которые только и могут, что перевозить солдат да продовольствие. Мы легко справимся с ними.

Девушка промолчала, казалось, ее не убедила его уверенность в победе.

— Я снова теряю тебя, дорогой. Снова, после всех тех недель, что ты провел в тюрьме. Лейджес,

я лгала, когда успокаивала тебя там, в подземелье. Временами я была уверена, что отец собирается разделаться с тобой. И он, в конце концов, так и сделал бы, если бы ты ему не понадобился, чтобы сражаться с Эфрель. А теперь... Теперь ты свободен. Свободен только для того, чтобы снова покинуть меня, после этих недолгих счастливых дней, проведенных вместе. Я почти уже жалею, что ты не остался в том подземелье. Там ты был в безопасности, и я могла навещать тебя, когда захочу.

Лейджес резко повернулся к ней.

— Как птичка в клетке? Узник, которому можно принести конфеты и цветы? Любой мужчина предпочтет смерть такому существованию.

Он спохватился. Юноша вовсе не хотел ей нарубить. Ведь только она одна беспокоилась о нем. Но ее странная логика временами бесила. Молодой человек хотел было извиниться, но, чувствуя неловкость, так ничего и не сказал, а только посмотрел на небо и подумал, что пора отправляться.

— Я люблю тебя, Мкори,— нежно прошептал он.

Девушка обвила его плечи белыми руками и в отчаянии прильнула к нему, к холодной кольчуге. Спустя минуту он мягко освободился из ее объятий. Чувствуя жгучее желание обладать ею и в то же время мечтая быть свободным от нее, Лейджес спускался по крутым ступеням с башни к гавани.

Мкори сквозь слезы смотрела, как готовится к отплытию императорский флот.

Глава одинадцатая

Высеченная в базальте, глубоко под громадой Дан-Легеха находилась секретная пещера Эфрель. Очень мало кто входил сюда по добре воле, еще меньше людей возвращались отсюда живыми. Именно здесь, под этими темными сводами, где единственным освещением были редкие мерцающие светильники, в громадном зале, вырубленном в камне какими-то неведомыми силами, Эфрель занималась теоретическими изысканиями и экспериментами в черной магии. Уже много веков эту подземную палату использовали для своих дьявольских целей пеллинские правители. Громадное помещение было завалено обломками зловещих установок, назначение которых уже забылось за многие века.

Зал представлял собой огромную мрачную пещеру. По периметру, с небольшими интервалами друг от друга, располагались массивные масляные

лампы. Большинство из них уже сотни лет не использовались. Они стояли на треножниках высотой в половину человеческого роста. Их вместительные резервуары наполнялись громадным количеством масла, которое питало колышущиеся, словно живые, языки пламени.

В центре зала находился огромный бассейн с иссиня-черной водой. Невысокий поребрик, украшенный интересными барельефами, отражался в ее гладкозеркальной поверхности. Вокруг стояли несколько статуй в человеческий рост, изображающих морских демонов в непристойных позах. Впервые попавшему сюда могло показаться, что он находится в храме какого-то давно забытого дьявольского культа, чьи боги вместе со своими служителями обратились в прах много веков назад. В маслянисто-черной водной глади бассейна сияли отблески факелов, что мешало на вид определить его глубину. Но, судя по всему, водоем был очень глубоким, так как уровень воды в нем поднимался и опускался вместе с приливами и отливами. Значит, он каким-то образом соединялся с океаном.

Вокруг круглого бассейна стояло оборудование для занятий сверхъестественными науками. Вдоль стен — шкафы, забитые странно переплетенными томами книг по черной магии. На подставках и полках расставлены перегонные кубы, наводящие ужас одной своей формой. Реторты и прочие алхимические приспособления, пузырьки и бутылочки, сосуды и шкатулочки занимали любое свободное место. Все это было наполнено какими-то сыпучими порошками, пудрами и эликсирами.

Сквозь стекла виднелись консервированные в растворах части живых организмов сомнительного происхождения. Пол и стены изрезаны причудливыми узорами. Запятнанные кровью, свежесмазанные инструменты пыток казались наименее отвратительными во всем этом многообразии различных мерзких предметов.

Эфрель находилась в пещере не одна. Перед ней, заключенный в границы тщательно вырисованной пентаграммы, возвышался вставший на дыбы демон, ее давний приятель. Ведьма вызвала это злобное, наводящее ужас существо из другого мира. Демон стоял, опираясь на свернутые змееподобные кольца своего туловища. Его приглашали сюда довольно часто, и атмосфера общения была ему весьма привычной. Колдунья имела обыкновение будить своего любимчика, чтобы получить от него сведения, которые не могла приобрести никаким другим путем.

Демон, как всегда, попытался освободиться из-под влияния Эфрель, но пентаграмма не давала ему вырваться на волю. В конце концов, осознав всю безнадежность своего положения, он смирился и, с ненавистью глядя на победившую ведьму, заговорил хриплым шепотом:

— А ты, Эфрель, я вижу, добилась успехов. Тебе удалось привлечь на свою сторону Конана. Похоже, он очень энергично взялся за дело. А как, кстати, тебя устраивает новый любовник?

В ответ на насмешки демона Эфрель мило улыбнулась.

— Я вполне довольна твоей рекомендацией. Конан действительно тот самый человек, который

нужен мне для этого предприятия. Он преподал мне неоценимые уроки в вероломстве, разработал новую стратегию и тактику для моего флота и полностью подготовил восстание. Как командующему морскими силами ему нет равных.

Эфрель немного помолчала, собираясь с мыслями, а потом перешла к тому, зачем она вызвала своего приятеля из другого измерения.

— Конан кажется мне не простым человеком. В нем поражает уникальная комбинация несовместимых качеств: с одной стороны, он — воплощение зла и обладает невероятной силой, безжалостностью, дерзостью, а с другой стороны, он — гений, герой. В его глазах есть что-то совсем не человеческое. Они напоминают мне клеймо убийцы. Или все мои инстинкты лгут. Да, Конан принесет мне неоценимую пользу, как смертоносное оружие, в этом я не сомневаюсь. Но он столь же вероломен, сколь опасен в бою. Я использую киммерийца, но не доверяю ему ни на йоту. Недаром же колдуны Черного Круга прозвали его Убийцей Колдунов.

Демон продолжал разговор в том же насмешливом тоне:

— Браво! Я вижу, рыбак рыбака видит издалека. Хотя интересно, ты абсолютно уверена, что сможешь управлять им?

Эфрель буквально взревела от гнева:

— Я легко справлюсь с Конаном! Он не что иное, как человек, варвар, несмотря на его черное сердце и длинную жизнь. Этот глупец даже представить себе не может, насколько я могущественна, тогда как я знаю о нем все! Все, на что он

способен. Конан не властен скрыть от меня даже мелочь... Впрочем, я хочу знать больше. Именно поэтому я тебя и позвала. Ты мне до сих пор почти ничего о нем не рассказал. Только то, что Конан-Амра, повелитель пиратов,— единственный человек, который может добыть мне победу, и еще, что его надо искать на побережье Западного моря в Зингаре. Сегодня вечером я намерена целиком посвятить все время общения с тобой Конану. Я хочу узнать о нем каждую мелочь. Расскажи мне, кто он такой. Что делал разбойник в течение многих десятилетий, прошедших с тех пор, как он терроризировал нашу империю? Кем он был раньше, прежде, чем появился в этих краях и возглавил пиратские орды, провозгласившие господство резни и кровавой бойни? Как ему удавалось избегать смерти целых два десятка лет?

Демон снова засмеялся.

— Ты много не знаешь о Конане. Даже в моем мире мудрейшим известно о нем далеко не все. Его прошлое окутано тайной. Только на то, чтобы поведать тебе, что знаем мы, времени понадобится значительно больше, чем твое заклинание сможет удерживать меня здесь. Однако пока оно длится, я, так и быть, расскажу тебе немного о человеке, которого ты вызвала себе на службу. Я не могу ослушаться и должен выполнять все твои желания. А теперь приготовься, я покажу тебе несколько картинок из фантастической истории Конана.

Очертания подземной пещеры внезапно начали растворяться. Массивные лампы, гротескные статуи, круглый бассейн, инструменты пыток и

предметы черной магии, все поплыло у Эфрель перед глазами, все растворилось в темноте. Голова шла кругом. Ей казалось, что она в центре какого-то бесконечного пространства. И только образ насмешливого демона был виден в космической пустоте.

Но вот из черного хаоса начал формироваться свет. Неясные очертания стали превращаться в яркие картины. Застывшие мгновения прошлого, как падающие в калейдоскопе изображения, замелькали перед глазами Эфрель. В ее сознании вспыхивали и гасли краткие фрагменты из жизни Конана, вырванные из бездны времени сверхъестественной силой демона.

Вот Конан несется через разгромленный город. Рядом бежит худенькая девушка. Их преследует дюжина конных бандитов. На жестоких лицах торжество победы. Разбойники уже почти догнали беглецов. Они то и дело пришпоривают лошадей. Башни городской крепости разрушены, дома лежат в развалинах, их содержимое выброшено наружу. Кругом все горит. Горизонт местами кажется странно искаженным. По-видимому, город расположен на вершине горы, над равниной. Узкие улочки завалены щебнем и обломками домов, по ним трудно бежать. Всадники уже буквально наезжают на Конана. Внезапно преследователи теряют его из виду. Вместе с девушкой киммериец исчезает в темном дверном проеме...

Теперь Конан лежит обнаженный на рассыпавшейся от времени кровати в затхлой комнате, залитой лунным светом. Окно завешено плотной пятиной, за ним видна разрушенная стена крепо-

сти, спящей в руинах уже в течение долгих десятилетий. Внизу, в темноте, вырисовывается неясный силуэт покинутой жителями деревни. Конану, похоже, наплевать на царящее повсюду запустение. Он расслабленно раскинулся в полу值得一. К нему медленно приближается светлокожая женщина. Ее точеная, словно фарфоровая, фигура мечами прикрыта, как вуалью, полусгнившим шелком. Она широко улыбается ожидающему ее мужчине. В мертвенно лунном свете ярко блестят длинные белые клыки...

Залитый кровью Конан пытается вывернуться из стальной хватки противника, сцепившись врукопашную с высоким, как башня, демоном. Вокруг сражающихся бегают мелкие, словно игрушечные, бесенята. Они втыкают в ноги Конана крохотные, очень острые копья. Некоторые из малюток уже валяются здесь же на залитой кровью земле, раздавленные или рассеченные. К скале позади дерущихся привязана обнаженная девушка. Она в ужасе смотрит на битву. Вершины высоких гор скрываются за облаками. Черные острые камни кольцом окружают площадку. В нескольких шагах от пленицы зияет вход в пещеру, словно обрывающуюся в бездонную пропасть, прямо к сердцевине земли. Меч Конана сломан, и он наносит отчаянные удары зазубренным обломком, свободной рукой отводя от себя челюсть демона...

Конан осторожно крадется вдоль пустынных улиц города, где не светится ни одно окно. Никаких следов разорения, однако создается впечатление, что дома покинуты много лет назад. То здесь, то там в лунном сиянии на булыжной мостовой

белеют кости. За ним по мертвому городу идут несколько человек с мрачными лицами, освещая дорогу факелами...

Теперь Конан бежит вверх по длинной лестнице. За ним по пятам, распустив вязкие слюни, несется покрытый белой шерстью получеловек-полуволк. Внизу, под ними, в парадном зале замка царит хаос: столы перевернуты, весь пол залит алоей кровью, повсюду валяются тела разорванных в клочья людей и рассеченных серых волков. На верхней площадке Конан внезапно оборачивается и обрушивает меч на воющего оборотня. Сцепившись врукопашную так, что хрустят кости, они катятся вниз по лестнице. Вот дерущиеся со всего размаха врезаются в перила и, сломав их, падают на пол огромного зала. От сильного удара противники разлетаются в стороны. Киммериец, встрихивая головой, пытается прийти в себя. В это время оборотень, в нетерпении щелкая окровавленными клыками, нападает на него...

А вот Конан сидит на огромном троне из обсидиана. На его голове корона, украшенная крупными необработанными алмазами. Огромный лев, лежащий у ног, отпугивает придворных, заставляя их держаться на значительном расстоянии от повелителя. Манера держаться и одежда людей довольно странные. Какая-то чужая дальняя страна. Лицо Конана исказено гневом. Судя по всему, он зачитывает собравшимся у подножия трона некий указ. С каждой минутой приближенные владают во все большее оцепенение, глядя на него, как кролики на удава. Резкие, режущие слух слова. Непонятный ей язык. Неожиданно разъяренный

владыка вскакивает, размахивая скипетром, словно булавой. Слуги в ужасе пятятся назад...

Существа с чрезмерно длинными ногами, похожие на гибридов человека и лягушки, затаились в тени растрескавшихся покосившихся стен полуразрушенного зала какой-то колоссальной доисторической постройки и наблюдают за Конаном. В перепончатых лапах они сжимают громадные бронзовые мечи. Пол помещения покрыт вязкой скользкой жидкостью. Через зазубренные проломы в стене проросли сочные виноградные лозы. Они обвили густой зеленью неясно вырисовывающиеся механизмы какой-то непонятной природы. В центре возвышается гигантский, порядка сотни ярдов в периметре, кристалл мрачного вида. Он занимает большую часть зала и заполнен некой субстанцией, напоминающей кровавый камень. Внезапно алые вены кристалла как бы ожидают и начинают сверкать. Ослепительные вспышки энергии вырываются из увитых плющом механизмов, словно проснувшихся от долгой спячки. Похожие на амфибии существа в страхе пятятся назад. Пробудившийся кристалл испускает из своих глубин странный зеленоватый свет с красными прожилками молний, опаляя Конана своим огнем...

Киммериец стоит посреди бесконечно огромной пещеры, находящейся глубоко под землей. Примерно в миле над его головой, подобно темным громадным облакам, готовым обрушиться вниз, висят острые сталакиты. Вокруг него до горизонта простирается дымящаяся равнина, усеянная мелкими обломками скал. Она вся изрыта ямами, которые заполнены кипящей булькающей лавой. В

этом страшном месте, напоминающем ад, Конан не один. Вокруг него собрались темные существа пронзительной красоты, причудливые демоны с обтянутыми кожей крыльями и прекрасными лицами, светящимися злой мудростью. Они кружат в медленном танце, выражая откровенное любопытство и в то же время определенную угрозу. Конан горячо убеждает в чем-то одного из них, по-видимому, самого старшего. Это высокий демон, воплощение совершенной красоты и абсолютного зла. Его глаза сияют в полумраке, подобно желтым солнцам...

Теперь Конан катается по полу фантастического храма перед дымящимся алтарем, схватившись не на жизнь, а на смерть с другим таким же мощным, мускулистым человеком. В его диких глазах горит жажда убийства, сильные пальцы сомкнулись на горле врага. Тот делает слабую попытку ударить Конана в ухмыляющуюся физиономию. Мертвенно бледное лицо задушенного как две капли воды похоже на лицо победителя...

Картины в сознании Эфрель вспыхивали и сменялись с умопомрачительной быстротой, приобретая форму и растворяясь так стремительно, что она едва успевала понять каждую сцену. Это был водоворот изображений, которые, кружась, проносились мимо нее и исчезали в ночи. Некоторые — словно мгновенные вспышки, выхватывающие из темноты лицо Конана, другие — законченные эпизоды, длящиеся, возможно, около минуты каждый. Скрипучий резкий голос демона звенел в ее ушах, пробиваясь сквозь эту фантасмагорию. Колдунья отчаянно пыталась понять застывшие моменты из

невероятной саги Конана, вспыхивающие под сводами вечности.

— Время — ничто для Конана. Что такое года для такого человека, героя, который создал и разрушил не одну империю? Всего-навсего мелькающие мгновения. У него на глазах создавались и разрушались королевства, появилось человечество и ушли во тьму древние расы. Ты и сама теперь понимаешь, что недооценивала Конана, Эфрель,— шипел тем временем демон.— Он не то, что ты предполагала. Не просто предводитель пиратов, чудом оставшийся в живых и переживший свое время по какому-то капрису судьбы. Нет, Эфрель! Пират, вор, нищий, король, воин, генерал, поэт, наемный убийца, какие только роли не пришлось ему исполнять! Мириады ролей! Этот человек перепробовал все в своем бесконечном скитании. Конан появился на свет во враждебном мире далекого севера и был одним из первых настоящих людей. Он не раз бросал вызовы и колдунам и богам и всегда выходил победителем. Много лет Конан бродит по миру под сенью насилия и жестокости. Эти скитания, приносящие гибель силам черного колдовства, прекратятся только тогда, когда его убьют. А чтобы выделить Конана среди остальных представителей человеческой расы, боги наделили его адскими глазами, глазами убийцы. Это — отметина Конана! Вот уже многие годы переходит он с места на место, и где бы ни задержался, всюду приносит гибель и разрушение. Он предвестник смерти. Уничтожать дотла, убивать и разрушать так же естественно для него, как дышать. Вот кого ты выбрала себе в союзники,

Эфрель... Тем не менее он все же человек из плоти и крови. И если стальной клинок вонзится в сердце Конана, он погибнет, как и любой человек. Однако Конан не совсем обычный человек. Раны быстро заживают на нем, не оставляя и следа. Только насильственная смерть может забрать Конана в свое царство. Но он уже много раз доказывал, что слишком силен, чтобы проиграть в бою. Ведь насилие и смерть неразделимы. В этой области ему нет равных. Никто из обычных людей не смог бы выжить на протяжении многих лет, участвуя в стольких войнах и походах. Сознание Конана наполнено опытом и мудростью многих битв. Он видел то, что другие не могут даже вообразить, и приободрился к знаниям, которые свели бы с ума простого смертного. С точки зрения твоего мира Конан психически ненормален. Его мысли не похожи на мысли обыкновенных людей, поскольку он видит мир в перспективе многих событий. Жизни других для него словно пылинки, на мгновение попавшие в луч солнечного света. Время для него стоит на месте. Все, что люди считают незыбленным, для него не больше, чем непрестанно меняющееся явление природы. Вечным с точки зрения Конана должно быть лишь его собственное существование. Ему важно только сохранение своей жизни. Мотивы его поступков часто не понятны. Его странные действия никак не укладываются в головах простых смертных, так как для Конана мир — стремительный поток, где только он является величиной постоянной... Вот кого ты наняла, чтобы осуществить свои мстительные замыслы. Разумеется, Конан может выполнить все,

что ты хочешь. Я не лукавил, когда советовал тебе поискать его. Конан — твой единственный шанс. Используй его, если сможешь. Но помни, что ни одна пентаграмма не удержит надолго этого демона, которого ты вызвала из прошлого. Остерегайся, Эфрель! Даже королеве ночи не дозволено разжигать огонь в своем камине от кометы!

Громко расхохотавшись напоследок, демон исчез. Темнота бесконечности вихрем ворвалась в пещеру, закружила водоворотом каких-то видений и лопнула, подобно мыльному пузырю. В подземном зале ничего не изменилось, только пентаграмма опустела.

Потрясенная рассказом демона и прошедшиими перед мысленным взором видениями, Эфрель неподвижно сидела одна в полумраке громадной пещеры. Колдунья обдумывала все, что узнала, проклиная ненадежность помощи потусторонних сил. Внезапно ей стало страшно и одиноко. Немного поколебавшись, она вызвала одного из своих предков, который когда-то приказал, чтобы его осыпали всеми богатствами, и был погребен под лавиной золота. На душе сразу стало легче.

Вскоре Эфрель совсем успокоилась, самонадеянно улыбнулась и прошептала в темноту:

— Итак, не стоит бояться того, что я узнала. Напротив, в этом моя сила. Теперь, когда я открыла секрет Конана, мне будет легче иметь с ним дело. Тем более что он, как выяснилось, мой единственный шанс. Пусть сначала Конан завоюет для меня империю, а потом уж мы проверим, насколько он могучий воин!

Глава двенадцатая

Конан ловко и быстро облачался в доспехи. За долгие годы войн у него было достаточно времени попрактиковаться в этом. Хотя его только что разбудили, он двигался уверенно и четко, как будто давно проснулся.

Первые отблески зари играли на стенах холодной комнаты. Поправляя кольчугу, Конан погрузился в раздумья о предстоящем сражении. Интересно, сколько раз встающее солнце наблюдало за тем, как он готовится к битве. Да сколько бы ни было! Все равно в желудке всегда появлялся привычный холодок. Застегивая наголенники и размышая о том, оставил ли его когда-нибудь неуверенность в подобные минуты, он кинул через плечо Эфрель.

— Когда приблизительно по твоим подсчетам императорский флот подойдет к Пеллину и известна ли нам его численность?

Сидя в глубоком кресле, правительница острова наблюдала за сборами Конана. Ему показалось, что сегодня ведьма смотрит на него как-то особенно.

— Мои информаторы сказали мне, что императорский флот покинул Аграпур пять дней назад на заре и что их корабли шли под всеми парусами, пока вчера не стих ветер,— ответила колдуны.— Разумеется, они двигались с максимальной скоростью, рассчитывая захватить нас врасплох. Значит, противник должен войти в наши воды сегодня ближе к полуночи. Ну в крайнем случае завтра рано утром. Что же касается численности их флота, то мои агенты насчитали двадцать четыре первоклассных военных корабля, одиннадцать из них — триремы.

— Кто командует эскадрой? Сам Нетистен Марил? — спросил Конан, приложив второй наголенник. От наголенников до самой кольчуги шли брюки из очень толстой кожи, защищающие колени и бедра.

— Нет, мои шпионы доложили мне, что император наконец-то помирисился со своим племянником и послал вместо себя Аейжеса. Не похоже на Марила. Наверное, он стал осторожнее к старости. А скорее всего, Нетистен надеется одним ударом расправиться с Аейжесом, и со мной. Как бы то ни было, он только сейчас получил донесение о заговоре и торопится уничтожить нас как можно скорее, пока мои планы не начали воплощаться в жизнь. Вот почему у него такой маленький флот.

Конан хмыкнул и пристегнул на спину двуручный меч. С минуту он раздумывал, не заменить

ли его на более короткий клинок, который имеет преимущества при близком бою, в толчее рукопашной. Однако двуручный меч очень хорошо сбалансирован. С ним чувствуешь себя увереннее. Рука не устает. Да и дальность его действия может оказаться полезной. Решив свои сомнения в пользу меча, Конан продолжил:

— Ты уверена, что это все их силы, брошенные в атаку? Может быть, это только авангард огромного флота? Возможно, они хотят вытянуть нас и потом...

— Нет. Это весь флот. Все, что Марил смог собрать. Сам подумай! Ведь для полной мобилизации морских сил империи ему понадобилось бы не меньше месяца, а то и больше. Как бы то ни было, мой информатор успокоил меня, что в настоящий момент ни один другой военный корабль не взял курс на Пеллин.

— Где, черт возьми, Альремас? — Конан грязно выругался, выбирай кинжал. Он подыскивал кортик с плоским лезвием, но достаточно тяжелый, чтобы его было удобно метать.— Твой агент потрясающе самоуверен. Интересно, кто этот таинственный информатор? Один из твоих демонов? И заплатит ли он своей головой, если ошибается?

— Нет, не демон,— усмехнулась Эфрель, порадовавшись его неведению.— Мои помощники принадлежат этому миру, но живут в укромном месте. В их тайны посвящены только избранные. Они давно наблюдают за людьми, за нашими глупыми войнами, а забывчивое человечество даже не подозревает об их существовании. Может, пробуешь отгадать? Даю тебе подсказку, Конан.

Эти существа так же далеки от людей, как и демоны из других миров.— Она сделала загадочную паузу.— Я расскажу тебе о них поподробнее в другой раз. Эфрель не имеет привычки делиться своими секретами без особой необходимости.

В комнату стремительно ворвался запыхавшийся Имиль. Ренегат на ходу старательно пристегивал свою превосходную кирасу. Юноша поморщился при мысли о том, как будут смотреться к концу этого дня его покрытые алым лаком и позолоченные по краям латы. Но не беда. Все равно он будет выглядеть представительно. И в том случае, если окажется победителем, и даже если погибнет.

— Все остальные офицеры предупреждены? — сурово спросил у него Конан. Раздосадованный Эфрель, он выплеснул свое раздражение на юношу.

— Да, я проследил за этим лично.

— А люди?

— Трубачи уже протрубыли сбор в бараках, и корабли готовы к отплытию. Морская пехота через час будет грузиться. Мы уже подняли по тревоге весь город. Сборы идут как надо, согласно плану.

Конан хмуро глядел, как Имиль прихорашивается и приводит в порядок свою кирасу.

— Хочется верить, что ты сможешь держаться на плаву в этой штуке, поскольку ее невозможно снять в воде. Ладно. Проследи, чтобы все были как можно скорее готовы к выходу в море. Лейжес и императорский флот могут оказаться здесь уже через несколько часов, и я хочу, чтобы на наших кораблях хватало людей и мы во всеоружии

встретили врага. Итак, займись делом и перестань наводить марафет, как красна девица. Кстати, скажи Альремасу, если увидишь его, чтобы он соблазнил подняться сюда, наверх.

— Слушаюсь, господин! — отчеканил Имиль и быстро вышел из комнаты, почти столкнувшись в дверях с Арбасом.

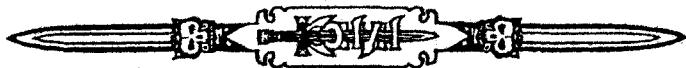
Наёмный убийца ловко отскочил в сторону и вошел, ругаясь на чем свет стоит.

— Уже готов к битве, Конан? — спросил Душегуб.— Я думал, у нас в запасе побольше времени. Неужели этот чертов шпион заставил вас так крутиться?

— Да, похоже, что он. Но ведь все равно, так не могло продолжаться долго. Шила в мешке не утаишь. К счастью, Марил не послал весь свой флот. Впрочем, это нам еще предстоит. Я хочу, чтобы ты был со мной на флагманском корабле. Все-таки лучше иметь за спиной своего человека. А пока проверь, как идут приготовления. Твой друг Имиль будет рад любой помощи, какую ты сможешь ему оказать. Но, главное, сразу дай мне знать, если возникнут какие-то проблемы.

Когда Арбас вышел, Конан повернулся к Эфрель.

— А теперь проверим в деле, насколько хорошо я смог подготовить твой флот за последние несколько недель. Впрочем, даже если я не справился, трибунал вряд ли понадобится. Но вернемся к вопросу, который я задал тебе раньше. Ты сказала, что получила информацию о Мариле от тех необычных таинственных союзников, на которых ты все время намекаешь. Не пора ли тебе попод-

робнее рассказать о них своему генералу? Моя неосведомленность может повредить нашему общему делу. Впрочем, тебе решать. В любом случае, я надеюсь, они помогут нам в битве с Лейжесом. Ведь мы, разумеется, можем рассчитывать на те сверхъестественные силы, которыми ты командуешь?

Эфрель сделала вид, что не заметила его провокационных подстрекательств.

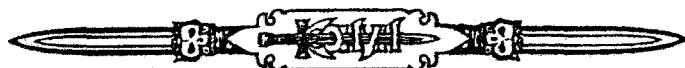
— Нет, в этой битве тебе придется рассчитывать только на свои собственные силы, Конан. От всех видов обычной магии императорский флот, разумеется, будет защищен. А обращаться за помощью к силам, на которые я так часто ссыпалась, сейчас еще не время. К тому же, если бы я сразу могла это сделать, зачем бы тогда мне нужен был ты?

Киммериец было вступил с ней в спор. Но в этот момент в комнату ленивой походкой вошел Альремас.

— Очень мило с твоей стороны, что тебе удалось выкроить минутку из своего драгоценного времени и подняться сюда,— ядовито проворчал Конан.

Альремас зло взглянул на него.

— Я не привык, чтобы мне приказывали, как простому солдату. И в следующий раз не посыпай больше за мной этого вульгарного ренегата! Только обстоятельства вынуждают меня некоторое время быть твоим помощником! Но не забывай, что ты просто-напросто узурпировал тот пост, который по праву...— Он вдруг осекся, увидев Эфрель.— Доброе утро, моя королева,— спокойно поприветствовал ее вельможа.

— Доброе утро, Оксфорс Альремас.— Эфрель поднялась и, прихрамывая, направилась к двери.— У меня есть срочные дела, не терпящие отлагательства. Мне придется покинуть тебя, Конан. Я уверена, что Альремас приложит все усилия, чтобы помочь тебе в выполнении нашей общей задачи. Не так ли, Альремас? — Она улыбнулась ему змеиной улыбкой и, тяжело опираясь на палку, вышла на лестницу.

Весь мятежный пыл, казалось, покинул пеллинского дворянина, когда он, ошеломленный, повернулся к киммерийцу.

— А теперь,— начал Конан,— если мне будет позволено еще ненадолго занять твое драгоценное внимание, я хочу напомнить, что нам предстоит сражаться и, по-видимому, сегодня. Флот под командованием Лейжеса, насчитывающий двадцать четыре судна, приближается к Пеллину и, возможно, будет здесь через несколько часов. Двадцать четыре первоклассных боевых корабля, и почти половина из них — триремы. Как тебе известно, мы не могли позволить себе сосредоточивать силы из-за опасности разоблачения заговора раньше времени. Итак, мы имеем в наличии пять трирем и еще семь настоящих военных кораблей. Прибавь к этому числу двадцать шесть переделанных торговых посудин, барж и прочих мелких суденышек. Подведем итог: наш флот слишком мал, чтобы сражаться с императорской армадой. К тому же Эфрель сказала, что на сей раз она не может привлечь на помощь своих таинственных союзников. Те самые силы, которыми королева без конца хвастает и которые якобы находятся

под ее контролем... Это будет очень тяжелая битва, и для нас каждый человек и каждое судно на вес золота. Я не хочу, чтобы Лейджес запер нас в гавани. Мы должны выйти в открытое море и ждать его там. И как можно скорее! Это, по крайней мере, даст нам возможность маневрировать. Если наш залатанный флот будет четко выполнять программу, которой я обучил его, мы сыграем с Лейджесом в более опасную игру, чем та, на которую он рассчитывает.

Мы уже не раз обсуждали все до последней детали. Я полагаю, ты четко знаешь свои обязанности. А теперь, клянусь красными глазами Повелителя Демонов, настало время действовать. Принимайся за дело и прösледи, чтобы все мои планы выполнялись точно. Наша личная вражда подождет до тех пор, пока мы не возьмем Аграпур. Через час я рассчитываю увидеть тебя на борту «Келкина». Там ты получишь последние приказания. Пока все.

Вместо того чтобы отдать честь, Альремас что-то проворчал себе под нос и стремительно вышел из комнаты.

Конан нахмурился, застегнул генеральский шлем и пробормотал вслед пеллинскому дворянину:

— Если ты выживешь после сегодняшней битвы, тогда мне самому придется разобраться с тобой, Оксфорс Альремас!

Когда он покидал комнату, чтобы проверить готовность воинов к битве, ему пришло в голову, что его враг, без сомнения, думает приблизительно то же самое.

Глава тринадцатая

Они увидели императорский флот Турана около одиннадцать часов утра. Конан внимательно смотрел на надвигающуюся армаду со своего флагманского корабля «Ара-Тейвинг». Лейджес не терял времени, и если бы не таинственные помощники Эферьель, заблаговременно предупредившие о его приближении, он наверняка прорвал бы блокаду заговорщиков и обрушился на Призарт прежде, чем защитники города успели бы организовать хоть какое-нибудь сопротивление. Молодой генерал грамотно воспользовался вчерашним штилем. Он убрал основные мачты, чтобы они не мешали в битве. Его эскадра на веслах приближалась со скоростью лобовой атаки.

Через подзорную трубу Конан любовался красотой боевых кораблей. Их весла погружались в воду сильно и ровно. Их паруса были наполнены ветром. Высоко задранные носы легко рассе-

кали вздывающиеся волны с белыми баращками. Затем он мрачно осмотрел свой собственный пестрый флот, состоящий из подлатанных старых судов и переделанных торговых. Под его командой находились всего несколько первоклассных кораблей, подобных «Аре-Тейвингу» и «Келкину». Но ничего не поделаешь, придется обходиться тем, что есть. Спасибо еще у Конана было время, чтобы вывести этот неказистый флот в открытое море и выстроить в боевом порядке. И теперь, какова бы ни была новорожденная эскадра Эфрель, она стояла в ожидании атаки императорской армады милях в пятнадцати от Призарта.

— Ну и что ты думаешь по этому поводу? — спросил Арбас, наблюдавший за врагом вместе с Конаном.

— Да ничего нового. Если их корабли врежутся в наши ряды клином, мы окажемся в плачевном положении, чтобы не сказать в безнадежном. Поэтому нам нужно сделать так, чтобы не все из них добрались досюда. Вот зачем я распорядился оборудовать эти неуклюжие баржи. А теперь посмотрим, насколько оправдает себя моя дерзкая болтовня по поводу плавучей артиллерии.

Он показал на десяток грузовых широких посудин, которые на веслах медленно подтягивались к своим позициям. Им было велено находиться чуть впереди основных сил. Баржи тщательно переделали, согласно указаниям Конана. В каждый корпус встроили по гигантской катапульте (не те небольшие метательные машины, что иногда устанавливаются на военных кораблях, а массивные приспособления для осады, такие обычно использу-

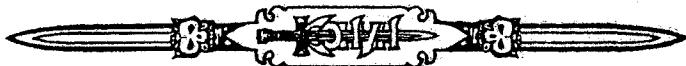

зуют для разрушения городских или крепостных стен).

Триумы этих барж наполняли корзины с обломками скал и камнями весом около ста фунтов каждый. Здесь же находились и более странные снаряды для катапульт. Именно на них Конан сделал основную ставку в игре против значительно превосходящего его по силам противника. Это были специально изготовленные шары, приближительно в два фута толщиной, связанные из всякого тряпья, ветоши, мелких щепок и соломы. Каждый такой шар пропитывали смесью селитры и серы, а затем опускали в смолу, деготь и воспламеняющиеся масла. Зажигательные ядра, оружие, которое Конан использовал при осадах городов, разгорались интенсивным огнем, пока летели по воздуху. Стоило им обнаружить удариться, как они разлетались на множество горящих кусочков. Один такой снаряд мог сжечь целый корабль или, по крайней мере, отвлечь большую часть команды на борьбу со стремительно распространяющимся пламенем.

На каждой барже находилась также небольшая команда: рабы на веслах и несколько солдат, обученных обращаться с катапультами. Больше для этих посудин ничего и не требовалось, поскольку они, будучи очень медлительными и неповоротливыми, не могли быть использованы иначе, чем, как прибрежная морская артиллерия. Они не выдержали бы даже самого легкого шторма. Поэтому на них нельзя было слишком далеко уходить от порта.

Определив, что императорский флот уже вошел в полосу огня, Конан дал сигнал к началу

обстрела. Десять катапульт разом выкинули вперед свои длинные руки. Из-за сильной отдачи баржи угрожающе глубоко погрузились в воду. Дождь камней и зажигательных ядер, прочертивших в воздухе крутую дугу, посыпался на приближающийся флот. Большая часть армады была еще слишком далеко, вне досягаемости снарядов. Но несколько камней попали в цель. Расчеты катапульт поспешно перезарядили орудия, прицелились и снова выстrelili.

Второй залп оказался более удачным.

Со своего флагманского корабля «Мона-Осса» Лейжес в оцепенении смотрел, как в ближайшую к нему трирему попали сразу два зажигательных ядра. От огненных снарядов по палубе сразу во все стороны молниеносно стали распространяться волны яркого пламени, захватывая в свой плен все больше и больше людей.

— Вперед! Полный ход! — словно очнувшись, заорал Лейжес.

С помощью сигнальных флагов его команда была передана остальным. Теперь эскадра шла на предельной скорости. Туранский генерал кипел от бессилия, так как его кораблям еще предстояло преодолеть приличное расстояние, прежде чем волны смогли бы открыть стрельбу.

— Полный вперед! На врага! Мы должны выйти из полосы огня катапульт! Лучники! Стреляйте, как только они попадут в пределы досягаемости! Пусть чертовы катапульты перестанут стрелять!

Массивный обломок скалы попал в ряды гребцов позади генерала, оставил после себя кровавое месиво из расщепленного дерева и раздавленной

плоти. Накренившись на один бок, «Мона-Осса» сбилась с курса, так как со стороны неповрежденного борта рабы продолжали грести. Следующий за ними военный корабль проскользнул мимо на расстоянии плевка. Его капитан с трудом избежал столкновения. В трюм триремы, находящейся слева от Лейжеса, попало зажигательное ядро, и из нее столбом повалил черный едкий дым. Пламя перекинулось на другие суда. Их клинообразный строй смешался и рассыпался. Теперь то тут, то там занимались тушением пожаров. А огненные шары продолжали падать.

Лейжес выкрикивал приказы и ругался на гребцов за то, что они слишком ленивы. Катапульты стали попадать уже на полмили дальше в глубь строя. Бунтовщики обстреливали флот, превращая его в охваченные огнем развалины. Сами же они находились при этом еще слишком далеко. Стрелять по ним из луков было бесполезно. Но императорская эскадра упорно продвигалась вперед сквозь смертельный град. Весла дружно вспенивали волны.

Конан с удовлетворением наблюдал за эффектом, который производил заградительный огонь с барж. К этому времени катапульты стреляли уже не залпами, а каждая сама по себе. Это зависело от того, насколько быстро командам удавалось перезаряжать их. Несколько судов противника уже были заметно покалечены. Четыре из них, включая две триремы, пылали, как факелы. Внезапно легкий след на волне насторожил Конана. Это

Лейжес приказал своим лучникам открыть огонь. Слишком рано, так как все стрелы первого залпа, не долетев до цели, упали в воду перед медленно отходящими назад баржами.

— Вперед! — закричал киммериец. — Скорость лобовой атаки!

Его приказ передали на остальные корабли сигнальными флагами. Когда повстанческий флот двинулся навстречу императорскому, Конан крикнул своим лучникам, чтобы те приготовились стрелять. Через минуту эскадра Лейжеса будет слишком близко для того, чтобы отступающие катапульты могли продолжать свой огонь. Но к тому времени мятежники уже смогут пустить в ход луки.

Конан рассмеялся в предвкушении жаркой битвы. Он весь горел от нетерпения. Палубы его кораблей были предусмотрительно покрыты толстым слоем мокрого песка, чтобы впитывать кровь, которая скоро польется ручьем. Если бы не эта мера, было бы так скользко, что не удалось бы и шага ступить. Все основные мачты сняли. От ударов при столкновениях они могли сломаться и упасть на головы бойцов. Рассекая волны под ритмичные удары весел, корабли Конана надвигались на императорский флот на скорости порядка четырех узлов. Кости были брошены, и битва неминуема.

Когда армады начали сходиться, град стрел с императорского флота посыпался на отступающие баржи. На одной из них воин, пронзенный стрелой с железным наконечником, опрокинулся на жаровню, которую использовали, чтобы поджигать

снаряды. К несчастью, она упала в трюм. Рассыпавшиеся угли тут же подожгли неизрасходованный запас промасленных снарядов. Внезапно баржа взорвалась с оглушающим ревом, превратившись в столб яркого пламени, из которого доносились только вопли гибнущих людей и шипение масла.

Бесстрашно, не боясь свистящих стрел, с остальных барж продолжали стрелять до тех пор, пока повстанческие военные корабли, обойдя их, не оказались в зоне заградительного огня. Будучи бесполезными при ближнем бое, баржи отошли к Призарту, прежде чем императорскому флоту удалось отомстить им за свои потери.

Два флота сошлись друг с другом под смертоносным дождем стрел и острых камней, выпущенных из небольших метательных машин, которые были установлены на палубах. Разгорелась битва не на жизнь, а на смерть.

Первоклассная императорская трирема врезалась в переделанный из торгового судна корабль, случайно выскочивший вперед, опередив своих боевых товарищей. Его сломанный корпус сначала почти вылетел из воды от удара, а затем быстро пошел ко дну. Две галеры с двумя рядами весел столкнулись практически лоб в лоб. Корабль повстанцев остался качаться на воде. В носу его зияла огромная пробоина. Второе судно сразу пошло ко дну. Приказы держать скорость лобовой атаки тонули в воплях людей и оглушительном треске расщепляемой древесины.

Громко выкрикивая команды, Конан направил свой флагманский корабль на ближайшую к нему

вражескую трирему. Достигнув скорости лобовой атаки, в самый последний момент его гребцы быстро втянули весла внутрь, а Конан слегка повернул руль вправо. «Аре-Тейвинг» поменяла направление и легко скользнула вдоль борта противника, разбив в щепу все весла вражеского судна и покалечив его гребцов. В долю секунды она прокочила мимо чужого борта. На «Аре-Тейвинге» снова погрузили весла в воду, и трирема Конана быстро ушла от возмездия, оставив обездвиженный императорский корабль на растерзание более мелкими судами бунтовщиков.

По всему бурлящему полю битвы повстанческие корабли выполняли подобный маневр, но не у всех он прошел столь же успешно. Зацепленный абордажными крюками, «Хаст-Ендаб» был зажат между двумя триремами прежде, чем успел снова пустить в ход свои весла. Воины императора хлынули на его палубу сразу с двух сторон. На помощь пойманному в ловушку военному кораблю устремились два переоборудованных торговых судна, и все это сбороище уже стало напоминать плавучий остров. Под градом стрел повсюду шла жестокая рукопашная схватка. Воздух был наполнен криками боли, ужаса и ненависти, лязгом стали и треском дерева.

«Мона-Осса» вступила в бой несколько позже остальных. Лейджес потерял время на то, чтобы наскоро устранить ряд повреждений, заменить весла, посадить новых гребцов. Увидев императорский флагманский корабль, Конан отдал приказ идти в лобовую атаку, намереваясь захватить его и тем самым деморализовать неприятельский

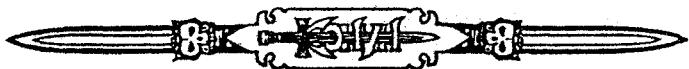

флот. Лейджес вовремя заметил направляющуюся к нему на большой скорости вражескую трирему, но маневренность его судна теперь значительно ухудшилась, и он не смог избежать удара.

С страшным грохотом столкнулись два флагманских корабля. Но этот грохот был заглушен боевыми криками солдат. Враждующие стороны ринулись в атаку друг на друга. На обеих палубах закипел отчаянный рукопашный бой.

Конан бросился в самый центр схватки. Двуручным мечом он прокладывал себе путь на императорский корабль. Не сомневаясь, что сможет орудовать длинным тяжелым клинком и одной левой рукой, Конан отбросил в сторону щит и поднял абордажную саблю, лежащую на палубе возле погибшего солдата. За долгие годы жизни он натренировался действовать правой рукой не хуже, чем левой, что делало его смертельно опасным противником в ближнем бою. Те, кто набросился на него, вскоре убедились в этом.

Тесня вражеских воинов, Конан добрался до высокой носовой части своего корабля и спрыгнул на палубу «Моны-Оссы». На него сразу накинулись императорские солдаты. Киммериец срезал первого двуручным мечом и, успев отбить атаку второго, нанес ему смертельный удар в живот абордажной саблей. Затем, быстро обернувшись, он отразил стремительный выпад третьего и пронзил его длинным лезвием меча. Приказав своим людям следовать за собой, Конан врезался в плотные ряды вражеских воинов, оставляя после себя кровавый след. Искаженные злобой лица и сверкающие клинки кружились вокруг него в

алом водовороте. В первые минуты ему пришлось совсем не сладко. Кольчуга северянина пока еще выдерживала, но оголенная плоть уже кровоточила от неглубоких ран и порезов. Впрочем, это была небольшая плата за жизни, которые взял он. К счастью, вскоре на помощь подоспели воины из его команды, хлынув через борт императорского корабля.

Арбас боролся в первых рядах, подобно разгоряченной видом крови пантере. Наемный убийца отчаянно набросился на воинов. Конан пожалел, что у него нет времени посмотреть на работу профессионала. Удары Арбаса были ловкими и меткими. Он искусно владел оружием.

Генерал Эфрель прокладывал себе путь сквозь живую преграду из солдат империи спокойно и целенаправленно, несмотря на то что все его чувства были воспламенены битвой. Легендарный пират всегда приходил в состояние экстаза, убивая людей. Но как бы Конан ни мечтал дать себе волю и раствориться в оргии смерти и резни, он был вынужден держать себя в руках и усмирять свою жажду крови. Его действиями всегда управлял холодный рассудок, а не эмоции.

Вдруг, прорвавшись через роящихся вокруг Конана воинов, на него свирепо обрушился офицер в красном плаще генерала империи.

— Должно быть, ты Конан,— закричал он и нанес удар страшной силы снизу вверх, который киммериец едва успел парировать.— Тогда тебе известно, что мое имя — Лейджес! Сегодня я командую этим флотом, пират! А завтра твоя смерть сделает меня императором!

— Значит, ты никогда не станешь императором,— спокойно заметил варвар с севера и начал теснить противника с удвоенной силой.— А взамен я дарую тебе корону из прекрасной стали.

Лейджес был превосходным бойцом и хорошо владел мечом. Но два быстрых как молния клинка в руках Конана несколько смущили его. Ему уже и раньше приходилось встречать воинов, использующих в сражениях одновременно меч и кортик; но чтобы сразу два меча — такого он никогда не видел! К тому же Конан с легкостью управлялся с мечом, который большинство мужчин не смогли бы поднять и двумя руками. Все заготовленные насмешки застряли в горле у Лейджеса. Он благородно решил не тратить силы на оскорбления, сохраняя дыхание. Юноша с удивлением понял, что, несмотря на все его старания и мастерство, он вынужден отступать к борту судна. Лейджес впервые начал сомневаться в своей победе. Может быть, недели, проведенные в тюрьме, ослабили его? А возможно, это действительно тот самый Конан из прошлого, против которого, если верить легендам, не в силах устоять ни один человек?

Но тем не менее Лейджес был довольно силен. Он ловко принимал на свой круглый изрезанный щит поток мастерских ударов, наносимых Конаном, и в то же время пытался сам нападать на врага. Вдруг его охватила паника. Юноша осознал, что он значительно уступает противнику. Теперь Лейджес оказался совсем прижатым к борту, и ему было все тяжелее и тяжелее отражать шквал безжалостных выпадов. Он пытался, как мог, сдер-

живать стремительный натиск Конана. Невыносимая боль от бесчисленных мелких порезов пронизывала все его тело. Щит был искромсан на кусочки, меч затупился. В конце концов наступил тот миг, когда Конан с быстротой молнии нанес врагу решающий удар. Лейжес даже не успел понять, что произошло. Абордажная сабля, ярко сверкнув в отраженном свете, прорезала юноше правую руку, в которой он держал меч. Почти теряя сознание, молодой человек почувствовал, что его рука немеет. До него словно откуда-то издалека донесся странный стук. Это ударился о скользкую палубу выпавший клинок.

— До свидания, Лейжес,— засмеялся Конан, занося свой меч для последнего удара.— Я надеюсь, что ты снова возглавишь свой флот. Только в аду.

Лейжес автоматически отшатнулся назад, пытаясь уклониться от остро наточенной стали, но споткнулся о край зияющей за ним бреши в борту и сорвался вниз, в море. Он почувствовал сильный удар, и в следующее мгновение ледяная вода сомкнулась у него над головой. Броня тянула вниз, на дно. Лейжес тонул, пытаясь искалеченной рукой расстегнуть тяжелую кирасу.

— Лейжес упал за борт! Лейжес погиб! Лейжес погиб! — раздались полные отчаяния крики. Эта новость быстро облетела весь императорский флот.

Конан хотел было удостовериться в гибели противника, направившись к пролому, но его оттеснили жаждущие мести туранцы, набросившиеся на него с удвоенной силой. Ему понадобились все

мастерство и ловкость, чтобы отразить их отчаянную атаку. Не успевал он отбить один удар, как на него обрушивался следующий. От звуна стали закладывало уши. Клинки мелькали, сверкая в лучах солнца с такой быстротой, что за ними не успевали ни взгляд, ни мысль. Но атака в конце концов захлебнулась в крови. Последние оставшиеся в живых императорские солдаты уже начали медленно пятиться от сеющего вокруг себя смерть Конана, когда сзади к нему на помощь подоспели мятежники.

Внезапно вокруг него не осталось ни одного врага. Императорский флагманский корабль был взят.

Конан устало вытер пот с лица и перевел дыхание. Он стоял весь покрытый кровью, чужой и собственной.

Огляделвшись, легендарный пират увидел, что перевес уже на его стороне. Огонь катапульт сильно повредил императорскую армаду, а тактика скользящей атаки обездвижила значительное количество военных кораблей противника, оставив их на растерзание мелким повстанческим суденышкам. После падения флагманской триремы Лейжеса его уцелевшие солдаты сражались уже за то, чтобы унести отсюда ноги, победа была им не нужна.

Киммериец усмехнулся. Похоже, его усилия привести в порядок флот Эфрель увенчались успехом.

Рядом с ним появился Арбас. Он сильно хромал. Его бедро украшал грубый бандаж, пропитанный кровью.

— Скорее, Конан, этот корабль тонет... Ой! Дьявол! Какой-то сукин сын чуть не отрезал мне ногу. Вот это, черт возьми, битва!

Северянин нахмурился, посмотрев на алую штанину наемного убийцы.

— Выглядит так, как будто тебе попали прямо в артерию. Затяни повязку потуже, а то истечешь кровью и погибнешь не за грош, а мы еще не закончили сражение.

А потом Конан прокричал своим людям:

— Внимание! Все назад, на «Ару-Тейвинг»! Перенесите туда всех раненых! Пора сматываться отсюда, черт возьми. Да пошевеливайтесь!

И, подав руку Арбасу, он покинул тонущую «Мону-Оссу». Наемный убийца матерился на каждом шагу, но шел. Конан решил, что, судя по всему, его бедренная артерия осталась цела. Иначе Арбас к этому времени уже истек бы кровью.

«Ара-Тейвинг» попятился от тонущей развалины и направился в другую часть поля битвы. Не подалеку от них сцепились повстанческая галера с двумя рядами весел и императорская трирема, и Конан отдал приказ протаранить вражеский корабль. Когда «Ара-Тейвинг» отплывал, никто не обратил внимания на истекающего кровью человека, ухватившегося за обломок корабля и качающегося на волнах в его кильватере. Впрочем, в воде было полно таких.

Глава четырнадцатая

Лейджес вцепился в расщепленное бревно и пытался грести неповрежденной рукой. Соленая вода, подобно кислоте, разъедала его открытую рану. Он ругался во весь голос и кричал от боли, хотя правильнее было бы поберечь силы, чтобы плыть. Не может же он умереть сейчас! Теперь, когда ему есть, за что бороться! Есть, для чего жить! Юноша смотрел, как корабль за кораблем гибнет императорский флот. На его глазах «Мона-Осса» зарылась носом в волну и затонула. Если бы Лейджесу не удалось освободиться от своей брони, он тоже лежал бы сейчас на дне и кормил рыб. Все думают, что он умер. Впрочем, у него и сейчас еще не так мало шансов утонуть или попасть в плен. В отчаянии юноша стал оглядываться вокруг в поисках помощи.

В этот момент Лейджес увидел императорскую трирему, чудом уцелевшую в этой мясорубке. Она

плыла прямо на него, только что оторвавшись от двух преследовавших ее кораблей повстанцев. Лейжес замахал здоровой рукой и стал хрипло взывать о спасении. Внезапно юноша осознал, что находится на пути следования судна и вот сейчас будет смят и уничтожен кораблем собственного флота.

— Прошу вас, боги, пощадите меня,— взмолился он.— Не позвольте мне умереть потопленным моими же людьми! Не дайте мне погибнуть!

Но кто-то на борту императорского судна все же заметил барахтающегося в воде адмирала. Спас Лейжес алый плащ, заметный издалека, который юноша перебросил через бревно, пытаясь удержаться на нем. Трирема моментально изменила курс и замедлила ход. Она проскочила мимо Лейжеса в каком-то метре. Ему бросили веревку и втянули на борт судна.

— Хвала богам! — выдохнул он.— И спасибо всем вам. Ваш поступок будет отмечен. Я отблагодарю вас. Кто здесь капитан?

К нему подбежал офицер, в котором Лейжес узнал одного из своих старых приятелей.

— А, это ты, Гейбл.— Юноша горько рассмеялся.— Твой корабль спас меня. Я уж боялся, что отправлюсь рыб кормить.

— Я думал, что мы вытаскивали на борт привидение, мой господин. «Мона-Осса» лежит на дне, и прошел слух, что Конан назначил тебя туда капитаном.

Лейжес выругался.

— С Конаном я разберусь в другой раз. А что ты думаешь о битве? Что здесь произошло с того времени, как меня сочли мертвым?

— Зажигательные ядра сильно повредили наши суда. Да и известие о твоей гибели сработало против нас,— хмуро ответил Гейбл.— Кроме нашего судна, как я понял, только две галеры еще могут передвигаться свободно. Остальных окружили эти проклятые бунтовщики. Судя по всему, они захватят в плен весь наш флот, оставшийся на плаву.

— Боюсь, что ты прав,— мрачно проворчал Лейжес.— Похоже, наше положение безнадежно. Молва не врет. Конан действительно тот самый дьявол из легенды. Ну да ладно. Сигналь к отступлению. Мы попробуем прорваться назад к Аграпуре, сохранив хотя бы то, что осталось.

Одинокая императорская трирема поплыла прочь от поля битвы по направлению к столице Турана. Несколько других изувеченных кораблей попытались последовать за ней, но повстанческий флот быстро окружил их, и только одному судну удалось вырваться из кольца. За ними не стали посыпать погоню, так как победители были слишком заняты расправой над оставшимися в живых противниками.

Таким образом, из всей императорской армады, состоящей из двадцати четырех превосходных военных кораблей, только два, сильно поврежденных, повернули назад к Аграпуре, оставив своих соратников на растерзание врагу и морской стихии.

А тем временем повстанцы захватывали в плен окруженные корабли один за другим. Взяв на абордаж очередное судно и перебив его команду, победители устремлялись к следующему, приходо-

дя на помочь своим товарищам, уже находящимся на его борту. Императорские воины боролись доблестно, но их позиция была безнадежна. И самые мудрые из них сдали свои корабли на милость победителей, вручив им свои судьбы.

Расправившись с очередным судном, «Ара-Тейвинг» подался туда, где шло самое жаркое сражение. Еще в одном месте ситуация складывалась явно не в пользу повстанцев. Корабль-близнец «Ары-Тейвинга», «Келкин», оказался зажатым между двумя триремами, и императорские солдаты медленно, с завидным упорством добивали нескольких человек из команды мятежников, еще оставшихся в живых. Несмотря на свою неприязнь к Альремасу, Конан не мог допустить потери одного из лучших кораблей флота Эффрель, второго по величине и оснащению после флагманского.

Он отдал приказ отбить «Келкин», подумав при этом, что, спасая Альремаса, приобретет некоторый авторитет среди упрямых пеллинитов. «Ара-Тейвинг» поравнялся с одной из вражеских трирем и быстро взял ее на абордаж. Возглавляя солдат, Конан перемахнул через борт и обрушился на императорских воинов сзади. Не дав им времени опомниться и осознать новую угрозу, он врезался в ряды туреццев и начал рубить им головы сразу двумя клинками. Противники стали отступать под свирепым натиском прибывшего на помощь повстанцам подкрепления. Их явная победа внезапно обернулась безусловным поражением. Они боролись с яростью загнанного в угол хищника, стояли насмерть, несмотря на серьезные раны и бесполезность сопротивления.

К своему разочарованию, флотоводец увидел, что его заклятый враг жив-здоров и отчаянно сражается. Конан надеялся, что кто-нибудь из императорского войска убьет пеллинского дворянина, избавив его от этой неприятной необходимости. Нехотя он признался самому себе, что пеллинит отлично владеет мечом. Альремас словно играл в сложную и опасную игру, делая замысловатые ходы. Заносчивый вельможа отлично защищался. Несмотря на некоторое щегольство, в нем была удивительная стремительность движений и необыкновенная выносливость. Конан и не предполагал, что пеллинскому дворянину удастся выйти живым из подобной резни. Он тоскливо подумал, что если бы этот подонок не был столь популярен, его можно было бы тихо убить в укромном месте. Арбас занялся бы им с большой охотой.

И Конан продолжал биться с врагом, нанося смертельные удары направо и налево. Что делать, с Альремасом придется подождать до лучших дней. А сейчас нужно выполнять грязную, кровавую работу. Необходимо утихомирить последних упрямцев, подавив их отчаянное сопротивление. Но наконец битва стихла. Все солдаты императора или погибли, или сдались в плен.

Вялый победный клич прокатился по рядам смертельно уставших повстанцев. Многие из них погибли в бою, многие были тяжело ранены. Большая часть их флота затонула. Но захваченные в плен вражеские корабли с избытком возместили эту потерю. А найти новых бойцов не проблема. Итак, мятежники одержали несомненную победу

над более сильным и лучше оснащенным противником. И люди имели право торжествовать.

Чувствуя, что его популярность выросла, Конан гордо стоял на носу флагманского корабля. Теперь его вид вызывал еще больший благоговейный трепет: кольчуга разорвана, руки и лицо в порезах. Он весь был залит кровью, от шлема до носков сапог.

Конан поднял свой окровавленный меч, салютуя людям, которых привел к победе.

Под дикие крики: «Ура Конану! Да здравствует Конан! Да здравствует Конан-Амра!» — киммериец ввел свой флот в гавань Призарта. Это было триумфальное возвращение победителей.

С тайным удовлетворением Конан заметил, что ликующая толпа превозносит его, а не Эфрель.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

...Но не во имя Морской Колдуньи поверг в прах Туран Конан-Амра. Враг всему, что и имеет хоть какое-то отношение к Черному Кругу и его колдунам, Конан лишь до поры до времени использовал создание ада в своих целях...

Немедийские хроники

Глава первая

Нетистен Марил напоминал извергающийся вулкан. Впрочем, он всегда впадал в подобное состояние, когда что-то было не по нему. Но сегодня у него на это имелась особая причина. Эскадра императора Турана потерпела поражение. Не просто поражение. Она оказалась уничтоженной!

— Только два корабля вернулись?! О Боги! О трижды проклятый Повелитель Демонов! Это невыносимо! Этого просто не может быть! Как мог Конан нанести такой сокрушительный удар моему флоту? О Боги! Я знал, я с самого начала знал, что мне надо самому командовать этим походом. Ты позволил горсточке нищих бунтовщиков и пиратов разгромить самый лучший военный флот во всем море Вилайет!

Едва сдерживая себя, Аейджес слушал своего грозного дядю. Лицо молодого человека словно окаменело. Раны болели. Каждый раз, когда юноша

безуспешно пытался вставить слово в поток обличительной речи, ему казалось, что он сейчас взорвется от переполнявших его эмоций. В конце концов у Марила кончился запал, и правитель остановился, чтобы перевести дыхание. На секунду воцарилась напряженная тишина. На бледном лице императора застыла маска безграничной досады.

И вот Лейжес, улучив момент, начал с горечью в голосе:

— Да, ты прав. Мы потерпели поражение. Что теперь после драки кулаками махать. И если ты хочешь выплеснуть на кого-то свой гнев, то почему бы тебе не сорвать зло на основном виновнике, на Конане? Наши люди геройски вели себя в этой битве. И я очень сомневаюсь, что ты смог бы провести бой лучше меня. Мы хотели застать Эфрель врасплох, но допустили ошибку. Конан нас уже ждал. И главное, у него оказался намного более сильный флот, чем мы предполагали. В бою он применил несколько гениальных уловок, что помогло ему разгромить превосходящего его по силам противника, нанеся нам тяжелый урон уже в самом начале битвы. И вот результат. Теперь мы уже выдали себя и потеряли значительную часть нашей флотилии, а также позволили Конану одержать победу. И какую победу! Разбойник выиграл сражение только благодаря гениальной стратегии. Кстати, это была твоя идея — атаковать. Я не утверждаю, что не приказал бы сделать то же самое. Но наша идея провалилась, и давай не будем искать виновного.

Мариле речь племянника явно не успокоила. Он хотел было что-то возразить, но потом вдруг

остыл и только пробормотал себе под нос какое-то ругательство. Император в задумчивости гладил свою черную бороду, но глаза его все еще мечтали молний.

Лейжес торопливо продолжил:

— Давай еще раз все обсудим. Теперь мы знаем, что имеем дело с крупным мятежом. Заговор зрел уже много месяцев. Нам известно, где находится его центр и кто его лидеры. Правда, мы дорого заплатили за это знание. Но что делать? Теперь, когда началась открытая война, можно предположить, что Эфрель призовет к себе на Пеллин всех, чья помощь была ей уже обещана. Тех, с кем она вела секретные переговоры. Победа Конана определенно повлечет за собой волну поддержки от колеблющихся, кто был осторожен и не решался раньше на откровенное предательство. Таким образом, ведьма, возможно, соберет большое количество сторонников, когда новость о нашем поражении соблазнит не слишком преданных нам людей. Восстание Эфрель, возглавляемое Конаном, — самая большая угроза империи Турана, с которой когда-либо сталкивался род Нетистенов.

Итак, мы потеряли двадцать два судна и тысячу пять солдат и рабов. Но это всего лишь половина флота Турана, если брать в расчет те корабли, которые патрулировали границы или по каким-то иным причинам не были задействованы в этом сражении. Кроме того, если мы действительно постараемся, то сможем переделать некоторые наши торговые суда в военные и набрать для них новые команды. Именно так поступил Конан, и мы знаем, что его тактика сработала. Это все

касается самого Турана. А еще нам надо призвать себе на помощь союзников из Вендии. Они не посмеют отказать нам в своей поддержке. Ведь Эфрель представляет угрозу для всей империи. Я не думаю, что ей удалось впутать в заговор представителей самых знатных родов, правителей крупных островов. Предположим, что Султанапур, Акит, Самарра, Шангара, Хоарезм, Замбула и Кутхамес, вместе с большинством малых государств, все еще остаются преданными нам. Учитывая их поддержку, я думаю, мы сможем собрать флот приблизительно в триста военных кораблей плюс где-то сотню переоборудованных торговых и прочих... К тому же бунтовщики также понесли немалые потери. Я уверен, что у Конана не наберется больше сотни кораблей всех видов и мастей. Истошились у него и людские ресурсы. Исходя из всего этого, я полагаю, что соотношение сил окажется приблизительно четыре к одному или даже больше. Разумеется, в нашу пользу. А это значит, что первое поражение вовсе не означает, что мы проиграли всю войну. Мы соберем силы, вернемся на Пеллин с действительно могущественным флотом и сравняем с землей крепость чертовой ведьмы.

Но утро вечера мудренее. Давай хорошенько обсудим все это завтра. Я не спал нормально уже несколько ночей и едва держусь на ногах от усталости. У меня все болит. Поэтому прости меня, дорогой дядя, но я пойду к себе.

Не ожидая ответа, Лейджес повернулся и покинул тронный зал. Марил что-то негромко проворчал о наглых юнцах и погрузился в мрачные размышления.

* * *

Не успел Лейджес, с трудом превозмогая боль, снять с себя заляпанную в битве одежду, как в комнату ворвалась Мкори. Молодой человек радостно засмеялся.

— Мкори, подожди секундочку, — закричал он.

Лейджес накинул на плечи чистую рубашку свободного покроя и начал запихивать ее под пояс. Не обращая внимания на попытки юноши выглядеть представительно, Мкори выпроводила его телохранителя из комнаты и подбежала к любимому.

— Мне нужно было прийти и увидеть тебя прямо сейчас. Ох, Лейджес, как я благодарна богам за то, что ты вернулся. Все только и говорят, что о катастрофе и клятве Эфрель отомстить. Я слышала, что Конан чуть не убил тебя и что Гейбл чудом заметил тебя в воде.

Она упала в его объятия, всем телом содрогаясь от рыданий. Лейджес крепче прижал ее к себе, превозмогая боль в руке. Некоторое время молодые люди стояли неподвижно, обнявшись. Юноша шептал ей на ухо какие-то утешения. В конце концов они поцеловались.

— А Конан... — снова возбужденно начала Мкори, но затем, взяв себя в руки, тихо продолжила:

— Говорят, он тот самый Конан, легендарный пират, чьи орды лет двадцать назад едва не завоевали нашу империю. Люди утверждают, что Эфрель вызвала его сюда из мертвых, чтобы сделать ее армию непобедимой.

— Охотно верю. Особенно после того как я встретился с ним на поле битвы, — ответил Лейджес. — В нем есть что-то нечеловеческое. В бою, за-

литый кровью, он похож на демона смерти. А в его голубых глазах убийцы горит безумный огонь. Разбойник резал наших людей как овец. Кровавая бойня — его стихия, так же, как морские глубины — стихия акулы. И, подобно акуле, он несет с собой неминуемую гибель.

Мкори в ужасе посмотрела на любимого и тяжело вздохнула. Лайджес заметил это и решил ее немного успокоить:

— Но все слухи про Конана — сущая ерунда. Я знаю, что он все же человек. Я видел несколько кровоточащих ран на его теле. Допустим, он превосходный воин и действительно здорово похож на пирата Амру, но этот Конан вовсе не демон. Теперь я знаю ему цену. И когда мы снова встретимся, я убью его. Мне наплевать, кто он там есть на самом деле. Я сделаю для тебя кубки из его черепа и черепа Эфрель. Они хорошо будут смотреться вместе.

Казалось, Мкори, о чем-то задумавшись, не слушала его.

— А? Ты что! Какой страшный подарок! Ты просто придаешь слишком много значения старым сагам менестрелей о кровавых битвах. Как может кто-то пить из черепа? Сам подумай. Даже те дикие герои из легенд. Череп ведь не удержит воду. Тебе в голову иногда приходят ужасные идеи, Лайджес! Лучше отдав этих злодеев на растерзание отцу.

По каким-то неуловимым признакам Лайджес понял, что она никак не может сосредоточиться на своих словах. Он ощущал под тонким платьем ее трепещущее тело, прижавшееся к его обнаженному торсу.

женной груди. Вот она — мечта! Юноша чувствовал, что сердце девушки бьется в унисон с его собственным. Возможно, именно поэтому его пульс стал таким частым. Молодой человек подумал обо всех тех годах, которые они с Мкори провели вместе, и ему показалось, что он любил ее вечно. Но шумные события последних лет совсем застолонили от него любимую, отодвинув ее на второй план. Каким он был глупцом! К сожалению, ничего уже нельзя переиграть. Теперь эти годы казались словно вычеркнутыми из жизни, а будущее было столь туманно. Как много раз по собственной глупости он оказывался на волосок от смерти, готовый рискнуть этим самым будущим. Полный любви к девушке, Лайджес горячо зашептал, не осмеливаясь говорить громко из боязни, что его голос дрогнет:

— Послушай меня, Мкори! Когда все это кончится, Марил поладит со мной... Меня уже не мучит та жаждà мести. Я теперь уже не преступник, не безземельный сын предателя. Отныне я постараюсь вести себя так, чтобы оправдать доверие императора. Я собираюсь просить у Марила твоей руки, Мкори, и уверен, что он даст свое согласие.

Лайджес смотрел на девушку с болезненной настороженностью, как бы пытаясь услышать ее мысли, прежде чем она выразит их словами.

— Ты согласна, чтобы я стал твоим мужем? Будешь ли ты моей женой, Мкори?

Девушка обняла его с безумной страстью и произнесла слова, которые уже давно были готовы и только ждали своего часа.

— О Лейджес! Любимый! Ты сам знаешь ответ на этот вопрос.

И Мкори страстно поцеловала его.

В течение нескольких следующих минут для Лейджеса не существовало ничего, кроме ее поцелуев. Он забыл об усталости и боли, забыл о паутине тьмы. Путине, которая еще не была доплетена до конца.

Глава вторая

Поздней ночью, спустя несколько дней после битвы, Конан сидел в башенной комнате, занятой им под штаб, и просматривал доклады о состоянии дел. Если предположить, что ремонт императорских кораблей, захваченных в плен, и всех прочих посудин будет закончен в срок, то его флот, пополненный несколькими первоклассными военными кораблями, станет не только не хуже, но, пожалуй, даже лучше, чем был до битвы. Взятые в плен корабли с лихвой восполняли утрату многих менее ценных судов. Потери в живой силе, однако, оказались немалыми, и эта проблема стояла очень серьезно. Людей не хватало катастрофически. И если простых необученных солдат можно было как-то насобирать, то где взять опытных, квалифицированных офицеров?

Арбас, по-видимому, скоро оправится от ранения, и ему вполне можно будет доверить коман-

дование. Конан знал, что Душегуб любил работать в одиночку. Будучи специалистом своего дела, он сумел бы добиться уважения людей и беспрекословного подчинения солдат. Арбас может стать незаменимым командиром, но придется попотеть, чтобы уговорить его занять эту должность. Вряд ли он согласится взять на себя даже часть той ответственности, которая повседневно возлагается на любого офицера. Впрочем, нужно попробовать сыграть на самолюбии наемного убийцы.

Возможно, и Имиль сумеет убедить кого-нибудь из своих старых приятелей перейти на его сторону. Вся аристократия, как правило, с детства привыкла управлять людьми и имеет какую-то мистическую потребность командовать. Простые люди обычно добросовестно выполняют приказания, отанные господами. Из-за этих устойчивых традиций любого иерархического общества часто возникают проблемы с повышением по службе особо отличившихся воинов.

Конан отложил бумаги в сторону. Прежде чем его острый слух поймал стук деревянной ноги Эфрель на лестнице, какое-то шестое чувство подсказывало ему о ее приближении. Интересно, какое дело могло привести ее ко мне наверх? Ведь сюда так тяжело взбираться. Командующий флотом не зря выбрал эту башенную комнату в качестве своего рабочего кабинета. Одной из причин была та, что здесь Эфрель не слишком часто баловала его визитами.

Конан рассматривал свою связь с колдуньей как неприятную необходимость. В настоящее время он удовлетворял ее во всех отношениях. Но забота

о прихотях и капризах безумной женщины утомила даже Конана и стала действовать ему на нервы. Ее привычка вечно соблюдать тщательно продуманную таинственность и ее непрерывные намеки на какие-то одной ей известные секреты раздражали его значительно больше, чем он показывал. Непредсказуемые припадки неистового бешенства тоже, мягко говоря, вызывали в нем глубокую досаду. Изуродованная плоть не вызывала у киммерийца никакого желания, но ему приходилось удовлетворять почти звериную похоть Эфрель. Мало того, он всегда ощущал к ней отвращение, от которого никак не мог избавиться. Конан обнаружил, что подсознательно считает каждый шаг на лестнице по разносящимся гулким эхом ударам деревянной ноги. Он решил, что она приближается в каком-то почти гипнотическом ритме.

Вскоре изувеченная фигура Эфрель перевалилась через дверной порог, и Конан вопросительно посмотрел на свою повелительницу.

— Добрый вечер, Конан,— начала она своим странным надтреснутым голосом, прекрасные тона которого были искажены ничуть не меньше, чем ее исковерканное тело.— Итак, ты работаешь здесь допоздна, как прилежный чиновник.

— Хороший генерал должен знать свои сильные и слабые места, все до малейших деталей,— объяснил северянин, несколько досадуя на приход колдуньи.— На самом деле, так долго здесь его держала бессонница, а не усердие.— Успех в битве достигается не применением готовых рецептов и повторением ошибок. Многие самоуверенные дилетанты думают, что достаточно сойтись с про-

тивником на поле битвы, а там уж пусть провидение решает исход сражения. Они считают, что боги помогут правому делу. Мой меч уже затупился о головы таких дураков, которые несметное количество раз давали мне повод для этого.

— Не обижайся, я пошутила. Разумеется, после победы, одержанной на этой неделе, мне не в чем упрекнуть тебя. Теперь я не сомневаюсь в твоих способностях и не смею спорить с твоей философией.— Эфрель утонула в кресле, стоящем рядом с Конаном.— Я пришла рассказать тебе об Имиле. Он еще раз доказал свою преданность. Сегодня вечером Имиль сообщил мне, что ему удалось уговорить одного своего высокородного друга из Хоарезма помочь нам. Этот вельможа решил присоединить свои силы к нашим. В том городе ныне он наиболее могущественный дворянин, как ты должно быть уже знаешь. Он собирается прибыть к нам на днях с флотом, состоящим из восемнадцати военных кораблей. Мне надо бы решить, каким способом выразить Имилю свою признательность, как отблагодарить его за работу.

Конан рассмеялся.

— Подумать только, какое совпадение! Я как раз думал о том, не может ли Имиль привлечь на нашу сторону дополнительных союзников. Что же касается благодарности? Ну купи ему новый гардероб, и он завоюет для тебя Хоарезм. А если серьезно, это хорошая новость. Мне нужен сильный флот, чтобы смохь защитить воды Пеллина, на случай если Марил сделает очередной бросок раньше, чем мы ожидаем. На его месте, я бы по-торопился предпринять небольшой рейд подобно-

го рода, чтобы свести на нет наш заговор. Но, после того как мы побили Лейжеса, подозреваю, Марил мыслит теперь иначе. Прежде чем предпринять новую атаку, он соберет мощный флот империи.

— Предложения помочи сыпятся на нас со всех частей империи.— Эфрель торжествовала — Каждый предприимчивый человек, авантюрист или грабитель, каждый знатный купец, все, кто имеет причины ненавидеть Туран, объединились, когда новость о твоей победе распространилась по всей империи.

Колдунья замолчала и в упор уставилась на Конана. Ее взгляд остановился на грубых рубцах и более мелких царапинах, полученных ее генералом в битве.

«Странно, всего только струпья и чуть розоватые шрамы остались на месте ранений. Какие потрясающие способности у твоего организма к восстановлению! — Размышая о прошлом Конана, Эфрель подумала: — Если бы раны так же заживали у меня, я могла бы снова стать прежней, без единого шрама, если бы с ним случилось то, что стало с моим несчастным телом?» Ей было приятно сознавать, что еще одно создание могло бы пережить такоеувечье.

— Да, наша популярность растет с каждым днем, как я посмотрю,— ответил Конан,— но как говорил один философ Кхитая:

В твоих словах правда, но они — ложь.
Я наполняю свой кубок по каплям,
А ты потоком льешь ее из амфоры.

Увы, на туранском мне так и не удалось срифмовать это трехстрочие.

— Я никогда прежде не слышала эту поговорку,— удивленно сказала Эфрель.

Конан забыл, что прошло уже так много лет с тех пор, как погиб Хидуси и проклято было его имя. Раздраженный тем, что сам загнал себя в ловушку своей излишней педантичностью, он горько произнес:

— Изначально это не было поговоркой. Это известная цитата из одной восточной пьесы.

— Итак, Конан — мало того что воин, так он еще и ученый. Как это необычно! — ехидно заметила колдунья.— Нам бы надо как-нибудь поговорить с тобой не о войне, а о высоких материалах.

— Тебе бы не понравилось в Кхитае,— едко заметил Конан.— В пьесах, которые ставят бродячие труппы в городах Востока, ни с кого живого ни разу не содрали кожу. Но то, что я имею в виду, должно быть понятно каждому. Я уже говорил, и довольно часто, что мы не можем победить Нетистена Марила и всю империю Турана, имея в распоряжении лишь жалкие подачки, собранные по крохам отовсюду. Даже если силы империи пошатнулись. Почему? Да потому, что большинство из рекрутов, которых нам удастся собрать до начала битвы, ничего не стоят в бою против отрядов, состоящих из опытных, обученных воинов. Ведь это просто мясо, об которое враги немного затупят свои мечи. Да разве что подустанут руками размахивать. Если ты хочешь получить от меня какую-то реальную пользу, ты должна сказать мне точно, с какими сверхъестественными силами заключено соглашение. Что это за мощь, на кото-

рую ты все время намекаешь с таким таинственным видом? Тогда, возможно, мне удастся составить планы своих действий в соответствии с полученными от тебя сведениями.

Эфрель дико расхохоталась, и в какой-то момент Конан испугался, что у нее начался очередной припадок буйного помешательства. Но колдунья просто наслаждалась своим торжеством и через некоторое время успокоилась.

Судя по ее необузданному веселью, все эти месяцы Эфрель, должно быть, предвкушала, как ей будет приятно приподнять завесу таинственности, когда приблизится час возмездия. На ее изуродованном лице появилась гримаса, которую следовало расценивать как загадочную улыбку. Конан уже научился распознавать это выражение. Вдруг королева неожиданно задала ему вопрос:

— Что ты знаешь о скилредях?

Хотя Конан уже давно предполагал что-то в этом духе, он ничем этого не показал. Его лицо оставалось безмятежным. Если бы Эфрель могла прочитать мысли своего генерала в этот момент, она была бы немало удивлена.

— Я слышал несколько странных историй о скилредях от моряков, плававших по этим морям. Из их рассказов я понял, что это своего рода злобные морские боги. Так, по крайней мере, о них говорят.

Эфрель захихикала

— Да, так говорят. Искаженные легенды и сказки старух. Это всего-навсего испуганные догадки, бледные тени глубоко спрятанной правды. Послушай меня, Конан. Давным-давно, еще до то-

го как на Земле появился первый человек, моря были более обширными и богатыми, и в них в изобилии развивалось множество форм примитивной жизни. Океаны тоже простирались намного дальше, чем сейчас. Именно в них раса, известная человечеству под именем скилредей, возникла, росла и процветала. Большинство известных нам континентов тогда еще не поднялись со дна первобытного моря. Только несколько покрытых джунглями земных массивов старой планеты в виде островов выступили над водой. Скилреди жили на большой глубине и создали цивилизацию, которую ни один человек не может себе даже приблизительно представить. Здесь, в этом самом районе Вилайета, они построили свои великолепные подводные города. Наши острова в то время еще не появились, они лежали на дне океана... Это чуждая нам раса такая древняя, что ее возраст внушает благоговейный трепет. Ничто на Земле не было похожим на них, даже в те времена. Скилреди — какая-то причуда эволюции. Раса из иного мира. Возможно, как и человек, они — результат прихода безумного бога. Кто может сказать об этом сейчас, когда прошло так много времени? Самые древние рукописи, изученные мной, не дают определенных ответов на многие мои вопросы. В тот период Земля изобиловала различными странными расами, о которых человечество может только догадываться. Но все тайны дочеловеческой истории утеряны навсегда, за исключением этого небольшого фрагмента... Каково бы ни было их происхождение, скилреди действительно похожи на богов. Они могли держать под своим контролем

естественные, а также сверхъестественные силы и использовать для собственных нужд громадных животных, населяющих первобытные моря. Они управляли этими фантастическими чудовищами, известными человечеству только по легендам. Прекрасно зная физические законы, скилреди построили громадный подводный флот, используя в нем сверхъестественные двигатели. На своих подводных кораблях они путешествовали по океанам и вели войны с другими дочеловеческими расами, населяющими Землю былых времен. Тогда на Земле было большое количество могущественных сил и рас. Кстати, насилие в то время процветало больше, чем в наши дни. Скилреди постоянно вели битвы с другими существами за выживание. Они разбирались в старой магии, точно так же, как и в секретах заливов и пропастей за пределами наших звезд. Легенды намекают только на некоторые из страшных деяний, совершаемых ими во время войн... Возводимые ими потрясающие крепости, громадные базальтовые структуры, превосходили все, что могло создать воображение человека. Мы и сегодня еще видим на склонах холмов руины громадных замков, разрушающихся в течение тысячелетий, с тех пор как вода отступила от островов. Так, крепость Дан-Легех, в которой мы сейчас находимся, тоже их творение. Но для скилредей она была лишь маленькой цитаделью и строилась в период упадка их цивилизации. То был век гигантов, а скилреди управляли магией и наукой в их постоянной битве за превосходство в тот доисторический век Хaosа. Но шли столетия, и сила покидала их. Почему? Возможно, потому,

что сократились громадные моря, а может быть, к этому привело остывание Земли. Сохранились записи о долгом периоде жутких войн между скилредями и другими доисторическими существами. Конфликт разрешался с помощью оружия, имеющего невообразимую разрушительную силу. Многие из этих громадных базальтовых замков превратились в руины и расплавленный щебень. Гигантские подводные лодки скилредей были уничтожены, а устрашающие слуги истреблены. Большая часть скилредей погибла. Их раса к концу войны оказалась близка к вымиранию, и горсточка выживших осталась горевать среди развалин, напоминающих об исчезнувшей цивилизации... Затем твердыня содрогнулась от мощных землетрясений. Горы поднялись из грязи, громадные трещины раскололи дно океана, которое местами прогнулось и поднялось, образуя новые земли, когда вода ушла. А руины титанических крепостей скилредей остались разрушаться под солнцем. Дан-Легех, в конце концов, тоже появился над поверхностью воды, чтобы одиноко обсыхать под серыми хмурыми небесами. Но однажды какой-то мой давно умерший предок победил предрассудки и страхи и приспособил крепость для своих нужд. Разумеется, ты заметил, что происхождение этой цитадели какое-то сверхъестественное. Многочисленные пристройки и изменения, произведенные человеком, новые стены, комнаты, лестницы и потолки, не могли замаскировать дочеловеческого происхождения этой крепости.

Тут правительница острова сделала паузу. Но Конан молчал, ожидая продолжения рассказа.

— А что касается самих скилредей, их число резко убавилось. Эти существа неестественно долго живут, и соответственно у них редко рождаются дети. Но это только одна из их многочисленных неприятностей. Большинство громадных животных, служивших им, вымерли. Созданные ими странные машины и механизмы разрушились так же, как и крепости. Их силы сломлены. Скилреди оказались слишком ослабленными, чтобы выжить в этом жестоком мире. Время шло, а они не были готовы, чтобы сопротивляться изменяющемуся миру. Когда обмелел океан, остатки их расы ушли глубоко на дно Сорн-Эллина, находящегося к северу от того места, что сегодня называется Пеллином... Там, на дне глубоких траншей неизмеримой бездны, последние представители этой когда-то величественной и могучей расы живут до сих пор. Очень мало кто догадывается об их существовании и о том, что в легендах, касающихся этих исчезнувших морских демонов, есть некая правда. Изредка скилреди рискуют подняться на поверхность. Не зря мудрые не рискуют и стараются обходить это место стороной. Однако стало уже привычным слышать жуткие рассказы, которые шепотом пересказываются моряками, о страшной участи глупцов, сбившихся с пути и попавших в Сорн-Эллин. Те подчас расплачиваются своей жизнью за нарушение границы. Скилреди почти не обращают внимания на пигмейскую, тщедушную человеческую расу, слабаков, унаследовавших их древние жилища... Но я не похожа на простого смертного. Благодаря магии мне удалось установить контакт со скилредями. Я нашла способ

общения с ними, привлекла их к себе, выманив из логовища в глубинах Сорн-Эллина. Глубоко внизу под этой крепостью в скале, на которой она стоит, прорублена гигантская пещера. Ты видел мои милые игрушки в ней, в день, когда мы развлекались с этим толстеньким, маленьким шпионом. Там, внизу, я также занимаюсь своими заклинаниями и ритуалами черного искусства. Но это помещение, как ты догадываешься, имеет и другое предназначение... Там располагается бассейн. Помнится, ты заглядывал в него. Он очень глубокий этот бассейн, если говорить точно, бездонный. Этот водоем не что иное, как выход из потрясающего тоннеля, идущего под островом к Сорн-Эллину. Скилреди проделали этот и подобные тоннели сквозь скалу под нашими ногами в те века, когда Дан-Легех был еще их крепостью. Благодаря этому подводному коридору я могу общаться со скилредями, когда захочу... Именно через скилредов я узнала о маневрах моих врагов, могла держать руку на пульсе событий. Здесь также лежит секрет «случайных» катастроф, погубивших нескольких из тех, кто пытался войти в мои воды или бежать с острова. Теперь я жду помощи от скилредей в борьбе против Нетистена Мариила. При их поддержке я смогу исполнить мечту о мести Нетистену до конца. Даже вся мощь Турана не сможет устоять против силы скилредей, когда они поднимутся по моей команде. Правда, они несколько ослабели, держатся вдали от людей, в бездне, в течение многих столетий, но у них еще достаточно сил. Не весь их подводный флот когда-то погиб. У них остались фантастические ма-

шины, построенные при помощи забытой науки, лежащей за пределами человеческого понимания. Колossalные металлические корабли, которые двигаются с огромной скоростью в глубоких слоях воды, под влиянием таинственных сил, которых они и сами полностью не понимают. У них есть оружие, прожигающее самые мощные военные корабли. Их подводный флот может стрелять страшными потоками огня, контролируемого ударами энергии, которая превратит в золу все, во что попадет. Надо сказать, что у них осталось только несколько подводных лодок и ведущие их силы почти исчерпаны. Но даже небольшого количества подобного оружия достаточно, чтобы разрушить бесчисленное множество военных кораблей. Под их командованием также еще осталось несколько громадных океанских существ. В нашей среде, вместе с нами будут сражаться создания, о которых мы знаем только по самым страшным легендам — араиши. Много легенд распространено об араишиах, первобытных чудовищах. Осьминоги и спруты, а также громадные кальмары, это только крохотные их наследники. Всего несколько этих гигантских животных дожили до сегодняшнего дня. Но в каких бы регионах эти особи ни обитали, по таким морям, зная о них, не рискнет плавать ни один здравомыслящий человек. И это не мрачный миф, что араиши могут своими щупальцами потянуть на дно целый корабль. Благодаря своим знаниям, скилреди разработали устройства, позволяющие араишим отличать дружественные корабли от вражеских. Таким образом, чудовища будут способны плавать под нашими воюющими флотами,

захватывать и уничтожать только военные корабли, на которых нет защищающего талисмана...

И вновь правительница острова выдержала многозначительную паузу.

— Теперь ты узнал о тех силах, на которые я рассчитываю. Именно их имела я в виду, когда клялась, что нам помогут. Скилреди — вот источник могущественной тайны, которой я управляю, чтобы осуществить полностью мою месть. Что ты теперь думаешь об этом, Конан? Разве может устоять передо мной Нетистен Марил при таких союзниках, как эти? Эфрель станет императрицей новой империи, а скилреди будут давать непобедимую мощь моей власти!

Конан внимательно слушал все это время рассказ колдуньи. Если он и почувствовал удивление по поводу чего-нибудь из того, о чем говорила Эфрель, он не проявил своих чувств. Внешне он казался спокойным и невозмутимым. В его голосе не было и намека на удивление или на какую-то неуверенность. Хотя мысли его были достаточно перепутаны и смешанны. Он был в замешательстве.

— Если скилреди действительно такие, какие ты их описала, тогда, возможно, ты станешь при их помощи императрицей Турана, — согласился он, — но я бы хотел лично увидеть, что они собой представляют и что конкретно они могут предложить нам. Ясно одно, что их силы ограниченны, к тому же они бессильны на сущее. Иначе тебе никогда бы не потребовалась моя помощь. Ты должна помнить, что у Турана хорошая сухопутная армия.

Эфрель захихикала.

— Завидуешь, Конан. Но мне действительно все еще нужны воины-люди. Ты увидаишь скилреди, если хочешь, если ты готов встретиться с этим ночным кошмаром из доисторических времен.

Конан проигнорировал ее ядовитую насмешку и продолжал:

— То, что действительно интересует меня в твоем тайном альянсе, можно выразить так: почему это скилреди вдруг захотели помочь тебе? Ведь они же не демоны, которыми ты можешь командовать с помощью заклинаний и колдовства. Что ты предложила этим существам в обмен на их вмешательство? Чем заплатила им?

Эфрель хитро посмотрела на него, прежде чем объяснить.

— Я уже говорила тебе, что скилреди чем-то похожи на богов. Азорис Зрофраст даже выдвигает предположение, что они и есть боги, сошедшие с неба, чтобы жить на земле. А богам требуется почитание и преклонение, ведь это так естественно. Павшие боги или падшие дьяволы, они все мечтают о древней славе. Скилреди считают, что через их раннюю магию или ритуалы массового поклонения они будут восстановлены в их бывшей силе. Они станут действительно богами снова, как только им начнут поклоняться. Понятно, что боги забирают силы благодаря сверхъестественным оковам, которыми прикованы к ним верующие. Скилреди собираются получать физическую энергию у несметного количества тысяч неофитов. И таким образом, ответ на твой вопрос станов-

вится ясным. Они помогут мне отомстить и достичнуть амбиций, чтобы править, как императрице, а за это я установлю культ скилредей, как одну из религий, единственную в новой империи.

Итак, Эфрель займет трон императрицы, а скилреди будут богами.

— ...Да, они рассказали мне о тех ритуалах, выполнение которых им требуется. Эти ритуалы прекрасны. Будучи императрицей, я одновременно стану Верховной жрицей. Правда, необходимо будет принести много человеческих жертв. Кстати, тебе не приходилось видеть, Конан, что могут сделать с живым человеком скилреди? Несколько шпионов уже узнали об этом. Нет?.. Тогда тебе надо посмотреть на это.

Эфрель скрючилась в приступе безумного смеха.

— Ты только подумай, разве когда-нибудь империя покупалась более дешево? Ежегодная плата в несколько сотен жизней... Всего только несколько сотен. Это до абсурда дешево. По всей империи гораздо больше умирает в одну неделю от голода. Да ты что-то притих, Конан. Или эта сделка тебе чем-то не нравится?

Конан чуть заметно улыбнулся.

— Я думаю, ты знаешь достаточно много о моем прошлом, чтобы понять, что значит для меня человеческая жизнь. И это твое личное дело, каких демонов ты выбрала для заключения с ними сделки. А мое единственное опасение касается того, можешь ли ты действительно быть уверенной в том, что скилреди выполняют свою часть договора. Сверхъестественное оружие, насколько я знаю, часто оказывается неуправляемым.

Все еще хихикая, Эфрель поднялась и заковыляла к двери.

— Да, я ожидала, что ты не будешь восторгаться от этого союза. Одним из твоих недостатков Конан является недоверие. Только недоверие. Там, где обычный человек почувствовал бы животный ужас... Но я знаю, ты уничтожил слишком много колдунов, чтобы бояться колдовства...

Остановившись на площадке лестницы, она крикнула:

— Трудно представить, что Конан раздумывает над тем, чтобы лишить человека жизни.— И она загрохотала своей деревяшкой по лестнице. Конан еще долго слышал ее безумный смех.

Киммериец долго сидел на подоконнике, глядя на темнеющее море. Значит, скилреди. Разумеется, намеки на такой альянс были и раньше. Он сам должен был догадаться об этом, и значительно раньше. Кстати, эти статуи, слабо мерцающие на краю бассейна под Дан-Легехом. Ведь это одна из деталей, по которым можно заподозрить секрет Эфрель. Были еще и другие намеки. Такое содружествоказалось очень странным, чтобы в него можно было поверить. И Конан боялся чего-нибудь непредвиденного, что может осложнить дело. Теперь в его работу вмешались силы, которые он не сможет контролировать. Появился фактор, отрицающий всякую манипуляцию, никаких изменений в ходе битвы он не сможет внести.

Когда-то, давным-давно он видел скилреди, точнее одну скилредь. Давно умершая, она плавала в водах Вилайета. Конан узнал ее по описанию, которое давалось Алорисом Зрофрастом, в его

древнем трактате о человеческих расах, который назывался «Книга о старших».

Смерть не могла сделать раздувшееся туловище еще более жутким. Оно по форме смутно напоминало человека, но было более чем в полтора раза крупнее. Однако там, где должны быть ноги, находились щупальца, шесть толстых щупальцев. Из верхней части туловища росли два щупальца вместо рук. Алорис Зрокраст утверждает, что эти щупальца снабжены присосками, которые могли высасывать жизнь и кровь из своих жертв. Он остановился на привычках этих существ, их пристрастиях к пище с его обычными дотошными подробностями. В другой части туловища чудовищ, где предполагалась голова, выделялся короткий выступ, окруженный по краю шестью или больше глазами. В основании этой гротескной головы была большая, ритмично открывающаяся дыра, которая отдаленно напоминала рот. Вода всасывалась в него и, проходя через жабры, выпускалась у основания туловища. Подобно кальмарам, на которых были похожи эти существа, скилреди способны реактивно проноситься в воде с большой скоростью.

В общем, это были отвратительные существа из младенчества Земли. Мало того, если верить Алорису Зрофраstu, их душа была еще более отвратительной, просто чудовищной. Однако не это волновало Конана, хотя он питал всеобъемлющую ненависть и недоверие по отношению к содружеству со всеми формами богов. Киммериец лукавил, когда говорил, что ему безразлично, с какими темными силами вступает в союз Эфрель. В

действительности его очень беспокоило то, что у колдуны были способы, с помощью которых она могла ликвидировать и его самого, если появится такая возможность. И что, более всего вероятно, колдовство защищает саму Эфрель. Оставаться на вторых ролях было несвойственно натуре Конана. Он знал, что поражение Нетистена Марила будет только первой фазой кровавого рисунка судьбы, который был сплетен на грядущие дни.

Глава третья

С моря дул слабый ветерок. Он слегка рассеивал зловоние прибрежных трущоб. Но не слишком. Высоко в небе то тут, то там сквозь облака проглядывали одинокие звезды. Иногда луна выходила из-за туч и тускло освещала вымощенные булыжником мостовые.

По залитым лунным светом улицам шли двое. Один из них — Имиль. Его нервные быстрые шаги гулко отдавались звонкой дробью. Спутник туранца едва за ним поспевал.

— Может быть, хоть ты сможешь с ним что-нибудь сделать! — воскликнул юноша.— Ты же все-таки друг Конана и лучше знаешь его причуды.

— Лишь некоторые из них,— проворчал в ответ Арбас. Он сильно хромал и пытался не отставать от Имиля.

— Я подумал, что должен что-нибудь предпринять,— растерянно пробормотал молодой человек.— Он часто ведет себя подобным образом?

Арбас пожал плечами.

— Я, конечно, не настолько хорошо его знаю, чтобы точно ответить тебе на вопрос. Однако мне уже доводилось несколько раз видеть его в подобном состоянии. Он ведет себя так, когда на него находит дурное настроение. Не спит, пьет вино и веселится с женщинами. Другой на его месте уже давно бы помер, но Конан...

— Это здесь,— сказал Имиль, показывая на припортовый притон.

На двери не было никакой вывески, как, впрочем, не было и самой двери, но знакомый запах прокисшего вина, застоявшейся рвоты и мочи не оставлял никаких сомнений в том, что они пришли. Наёмный убийца очень осторожно откинул полог и заглянул внутрь.

У порога лежало тело человека с проломленным черепом. Спокойно перешагнув через него, Арбас тихо окликнул:

— Конан?

Полулежащий на стойке бара таверны мужчина приподнял голову.

— А, Арбас. Входи,— невнятно пробормотал он.

Душегуб вошел в тускло освещенную комнату. Имиль неохотно последовал за ним. На обломках огромного стола, среди битой посуды лежало еще одно бездыханное тело.

— Похоже, что ты тут теперь полновластный хозяин,— невозмутимо заметил Арбас.

— Почти,— согласился Конан.

Он поднес к губам бутылку, отпил немного и кинул ее другу. Тонколицая изможденная простиутка протянула ему еще одну, вынув ее из-под

стойки. Девушка переводила тревожный взгляд с Конана на вновь прибывших и обратно, явно не ожидая ничего хорошего.

— Владелец таверны остался,— сказал Конан после некоторого раздумья.— Моя подруга тут как раз рассказывает мне историю своей жизни. Очень интересно.

— А что ты здесь делаешь? — небрежно спросил Арбас, давая хлебнуть Имилю.

— Я как раз искал какое-нибудь тихое местечко, чтобы напиться.

Аицо девушки под слоем румян было неестественно бледным. Арбас проследил за ее взглядом и увидел под барной стойкой третье распостертое тело.

— Да, здесь, пожалуй, действительно не шумно,— согласился наемный убийца.

— Сейчас здесь стало намноготише,— заверил его Конан.

Имиль тяжело вздохнул и плюхнулся на скамейку. Час назад его люди доложили ему об уличном скандале. Они сразу узнали Конана, но к тому времени уже не имело смысла вмешиваться. Возможно, генералу и не зазорно было напиться вместе с обычными рядовыми солдатами, но юноша сильно сомневался, что человеку такого высокого ранга пристало драться с простолюдинами. Пришлось обратиться за помощью к Арбасу.

Киммериец нахмурился, глядя на обеспокоенное лицо юноши.

— Выпей,— предложил он.— Ты выглядишь таким расстроенным. Хочешь, я уступлю тебе свою девочку?

Эта идея, казалось, его развеселила. Он хрюпал расхохотался и отшатнулся от бара, зажав в громадных кулачицах две бутылки. Качаясь из стороны в сторону и продолжая смеяться, Конан прошел через весь замусоренный зал и рухнул на скамью у столика в углу.

Арбас кивнул молодому человеку, и они, взяв стулья, устроились по обе стороны от Конана. Проститутка тревожно смотрела на них из-за грязной стойки, периодически поглядывая на дверь.

— Конан, ты уже слишком стар для этого,—sarcastically заметил Арбас.

Тот чуть не поперхнулся, так как в это время опрокидывал в себя очередную порцию бренди.

— Арбас,— сказал он с тоской,— ты когда-нибудь занимался любовью с одногодкой бабой?

Наемный убийца покачал головой и опустошил свою бутылку.

— Имиль,— Конан повернулся к туранцу,— а ты когда-нибудь занимался этим с одноглазой бабой?

Имиль сделал большой глоток вина и мрачно оглядился, очень надеясь, что никто больше не слышит вопросов генерала.

Хмель сделал грязную и убогую комнату уютнее, придал ей сияние, и внезапно юноша начал смеяться вместе с Конаном.

— А было время,— начал Конан, пододвигая своему товарищу еще одну бутылку,— было время, когда за то, чтобы императрица пустила тебя в свою постель, стоило бороться. Ты выходил от нее наутро, зная, что вскоре тебя ждет смерть. Черт возьми, давайте умрем за один только поце-

луй ее императорского величества. Почему бы и нет? Мужчины гибнут и за более глупые цели. Но это...

Арбас теперь тоже смеялся.

Проститутка, наконец, решилась выскочить из-за стойки бара и умчалась в ночь. Никто не попытался ее остановить.

— Имиль,— пробормотал Конан,— твоя девочка сбежала.

— Она была слишком тощая,— отозвался турец, откупоривая очередную бутылку.

— Все эти бедные герои старых легенд,— огорченно произнес Конан,— отправлялись в путь и умирали за любовь к женщине. А все, что есть у нас троих, это одногая сумасшедшая баба, и мы даже не можем дать ей пинка под зад.

— Да, для того чтобы рисковать своей жизнью, нужно иметь лучший повод,— согласился Имиль.

— Ну а у тебя какой повод? — поинтересовался Конан.

— Самый лучший повод из всех,— ответил ренегат с пьяной искренностью.— Я борюсь за самого себя. Пока обстоятельства складываются благоприятно. Когда все это закончится, я буду одним из самых великих правителей в новой империи. Земли и богатство, власть и престиж. Не нужно будет больше глотать презрительные насмешки таких, как Оксфорс Альремас. Я ничуть не менее знaten самого гордого из них. Все, что мне нужно, это богатство и власть.

— Если ты доживешь до того момента, когда можно будет наслаждаться ими,— весело заметил Арбас.

Он вернулся от стойки с набором увесистых зеленых бутылок.

— Я поставил все, что у меня есть на сторону победителя,— возразил ему Имиль.— Разумеется, всегда существует какой-то риск. Каждая цель, к которой стоит стремиться, имеет свою цену.

— Вся шутка в том, чтобы изловчиться и не заплатить эту цену.— Наемный убийца криво ухмыльнулся.

Имиль задумался над его словами.

— Я рискну. Если всего бояться, тогда зачем и жить? А ты-то сам, Арбас, лучше что ли? Ты, со своим хвастовством о том, что учился в лучшем университете, великому университету Кордовы. Почему будущий философ вдруг покинул сень библиотек и лекционных залов и стал продавать свой клинок за выпачканное кровью золото?

— Мною движут те же побуждения, что и тобой, Имиль,— растягивая слова, произнес Арбас.— Я просто более разборчив, чем обычный разбойник с большой дороги. Все же прибыльная работа, хотя на ней и нельзя так прославится, как на поле битвы.

— Ну а что ты делаешь здесь, с Конаном?

— А почему бы мне и не быть здесь? Мне за это платят.

— Это не ответ.

— Это такой же ответ, как и любой другой, ничуть не хуже. Черт возьми, разве хоть один человек может по-настоящему влиять на свою судьбу? Разве дано кому-нибудь знать, что он делает и почему? Мы разыгрываем драмы, написанные богами. И никому не суждено вырваться из пау-

тины своей судьбы. Какая разница, что за причины мы придумываем, объясняя наши жизни и наши действия.

Имиль рыгнула.

— Клянусь Повелителем Демонов, тебе следовало остаться в университете. А ты, Конан? Можешь ли ты объяснить, почему находишься здесь? Или ты тоже начнешь философствовать и нести такую же чепуху, как Арбас?

Конан горько рассмеялся.

— Я играю в игру. В старую игру со старым врагом. И сегодня ночью я понял, что устал от нее.

Легко поднявшись, Конан направился к двери и вышел прежде, чем его собутыльники осознали, что он собирается их покинуть. Пошатываясь, они последовали за ним в темноту ночи, держа курс на его гомерический хохот.

Глава четвертая

«Ара-Тейвинг» шел на всех парусах, распарывая бронзовым носом черные волны Сорн-Эллина. В полумиле от его правого борта возвышались суровые скалы северного побережья Пеллина. Их зловещие силуэты устремлялись ввысь, к звездам. Высокое ночное небо было затянуто легкой дымкой перистых облаков, сквозь которые проглядывала одинокая луна. Трирема вышла из Призарта вечером на закате. Ночь застала ее уже в бездонных водах Сорн-Эллина.

— Мы добрались. Это то самое место,— сказала Эфрель, повернувшись к Конану.

Гребцы бросили весла. Капитан приказал спустить паруса. «Ара-Тейвинг» замедлил свой быстрый бег. Его медленно сносило в сторону небольшим ветерком и подводным течением.

Эфрель, закутанная в горностаевый плащ с капюшоном, прошла на нос, где и осталась одино-

ко стоять у борта, глядя на иссиня-черное море. Арбас проследил за ее взглядом.

— Итак, здесь мы должны встретиться с нашими новыми союзниками,— заметил он с сомнением и легкой иронией.— Когда ты рассказал мне, что у Эфрель на уме, я был удивлен, как ты можешь принимать за чистую монету бред этой сумасшедшей женщины. Но теперь, оказавшись здесь, в этих водах, я уже не так скептически настроен. Если бы не черная линия скал на горизонте, я бы поклялся, что нас вынесло в море адово. Нет ничего удивительного в том, что даже пеллиниты не рискуют соваться в эти места.

— Поверь, дружище, здесь от дна морского до ада рукой подать,— пробормотал Конан.— А что касается скилредей и их гигантских домашних животных, они все еще обитают на глубине. Я в этом даже не сомневаюсь. Мы уже видели доказательства их присутствия, когда плыли по Западному морю, и позже, когда были в Призарте. Единственное, чему я верю с трудом, так это тому, что, как утверждает Эфрель, их флот, переживший неисчислимые тысячелетия, еще существует. Дочеловеческие расы делали странные машины и оружие, так как им была известна технология других миров. Но я не видел ни одного действующего реликта Земли старого времени, уже... уже долгие годы.

Арбас, который раньше краем уха слышал разные туманные намеки на то, что какие-то древние расы существовали еще до появления на свет человечества, решил не уточнять у Конана детали. К чему ворошить прошлое, окутанное заве-

сой мифов? Но, поразмыслив над словами приятеля, он в конце концов заметил:

— Ведь Эфрель утверждает, что эти выветренные обломки базальта когда-то были крепостями скилредей! Как может что-либо механическое пережить базальтовые стены?

— Я тоже об этом думал,— мрачно ответил Конан.— Если бы даже их подводный флот был построен на закате древней цивилизации, тогда же, когда и Дан-Легех, и все эти тысячелетия тщательно сохранялся... Впрочем, кто может сказать, что возможно, а что невозможно, когда мы говорим о науке Земли старого времени? Мы знаем намного больше о наших черных магах, чем о доисторической науке.

Потом Конан замолчал нахмурился, но вскоре продолжил:

— Но есть еще одна неясность. Мне всегда казалось странным, зачем Эфрель при ее возможностях понадобилось, чтобы я возглавлял это восстание. И почему она, найдя меня, так долго не рассказывала мне о своем секретном альянсе?

В разговор вмешался Имиль, который до сих пор слушал их в мрачном молчании:

— Ну, скорее всего, у нее была на это не одна, а несколько веских причин: во-первых, Эфрель нужен флот людей и войско для боев на суше; во-вторых, она нуждалась в немедленной защите против возмездия Марила, если бы император узнал о заговоре. А она не могла исключить вероятность того, что в конце концов ему станет обо всем известно... В-третьих, ей была необходима первая блестящая победа, чтобы привлечь на свою сторо-

ну колеблющихся; и наконец, скилреди, по-видимому, требовали какого-нибудь убедительного зре-лища, демонстрации силы самой Эфрель, прежде чем они решили вмешаться в человеческие войны.

— Отлично! — усмехнулся Конан.— Именно так Эфрель и сказала мне. Но, кроме того, она пояснила, что скилредям нужно было время, чтобы разработать приспособления, с помощью которых они и их питомцы смогли бы отличать наши корабли от императорского флота. Все совпадает.

— Тогда что тебя так беспокоит? — поинтересовался Имиль.

— А что, если предположить, что лодки, которые собираются использовать скилреди, вовсе не реликты древней Земли,— ответил Конан.— Предположим, это новый флот, который они создали, чтобы помочь Эфрель. И до настоящего момента он просто еще не был готов.

Арбас быстро посмотрел на встревоженного Конана.

— И что тогда?

— Если эта догадка правильна,— продолжал Конан,— то, надо думать, скилреди еще до сих пор не утратили всех своих знаний и былого могущества. Тогда разве не странно, что по прошествии бесчисленных тысячелетий Эфрель как-то удалось убедить их использовать свою силу, чтобы вмешаться в человеческие дела.— Он замолчал и задумчиво уставился на иссиня-черную, как чернила, воду.— Интересно, вызвав скилредей из бездны на помощь, не обнаружит ли Эфрель в какой-то момент, что эти твари не меньше, чем она, хотят возвратить себе потерянные владения?

Радостный крик Эфрель прервал его размышле-ния.

— Они пришли!

Казалось, весь корпус триремы завибрировал от низкочастотного гудения, доносящегося снизу. Матросы смотрели друг на друга с тревогой. Рабы за-кричали, показывая руками на море.

Черные воды Сорн-Эллина забурлили. Теперь «Ара-Тейвинг» уже не одна покачивалась на по-верхности океана. Из воды, как стая гигантских черных китов, вынырнули четыре лодки. Поднявшись из бездонных глубин, они стали кружить во-круг парусника.

Однако ни один из китов никогда не достигал таких больших размеров. К тому же ни одно мор-ское существо не могло плавать с такой стреми-тельной скоростью, как эти металлические левиа-фаны. Люди завопили от удивления и страха. Конан почувствовал, что у него в горле встал комок. Как много времени прошло с тех пор, когда он последний раз видел что-либо столь же впечат-ляющее!

Морские корабли скилредей были почти в три раза длиннее триремы Конана, хотя и не намно-го шире. По форме лодки напоминали удлинен-ную каплю. С тупоконечными носами к корме они сужались до острия. Там, сзади, располагался круг в форме короны, по периметру которого красова-лись яйцеобразные выступы, испускающие блед-ное зеленоватое сияние. Каждый из выступов фу-тов в десять длиной был сделан из почти непроз-рачного кристалла или полупрозрачного металла. Во время движения из них вырывался густой пар,

тянувшийся за лодкой красивым длинным шлейфом. По всему обтекаемому металлическому корпусу с равными интервалами торчали другие конические или яйцеобразные выступы черного цвета. Они казались безжизненными. Больше в подводных лодках скилредей не было ничего примечательного.

В течение некоторого времени четыре металлических левиафана спокойно покачивались на поверхности моря. Несмотря на то что команда была предупреждена и подготовлена, вид этих чужеродных механизмов заставил каждого человека дрожать от страха. Люди столпились на палубе и в ужасе застыли.

И вот лодки развернулись, включили двигатели и так же спокойно, как акула устремляется к своей жертве, ринулись на огромной скорости в открытое море, оставив трирему качаться на созданных ими гигантских волнах. Они легко скользили у самой поверхности океана. Рев кипящей в их кильватере воды и сводящее с ума низкое гудение моторов заглушали все остальные звуки. Конан следил за быстрым, как молния, движением диковинных лодок по сиянию разогретых двигателей.

Ориентировочно прикинув скорость, он пришел к выводу, что она превышает скорость любого из известных ему кораблей. По тому, как кипела вода за кормой кораблей подводных жителей, Конан решил, что двигатели выделяют большое количество тепла.

Корабли скилредей стремительно удалялись. Еще некоторое время были видны бледно-зеленые огни на корме. Потом они уменьшились, а вско-

ре и вовсе исчезли. Конан ждал. Точно так же внезапно, как в первый раз, из глубины донеслось низкое гудение, черная вода взметнулась фонтаном, и флот скилредей появился вновь. На сей раз он вспорол волны совсем рядом с крошечным деревянным корабликом, на палубе которого в благоговейном ужасе застыли люди.

— А теперь смотри внимательно, Конан! — пронзительно закудахтала Эфрель.

Киммериец почувствовал, что все его тело покалывает и волосы встают дыбом, как бывает за секунду до сильной грозы.

На носу одной из подводных лодок внезапно засиял фиолетовым раскаленным светом конический выступ. Из этого мрачно светящегося конуса с треском вырвался луч энергии и устремился в сторону базальтовых скал на берегу в полуумиле от них. Едва только луч достиг цели, как деревья и трава потонули в ревущем огне, а скалы раскололись и стали осыпаться в воду.

В следующую секунду и все остальные подводные лодки тоже открыли огонь. Струи светящейся энергии вырывались из выступов, расположенных вдоль черных металлических корпусов. И как только эта энергия коснулась суши, в ночное небо взметнулись языки адского пламени. Море забурлило и закипело, когда потоки докрасна раскаленной массы базальта обрушились полурасплавленной лавиной в шипящий прибой. Чахлые деревца, моментально вспыхивая, сразу превращались в белый пепел. Создавалось впечатление, что по участку береговой линии длиной где-то в сто футов течет пурпурно-красная лава вулкана.

Светящийся шквал энергии оборвался так же неожиданно, как и начался. Конан перевел дух, внезапно осознав, что на все это время задержал дыхание. Он был ослеплен буйством молний, уничтожающих все на своем пути. На обугленном берегу сквозь завесу пара и дыма угрюмо мерцали темно-красные раны.

К счастью, на «Аре-Тейвинге» не поднялось никакой паники. Все люди застыли в ужасе и стояли, как парализованные, словно примерзнув к палубе.

— Смотри, что будет дальше, Конан! — завывала Эфрель. — Смотри!

Северянин проследил взглядом за торжествующим жестом колдуньи. Четыре подводные лодки отошли от деревянного суденышка и образовали квадрат. Конан, не отрываясь, смотрел на участок черной воды, ограниченный военными кораблями скилредей.

Вдруг все присутствующие ахнули.

Из воды, как огромная змея, поднялось извивающееся толстое щупальце. Оно изогнулось в воздухе и злобно хлестнуло по металлическому корпусу лодки. Море содрогнулось в конвульсиях, и корчащаяся масса титанических щупальцев, вырвалась на поверхность. На мгновение над волнами показалось громадное раздувшееся туловище. Конан успел разглядеть, что само животное было размером с крупную касатку. Кроме того, оно еще имело закручивающиеся щупальца невообразимой длины и толщиной в три обхвата. Огромный щелкающий клюв гиганта мог раздробить корпус военного корабля так же легко, как попу-

гай раскалывает миндальный орех. Его светлые глаза величиной с дверной проем смотрели осмысленно и злобно.

Морское чудовище, пришедшее из тех времен, когда Земля была еще молодой, взметнулось над водой и снова плюхнулось в чернильные волны. Вздрагнув, Конан подумал, что, пожалуй, легенды не преувеличивали, когда описывали араишей как исчадий ада. И еще он ощутил счастье от того, что чудище наконец скрылось. При одной мысли, что подобное создание плавает в морских глубинах под его кораблем, по спине пробежали мурашки. И как только скилредям удается управлять такими животными?

Через секунду подводные лодки тоже исчезли. «Аре-Тейвинг» снова одиноко покачивался на волнах. О том, что все это не было безумным ночным кошмаром, говорило только умирающее красное сияние на обуглившемся берегу и лица до смерти напуганной команды.

Эфрель, откинув голову, засияла истерическим смехом. Горностаевый капюшон упал, и Конан поежился, взглянув в страшно изуродованное лицо безумной женщины, хохотавшей в свете бледной луны.

— Заставь людей пошевеливаться, — рявкнул он Имилю, срывая на нем свое плохое настроение. — Надо побыстрее сматываться из этих вод. Прежде чем пройдет шок.

— Ну что ты теперь думаешь, Конан? Разве я лгала? Ты просил доказательств. Я надеюсь, теперь ты доволен? — торжествующе заворковала Эфрель. — Ну как, ты все еще боишься Нетистена Ма-

рила и его флота? Ты все еще сомневаешься, что Эфрель командует силами, которые находятся за пределами кошмарных сновидений напуганного человечества?

— Но так ли уж они тебе подчиняются? — тихо пробормотал Конан.

Глава пятая

Спальню Мкори освещал тусклый свет. Слабое сияние свечей мягко падало на парочку, лежащую, обнявшись, на кровати. Девушка с любовью гладила твердую мускулистую спину Лейжеса. Закрыв глаза и расслабившись, он наслаждался нежными прикосновениями ее пальчиков. Через некоторое время юноша, расчувствовавшись, издал удовлетворенный вздох.

— Праздная скотина,— воскликнула Мкори и игриво шлепнула его по ягодицам. Он резко схватил ее и притянул ласковую смеющуюся девушку к себе. Застежки на платье уже были расстегнуты во время жарких объятий и поцелуев. Теперь Лейжес спустил его с нежных плеч. Девушка издала тихий гортанный звук и крепко прижалась к его обнаженной груди. Спустя секунду она вновь засмеялась и игриво оттолкнула юношу от себя.

— Что за вольности ты себе позволяешь? Наглец! — воскликнула Мкори, цитируя роль из романтической драмы.— Такое впечатление, что ты с легкостью покоряешь доверчивых женщин! Скажи, ты собираешься разбить мое сердце?

Подхватив ее игру, Лейджес застыл в эффектной позе. Но из-за изрядного количества выпитого вина его движениям недоставало четкости. Со смехом рухнув на кровать, он продекламировал:

— Моя прекрасная дама. Не отталкивай с презрением мои ухаживания! Не охлаждай неувядаемый пыл бедного солдата, которому, возможно, придется умереть в завтрашнем сражении!

Мкори глубоко вздохнула и упала на подушки. Ее лицо побледнело. Закрыв кулаком рот, она кусала костяшки пальцев, чтобы сдержать слезы.

Лейджес уже проклинал себя за тупость и неловкость. Черт возьми, он всегда говорил что-нибудь не то. Мкори ведь так старательно пыталась забыть... спрятаться в веселой игре от тоскливых предчувствий. Надо же было ему напомнить ей! Последние месяцы оказались такими тяжелыми для нее. Он знал, что, несмотря на всю заразительную веселость, Мкори была ранима, как ребенок. Временами Лейджес боялся, что он сломает ее своими грубыми руками или резкими манерами.

Юноша прикоснулся к обнаженному плечу любимой и повернул Мкори к себе, увидев при этом, что ее глаза цвета морской волны наполнены слезами. Но она смотрела на него, грустно улыбаясь.

— Ты никогда больше не вернешься назад. Я знаю это,— сказала девушка.

Лейджес засмеялся и ласково встряхнул ее.

— Мкори, Мкори! Это так глупо. Ты говорила то же самое в прошлый раз. Вспомни! А грядущее сражение будет намного менее рискованным. Мы знаем, каковы тактические приемы Конана и как с ними бороться. Мы даже оснастили несколько военных кораблей такими же катапультами, как у него. Кроме того, на нашей стороне значительное численное превосходство. Да и флотом на сей раз командую не я,— добавил он не без сожаления.— Твой отец сам взял на себя всю ответственность.

При этом юноша с удовлетворением заметил, что Мкори гораздо меньше беспокоится о своем родном отце, чем о нем. Марил никогда не относился к дочери с теплотой, несмотря на все его громкие слова.

Прическа Мкори растрепалась. Завитки золотистых локонов упали на белую грудь. Лейджес одним пальцем осторожно откинул по очереди каждую прядь. Боль наконец ушла из глаз его возлюбленной. Юноша знал, что под ее нежной, хрупкой наружностью скрывалась необыкновенная внутренняя сила.

— Никогда не забывай о предсказаниях монашки, Мкори,— напомнил он девушке, чувствуя биение ее сердца под своей рукой.— Надеюсь, ты не перестала верить, что они исполняются? Теперь, после стольких лет надежды.

Мкори мечтательно задумалась.

— Прошло столько времени... Интересно, эта женщина действительно была жрицей Сета?

На лицо девушки снова вернулись краски. Ее губы слегка приоткрылись. Лейджес смотрел, как

на золотистых волосах Мкори играет отблеск от неровного пламени свечей.

— После того как мы станем мужем и женой, тебе придется привыкнуть расставаться со мной всегда, когда империи Турана будет грозить опасность.

В ее глазах он прочел мягкий протест.

— Давай жить настоящим моментом,— шепотом попросила Мкори и притянула его к себе.

Глава шестая

Гигантские масляные лампы сияли ярко, пытаясь рассеять кромешную тьму подземной пещеры. В их резком свете разыгрывались ужасные события. Впрочем, за многие столетия этим стенам довелось повидать еще и не такое.

Конан стоял в тени, рядом с Эфрель, и наблюдал, как нервозные охранники из доверенных солдат королевы сопровождают в подземелье партию пленников, насчитывающую около шестидесяти человек. Воины императора, захваченные в плен во время битвы три месяца назад, шли без оков, но даже и не пытались бежать. Они двигались как деревянные солдатики, напряженные и скованные. На лицах застыли маски абсолютной безнадежности. Пойманные в сети паралитического заклинания Эфрель, пленники оказались не в состоянии управлять своим собственным телом и неумолимо двигались к неминуемой гибели. Как бездум-

ных марионеток, их тянула в эту пещеру мысленная команда ведьмы. Страх в широко открытых от ужаса глазах становился тем глубже, чем ближе приближались они к своей роковой судьбе — бассейну, наполненному черной водой, куда несчастных тянула невидимая сила.

Вода в широком бассейне в эту ночь не напоминала зеркало, как обычно. Она бурлила и волновалась от быстрых движений каких-то существ, мечущихся под ее черной поверхностью. Время от времени там мелькали неясные волнообразные тени. Иногда над краем бассейна на доли секунды появлялось что-то черное и исчезало так стремительно, что его невозможно было разглядеть. Здесь сегодня таялся ночной кошмар, и даже сам воздух был словно насыщен смертельным ужасом. Судя по всему, пленники чувствовали уготованную им участь.

Под высокими сводами гулким эхом раздавался голос Эфрель.

— Согласно полученным мной сведениям, Нестистен Марил собирается нанести свой удар очень скоро. Он собрал все резервы, которые мог, и его судорожные приготовления уже близки к завершению. Я полагаю, ты готов выступить в любую секунду, мой генерал?

— Разумеется,— заверил ее Конан.— Ты же видела, что мои люди находятся в состоянии боевой готовности. Флот собран и может выступить хоть сейчас. Главное, чтобы твои милые дружки были под рукой, когда мне понадобится их поддержка.

Он задумался о тех почти непреодолимых трудностях, которые ожидали его самого. Как собрать

скилредей с их жутким оружием и людей в единую армию? Мало того что возникают страшные проблемы с координацией совместных действий, так еще необходимо соблюдать и строжайшую секретность. И все это ерунда по сравнению с тем, что будет, когда люди наконец увидят своих таинственных союзников в деле. Удастся ли ему спрятаться с их реакцией и предотвратить панику? Конан старался показывать и рассказывать им как можно меньше. Он ввел в войсках железную дисциплину и ужесточил порядок в порту. Никто не мог покинуть остров без специального разрешения.

В течение нескольких недель, прошедших с той ночи, когда Конан вместе с Эфрель посетил Сорн-Эллин, в тайной пещере колдуны неоднократно устраивались встречи со скилредями. Здесь, в окружении накопленных за тысячелетия реликтов черной магии, Конан наблюдал, как королева общается с этими отвратительными существами.

Общение происходило на уровне телепатии. Для Конана так и осталось загадкой, каким образом Эфрель удавалось обмениваться мыслями с доисторическими чудовищами. Легендарный разбойник довел свои собственные физические возможности до совершенства, ему удавалось то, что было недоступно обычным людям, но он не мог уловить ни слова из безмолвного разговора Эфрель со скилредями. Если скилреди могут выйти на ментальный контакт с человеком, то почему они решили общаться только с Эфрель? А если это удавалось самой колдунье, значит, в ее распоряжении находятся огромные запасы физической энергии. Как бы то ни было, Эфрель все это вре-

мя самоотверженно переводила, и Конан смог разработать мельчайшие детали предстоящей битвы.

Однако то, каким образом Эфрель удается общаться со скилредями, мало занимало киммерийца. У него не возникало ни малейшего желания установить с ними ментальный контакт. Гораздо больше его интересовало, как колдуны парализует людей. Она тщательно скрывала от всех эту свою тайну, как, впрочем, и все остальные. Конану казалось, что ему удалось понять основную идею, и он как раз собирался проверить на одном из пленников свое контрзаклинание, но в этот момент его отвлекла Эфрель.

— Должно быть, они принесли нам талисманы,— сказала она и показала на бассейн.

Киммериец проследил взглядом за ее жестом и увидел нелепую миниатюрную копию военного корабля скилредей, которая только что высунулась из воды. Крохотная подводная лодка приблизилась к невысокой стенке бассейна. В ее сферообразном носе открылся люк.

По приказу Конана, наемные солдаты обступили поребрик со стороны судна. Дрожащими от страха руками они вынимали из трюма, заполненного водой, тяжелые контейнеры. Один из них охнул и чуть не упал вниз, когда черные щупальца протянули ему груз.

— Эй ты, неуклюжий осел, поосторожней! — рявкнул Конан.— Нам дорог каждый из этих шариков.

Каждый громоздкий контейнер содержал дюжины тяжелых яйцеобразных металлических шаров величиной с человеческую голову. Эти талис-

маны стали решением основной проблемы — координации действий. Без них скилреди не смогли бы помочь своим союзникам. Именно благодаря этим приспособлениям доисторическим тварям удается отличать повстанческие корабли от императорских. Разработанные учеными скилредей, эти металлические яйца издавали постоянный гул, не воспринимаемый человеческим ухом, но хорошо улавливаемый самими скилредями и их гигантскими слугами — араишами. На кибе каждого судна из флота пеллинтов должен был быть прикреплен талисман, чтобы необычные союзники Эфрель не уничтожили его, когда две армады сойдутся в бою.

Разгруженная подводная лодка уплыла. В воздухе повисло невероятное напряжение. Надвигались кровавые события. Имиль, руководивший работой, с явным облегчением покинул пещеру, возглавив процессию несущих контейнеры наемных солдат. Арбас, как всегда невозмутимый, остался стоять у двери, скрестив руки на груди. Он ждал киммерийца.

— И вот что я хочу сказать тебе напоследок, Конан,— окликнула своего генерала Эфрель, внимательно глядя на поверхность воды в бассейне.— Помни, что ни Нетистен Марил, ни Мкори не должны быть убиты или даже ранены. Ни один волос не должен упасть с их голов. Хотелось бы, чтобы и Лейджес остался жив, но тут уж как получится. В конце концов это не так и важно. А вот Марил и Мкори должны быть доставлены ко мне целыми и невредимыми, во что бы то ни стало. Пусть для этого будут убиты тысячи других. Они

должны ощутить всю полноту моей мести. Мести, которую я поклялась обрушить на дом Нети-стенов. У меня свои счеты с этими двумя. Я не хочу, чтобы мне помешали. И предупреди всех своих людей.

— Да, конечно,— успокоил ее Конан, не подав виду, что слышит об этом уже в сотый раз. Охваченная безумной ненавистью, Эфрель без устали повторяла свой приказ.— А ты проследи, чтобы твои жуткие друзья предоставили мне самому разобраться с флагманским кораблем Марила.

Эфрель кивнула.

— Я им объяснила. Корабль очень заметен. Они обещали его не трогать.

Отвернувшись от своего генерала, она подняла руки в манящем жесте. В смертельном ужасе пленники рывком подались вперед, как марионетки, пляшущие на невидимых ниточках. Изо всех сил напрягая мускулы, они отчаянно пытались сопротивляться, но не могли освободиться от заклинания. Несчастные послушно шли к бассейну, вставали на низкий поребрик и прыгали вниз.

Мгновение, и вода оживилась. Орды скилредей, давно ожидающих этого момента, поднялись, чтобы схватить свои сопротивляющиеся жертвы. В последнюю секунду пленники освобождались от колдовства, но они уже были обречены, и только крики ужаса отзывались многократным эхом под сводами пещеры.

Конан как зачарованный смотрел на то, как склизкие черные щупальца обвивают тела страшальцев, затягивая их под воду. Там существа из давно исчезнувшего прошлого вдосталь наиграют-

ся несчастными, а потом разорвут их на части и высосут из них кровь.

Наконец последнее искаженное страхом и мукою лицо скрылось в бездонном колодце. И только алая пена плескалась у края бассейна.

Конан подумал, что Азорис Зрофраст в своей книге описал трапезу скилредей очень достоверно. Быть может, если бы он был лет на десять моложе, то, выхватив меч, набросился бы на колдунью, чтобы защитить несчастных, но... его старинная ненависть к правителям Турана была намного сильнее.

Глава седьмая

Морской ветер ерошил рыжие волосы Конана. Он стоял на носу «Ары-Тейвинга» и смотрел в подзорную трубу на то, как медленно приближается появившийся на горизонте императорский флот.

Море казалось темным от кораблей всех видов. На ветру полоскались красные полотнища Турана, синие знамена Хоарезма и зеленые с черным Султанпур. Судов было такое великое множество, что Конан устал считать. В состав эскадры входили военные корабли со всех частей империи. Объединившись вокруг императора, правители островов решили сообща покончить с угрожавшим им всем восстанием Эфрель. Императорская армада, должно быть, превосходила флот пеллинитов раза в четыре. Для Конана это не было неожиданным. Он предвидел именно такую расстановку сил, о чем и предупреждал свою правительницу.

Марил был уверен в своем численном и физическом превосходстве. Поэтому он решил напасть первым, чтобы врезаться в флот мятежников одним, хорошо подготовленным решительным ударом. Конан предполагал, что император поступит так, а не иначе, и, когда еще раз окинул взглядом свои военно-морские силы, убедился, что стратегия противника правильная.

Флот мятежников был сравнительно неплохим, но состоял в основном из второстепенных, небольших судов. Эфрель, конечно, привлекла на свою сторону несколько могущественных правителей. Их корабли вместе с уцелевшими и восстановленными пеллинскими составляли костяк эскадры Конана. Обслуживались суда в основном случайными, необученными людьми, из тех, кто рассчитывал урвать побольше из захватывающего приключения. Всего под своим командованием Конан имел порядка ста кораблей. Не сравнимая с императорским флотом армада переделанных и подлатанных судов, только с горсткой первоклассных кораблей. Противник превосходил ее по классу и по числу.

Конан понимал, что с императорской флотилией ни в какое сравнение его детище не шло. Они погибнут все в резне, если скилреди, как предполагается, не придут на помощь.

* * *

Находясь на палубе своего флагманского корабля, Нетистен Марил не ощущал никаких дурных предчувствий, когда увидел повстанческий флот.

— Клянусь Кромом,— обратился он к своему капитану.— Этой поеденной чумой ведьме удалось

собрать гораздо больший флот, чем я рассчитывал. Я и не знал, что в Западном море до сих пор на плаву столько заброшенных посудин. И поделом ей. Мы прилепнем этих бунтовщиков, как прибойной волной, раскатаем их в жидкую грязь.

Он усмехнулся, в то время как его паж подавал шлем.

— К тому времени как настанет ночь, мы должны быть в Аграпуре и любоваться, как горит этот город. Я собираюсь преподать им здесь такой урок, который искоренит всякие мысли о восстании еще на столетие вперед. Пеллин, подобно гниющему раку, слишком долго отравлял тело империи. Сегодня я собираюсь отрезать и заклеймить позором этот вонючий нарост. Раз и навсегда. А что касается Эфрель и ее так называемого бессмертного генерала...

Крики тревоги послышались в авангарде императорской армады. Марил резко прервал свою речь и стал внимательно смотреть вперед, пытаясь выяснить, в чем дело. Ошеломленный император показал рукой в направлении врага и заговорил в недоумении:

— Черт возьми, клянусь седьмым кругом ада, не понимаю! Что там происходит?

Из моря между двумя сходящимися враждебными армадами поднялись четыре подводные лодки, словно стая колossalных китов-убийц. Это были лодки скилредей. Беззвучно, если не считать сверхъестественного ультразвукового завывания их моторов, подводный флот стал надвигаться на императорский. Чем бы ни были эти черные громадины, их злые намерения были очевидны, и Ма-

рил приказал воинам, стоящим у метательных машин, открыть огонь.

С кораблей всей гигантской армады, где были установлены катапульты, которые, кстати, оказались меньшего размера, чем у Конана в прошлом бою, полетел град смертоносных снарядов. Буря осколков камней, смоченных в смоле зажигательных ядер прочертили дугу над морем и часть их попала в центр флота скилредей. Но огненный обстрел не принес никакого вреда металлическим корпусам подводок. Снаряды туранцев с гулким звуком отскакивали от них.

Не успели метательные машины закончить осыпать противника своими бесполезными снарядами, как в атаку пошел флот скилредей. Луч энергии, выпущенный при потрескивающих ударах, прочертил линию от конических башен до императорских кораблей. Военные корабли Турана стали взрываться и исчезать в шипящем реве огня. Со стороны создавалось впечатление, что вся флотилия Турана попала в невообразимый штурм с молниями в горящем море ада. Удары энергии уничтожили весь авангард армады, наводя ужас и создавая хаос на гордом флоте.

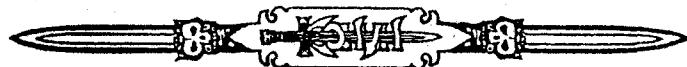
Обреченные солдаты кричали в ужасе, видя, как соседние корабли превращаются в обугленные массы, и ждали, что следующий удар будет нанесен им и тоже пошлет их в ад. С этим ужасом ни одно человеческое оружие не способно было сражаться и ни одно заградительное сооружение не могло ему противостоять. В отчаянии команды катапульт туранцев продолжали свой бесполезный обстрел лишь для того, чтобы что-то делать. В

ответ они получали непрекращающийся поток светящейся смерти, исходящий от военного флота скилредей.

— Продолжайте стрелять,— кричал Марил, пытаясь сохранить какой-то порядок в горящем хаосе, созданном скилредями.— Вперед! В атаку! Хлещите рабов, чтобы корабли плыли на полной скорости! — Его приказы передавались кое-как по всем смертельно опасным водам. А капитаны его кораблей отчаянно пытались приблизиться к смертоносному подводному флоту скилредей.

Снова и снова фиолетовые лучи вырывались из подводок, неся с собой разрушение. Корабли Турана десятками взрывались и словно соломинки сгорали в огне. Строгая линия построения была нарушена, но деформированная горящая императорская армада двигалась решительно вперед на флот скилредей. Обугленные обломки и густки шипящих и дымящихся останков кораблей и тел плавали в волнах. Океан, казалось, кипел от высочайшей температуры. Зловонные облака дыма вздымались в воздух, почти закрыв небо, заглушив запах азона. В этот момент Марил почувствовал, что палуба уходит из-под ног. Это луч разрушающей энергии ударил в борт императорского корабля. Когда он угас, на корме раздался взрыв, столб огня взметнулся вверх и сильный жар опалил дерево и плоть, превратив их в потоки раскаленного огня. Зловещая дыра зияла в корпусе, шипящий пар врывался через проломленные борта, в то время как море устремилось в огромную рану. Военный корабль накренился на своем киле.

— Покидаем корабль! — закричал Марил, не задумываясь над бессмысленностью своего приказа.

Паника охватила команду пылающего судна. Люди прыгали из ада на палубе в усыпанное обломками и останками кораблей море. Большинство из них сразу были поглощены водой из-за большого веса оружия и кольчуг. Марил быстро отбросил свой шлем, кирасу, набедренники. Император уже ухватился за борт, когда тонущее судно начало переворачиваться. Он нырнул в воду. Преодолевая замусоренную обломками поверхность воды мощными гребками, он поплыл к ближайшему кораблю. Какой-то тонущий моряк, уцепившись за его ногу, потянул его вниз. Император освободился от него с проклятиями, пнув несчастного в лицо.

— Сюда, дядя! — послышался крик с военного корабля. Кричал Лейджес. Его трирема «Мамила» находилась рядом с флагманским кораблем. Проплывая мимо оплавленных обломков и тонущих людей, Марил достиг судно Лейжиса. Императору кинули конец веревки, за которую он ухватился и, увернувшись от работающих весел, влез на борт.

— Лейджес! — закричал он, тряся руку племянника.— Я ничуть не жалею, что сохранил тебе жизнь. Эй, кто-нибудь! Принесите мне меч! Я не хочу, чтобы еще один хороший клинок ушел на дно прежде, чем будет смазан вонючей кровью бунтовщиков.

Лейджес мрачно засмеялся и выругался

— Какое адское оружие направил на нас Конан! Люди оказались словно в мясорубке. Наши

корабли сгорают один за другим. А ведь нам еще предстоит кровавая битва.

— Я не знаю, что это, но вижу — здесь приложила руку Эфрель. Похоже, что мы не сможем разрушить демонские корабли колдуны. Значит, нам во что бы то ни стало надо добраться до флота Конана, до того места, куда не смогут нацеливать это страшное оружие, чтобы не перестрелять своих же, не повредить корабли бунтовщиков. А поэтому — вперед! Если камни и огненные шары отскакивают от их бронированных боков, мы посмотрим, как они относятся к лобовой атаке.

Императорская армада, рассекая волны, еще не утратив явного преимущества в количестве, сплошными рядами направилась к флоту скилредей, намереваясь подойти почти вплотную.

Медленно, неся страшные потери, они приблизились к подводным лодкам. Военные корабли скилредей качались без движения на поверхности, стреляя в приближающуюся к ним эскадру с интервалами во времени, необходимыми, чтобы перезарядить адское оружие.

Первая линия императорской армады надвинулась шеренгой на чуждые суда. И вот в лобовую атаку решил пойти капитан одной из трирем. На полной скорости судно врезалось в середину корпуса вражеской лодки. Носовая часть атакующего корабля смялась от удара, не причинив никакого ущерба противнику, а лишь притопив металлическое чудовище глубже в воду.

В следующий момент императорский боевой корабль исчез в огне взрыва, как в грохочущем костре.

А тем временем вторая трирема на полной скорости врезалась в корму другой подводной лодки скилредей, уткнувшись бронзовым носом в один из яйцевидных выступов на корпусе. Сила столкновения вогнала обитую бронзой носовую часть в светящуюся выпуклую деталь лодки, и острый клюв носа погрузился глубоко в жужжащий мотор нечеловеческого судна. Эффект был непредвиденным. Лодка скилредей взорвалась и превратилась в раскаленный шар опаляющего белого пламени. Ослепительный свет, более яркий, чем солнце, поглотил оба судна. С фантастической силой взрывной волны трирема и чужое судно были уничтожены в наводящем ужас разрыве, разбрасывая расплавленный металл и огненные глыбы на десятки метров вокруг. С места катастрофы во все стороны поползли облака ревущего пара. Сгустки пепла и расплавленного металла посыпались на ближайшие корабли. Некоторые из них загорелись от высокой температуры.

После взрыва оставшиеся три подводные лодки нырнули вглубь и больше не показывались. То ли они побоялись разделить участь так бесславно погибшей соратницы, то ли решили предоставить возможность людям продолжать битву без них. Ясно было одно, что даже у таких, казалось бы, непобедимых военных кораблей было уязвимое место. Смертельное препятствие-заграждение было устранено, и императорский флот устремился навстречу эскадре Конана. Туранцы повеселились, когда у них на глазах произошел взрыв металлического корабля. Теперь они безумно жаждали схватиться с нормальным, осаждаемым врагом.

Но Марил, проанализировав ситуацию, с болью понял, что больше половины его флота исчезло под смертоносным демоническим ударом союзников Эфрель. Однако путь теперь был свободен. Всего только сотни ярдов отделяли два флота друг от друга. Воздух заполнялся снарядами и стрелами. Крики битвы создавали рокочущий шум, подобно шуму прибоя в шторм.

В этот момент новый ужас потряс атакующих. Появилось оружие, почти такое же страшное и непонятное, как военный флот скилредей. Воинственные крики превратились в набатный колокол кошмара. Скользкие черные щупальца, толщиной с бревно, внезапно вынырнули из волн и обвились вокруг одного из военных кораблей Турана. Затем перед императорскими воинами, застывшими от неожиданности, из воды появилось множество щупалец. Они словно канатами опутали обреченный корабль. Еще больший страх обуял присутствующих, когда из глубин океана вслед за своими щупальцами поднялся на поверхность их обладатель. Все, видевшие это чудовище оцепенели, и будто онемели. Крик ужаса застрял в горле у каждого.

Раздувшаяся гора живой плоти, два страшных белых глаза, уставившихся на ненавистный солнечный свет. Одна из леденящих кровь морских легенд как бы воплотилась в жизнь. Араиш держал в своих цепких смертельных объятиях военный корабль мертвой хваткой. Дерево трещало и расщеплялось от сильного сжатия. Его желтый чудовищный клюв был раскрыт и выглядел таким же широким, как ворота замка. Араиш щелкнул

им и разбил крепкий корпус корабля. Солдаты, находившиеся на несчастном судне, вопя от страха, беспомощно бросались в море. Теперь над поверхностью воды появилось множество щупальцев, а вместе с ними показались и несколько крупных чудовищ, обитавших на Земле на заре веков. Они поднялись из глубин океана, чтобы атаковать императорский флот Турана.

С устрашающей легкостью гигантские араиши крушили корабль за кораблем. Их сверхъестественный ум, казалось, направлял чудовищ в атаку. Сбросив цепенящее чувство страха при виде такого отвратительного зрелища, императорские офицеры были вынуждены принять меры против новой угрозы. Стрелы для чудовищ были равносильны булавочным уколам, а удары мечей имели не больший эффект, чем нанесенные толстому стволу дерева. Попытки пойти в лобовую атаку оказались тоже тщетны, так как араиши двигались слишком быстро, уклоняясь от налетающих на большой скорости судов. Безрассудные храбрецы, которые попробовали пойти в атаку, убедились, что эти существа ныряют под корабль, обхватывают его и тот, как ореховая скорлупа, с треском гибнет в смертоносном объятии.

Воины Турана доблестно боролись против морских чудовищ. Один безрассудный капитан кинул копье прямо в глаз араишу. Араиш в ответ атаковал его корабль. Все, бывшие рядом с незадачливым капитаном и видевшие эту сцену, скорее не услышали, а почувствовали обжигающее душу предсмертное шипение, в то время как черная кровь фонтаном брызнула из раны. Гигантские

щупальца судорожно сократились, затем расслабились и безвольно упали на капитана, вдавив тело храбреца в палубу. В последнем конвульсивном движении разъяренное чудище искорежило военный корабль, разбив его в мелкую щепу. Выпустив облако чернильной жидкости, раненый араиш не остановился на достигнутом, а атаковал один корабль за другим, разрывая их с бешеным берсерка. Когда он вновь захватил трирему, туранцы на этом боевом судне разом ударили веслами по воде, и корабль вонзил бронзовый нос в голову подводного чудовища. Смертельно раненный зверь взметнулся вверх в последнем судорожном рывке, прежде чем пойти на дно корчащейся и скимающейся кольцами массой.

На другом обвитом щупальцами корабле солдаты вылили кипящую смолу на тварь. Когда языки пламени попали на скользкую плоть подводного создания, араиш отпустил корабль и нырнул в глубину. Через проломы раздавленных бортов хлынула вода. К тому же судно начало гореть, и огонь стал быстро поглощать все вокруг. В надежде на спасение люди прыгали в волны, взбитые в пену агонией чудовища. Но бесполезно, с таким же успехом они могли остаться и на горящей палубе.

Так, в суматохе и хаосе два флота все-таки сошлись вместе. С воинственным кличем императорские солдаты рванулись на повстанцев, оттесняя их назад в первой же атаке. Более сильные воины бросились, чтобы взять вражеский корабль на абордаж, и волны жестокого рукопашного боя захлестывали палубы, когда противники сталкивались. На всех судах битва превраща-

лась в безумную резню. Безучастных в ближнем бою не было, каждый боролся за свою жизнь.

Конан с удовольствием отметил, что араиши принесли еще больший количественный урон императорской армаде и теперь силы противников стали приблизительно равными. И если его жалкий флот мог вообще бороться с каким-то врагом, то он, возможно, мог выиграть в этой битве. Тем временем императорская трирема как раз надвигалась на него. Это было могучее военное судно с опытным экипажем, получившим хорошую закалку в многочисленных битвах.

Конан, отвернулся «Ару-Тейвинга» в сторону и нанес флагманской триреме врага скользящий удар обитым бронзой носом своего корабля. Но от крюков уйти не удалось, и два судна зацепились друг за друга. Отбросив щит, который предназначался для отражения стрел, киммериец выхватил оба своих меча и рванулся, чтобы встретить воинов. Кривая сабля и двуручный меч замелькали в воздухе, подобно смертельный серебряным лучам. Удары передавались от клинков к мускулам, и Конан завывал в экстазе, первом с начала сражения. Мечи-близнецы, снова засверкали в воздухе, оставляя позади алую дорогу. Конан дико смеялся. Во всем безумии сверкающей стали, мелькающих злых, рычащих лиц, которые бросились на него в большом количестве. Сильными ударами левой руки он срезал всех, кто надвигался на него. Палуба, засыпанная песком, кренилась под его ногами, и только быстрые рефлексы Конана спасли его от того, чтобы не упасть на нацеленные в него острия мечей противников.

Вторая трирема с другой стороны ударила «Арутейвинга» и теперь ее солдаты повалили на палубу, бросив все свои усилия на то, чтобы захватить повстанческий флагманский корабль.

Это была уже вторая волна атакующих. Работая обеими руками, отбивая нападения противников, Конан одновременно обдумывал и выкрикивал приказы, которые следовало отдать команде. Необходимо было подсказать людям, как встретить возникшую новую угрозу. Его обязанности командира были опасными и сложными в близком бою. И он особенно остро ощущал это, когда группа воинов, воспользовавшись моментом, что командир отвлекся на указания своим солдатам, едва не расправилась с ним.

Окруженный императорскими воинами, Конан обнаружил, что его здорово теснят. С удивительной точностью он отрубил руку одному нападающему и вонзил клинок в живот другому. Киммериец безошибочно, без промаха попадал клинком прямо в цель, когда представлялась такая возможность, и атакующие платили ему жестокую дань. Только человек фантастической силы и ловкости Конана мог парировать вихри турецкой стали, которые налетали на него со всех сторон. Много глупых горячих голов полегло под сверкающими клинками северянина. Но не все удары полностью он мог отражать. Отскакивающие клинки часто задевали его тело, защищенное кольчугой, которая уже была искромсана и окровавлена. Тонкие порезы кровоточили на лице и руках.

А невидимый лучник чуть было не пронзил его горло стрелой. Казалось неизбежным, что какой-

нибудь убийца рано или поздно прорвет оборону Конана и нанесет ему решающую рану, когда он будет искалечен и обессилен. Киммериец предвидел, что турецкие шакалы могут подмять его, раскрошить на куски. Но, не обращая внимания на смертельную опасность, Конан глумился, насмехался над своими неистовыми противниками, говорил колкости. Он весь был залит кровью. Он сражался и ликовал, когда меч попадал в цель. Наконец туреццы как будто устали и начали отступать, оставляя за собой вокруг Конана груды тел.

Пробираясь по пропитанному кровью песку на палубе, навстречу киммерийцу двигался Арбас. Конан понял и с благодарностью оценил то, что наемный убийца привел свой корабль ему на помощь, направил сюда своих людей, чтобы помочь истекающей кровью команде. Подмога была очень своевременна. Наконец-то у мятежников появился численный перевес.

— Эй, Душегуб! — приветствовал его Конан.— Как твои дела?

Подкрепление дало киммерийцу небольшую передышку, и он мог позволить себе расходовать дыхание на браваду. Он расслабил напряженные, болевшие мускулы и усмехнулся.

— Здесь достаточно крови, чтобы затопить целий рынок,— пожаловался Арбас.

Он сделал паузу, чтобы послать кинжал в горло турецца на другой стороне палубы.

— Прекрасный бросок,— радостно похвалил сам себя наемный убийца.— Но это искусство пропадает даром здесь, в этой клоаке. Конан, я боюсь, что моя жизнь в качестве капитана была очень корот-

кой. Мой корабль получил пробоину и здорово течет. Пришвартовав его к этой мясорубке, я нашел единственный способ, как мне избавиться от купания.

— Тогда,— отозвался Конан,— мы объединим людей, которые уцелели в наших командах и оставим их на «Аре-Тайвинге».

Арбас согласно кивнул и, сделав предупреждающий жест, закричал:

— Эй! Смотри, этот сукин сын там, на носу, около кливера...

Конан отскочил назад, и направленная в него стрела вонзилась в палубу у его ног. Обозлившись, Конан схватил упавшее копье и швырнул его в лучника, который в него стрелял. Колчан упал на палубу в то время, как копье пронзило кливер. Стрелок повис, корчась на бушприте, словно пришипленная фигура на носу корабля. Киммериец удовлетворенно проворчал:

— Давай атакуем их, дадим им прикурить, Арбас. Черт, похоже, что через минуту здесь будет толчей. Сюда идет еще один корабль, и туранцы собираются роиться здесь, как мухи над дермом.

Действительно, два корабля императорского флота, бирэма и трирема, ходили вокруг «Ары-Тайвинга», подыскивая удобное место для крюков. Какое-то время Конан наблюдал за их возней, потом он прикинул свои силы и понял, что ситуация будет серьезная, если не безнадежная, стоит только одному из этих судов взять их на абордаж.

Неожиданно трирема остановилась, так и не успев подойти вплотную. Она оказалась в паутине

черных шупальцев, вырвавшихся из глубины. Подводное чудовище стало затягивать корабль вниз. Пока туранцы на втором корабле смотрели, как трирема гибнет в объятиях подводной твари, люди с триремы попрыгали в воду и, барабатаясь, стали пытаться взобраться на борт к своим товарищам на бирэме. Однако многочисленные шупальца взбудоражили море вокруг плавающих беззащитных моряков, убивая их с рвением мыслящих разъяренных существ.

Араиши охотились под встретившимися в бою двумя флотами. В ответ на ультразвуковые сигналы талисманов они продолжали выискивать и разрушать корабли Турана.

У Конана больше не было времени смотреть по сторонам.

Вокруг него вновь вспыхнула горячая смертельная схватка. Надо было срочно очищать палубу от туранцев. А людей для сопротивления было мало, горсточка из его собственной команды да небольшой отряд, пришедший с Арбасом. Общими усилиями повстанцы отцепили «Ару-Тайвинга» от плавучего поля битвы и попытались отступить.

Арбас философски покачал головой, увидев, как накренился его собственный корабль, когда оказался отцепленным от поддерживающих его соратников.

* * *

На борту нового императорского флагманского корабля Турана, как и повсюду вокруг, сражение было яростным и беспощадным. Лейжес и Марил дважды шли на таран. Дважды они отражали

ли атаки против их собственного корабля. Так долго удача не могла им улыбаться. Они оказались зажатыми между двумя судами повстанцев, и скользящий удар одного из носов биремы мятежников сделал пробоину под ватерлинией флагманского судна.

Лейжес дрался безмолвно, бок о бок с дядей на качающейся палубе, поражаясь выносливости и мастерству Марила.

Медлительный император удерживал свой трон не только благодаря усилию и мастерству других людей, он оставался все еще таким же необыкновенным воином, каким его воспевали придворные поэты. Но было очевидно, что императорских солдат теснят, враги наступали. Лейжес понял, скоро враги захватят их корабля. И он, и его дядя прекрасно осознавали, что означает для них плen, поэтому и боролись отчаянно. Оба собирались хорошо оросить свои мечи кровью врага прежде, чем погинуть. Они предпочитали умереть, а не сдаваться в плен на милость Эфрель, тем более что пощады от нее ждать не приходилось.

Помощь первым лицам империи пришла с неожиданной стороны. Один из военных кораблей повстанцев оказался по ошибке захвачен в объятия араиша. Нечеловеческие чувства этого существа были спутаны теснотой сцепившихся судов, и он схватил не то судно. Когда один корабль исчез, раздавленный, словно ореховая скорлупа, императорские воины воспряли духом.

— Скорее на другое судно, мы еще не разделись с этими бунтовщиками,— закричал Марил и

взмахнул клинком с удвоенной энергией.— Убийте этих подонков из водосточных канав. Они не смогут противостоять нам на равных условиях.

С отчаянной решимостью солдаты попрыгали со своего тонущего корабля на военный корабль мятежников. Кровавая битва продолжалась на палубе до тех пор, пока мало-момалу пеллинты не были полностью перебиты. В этой битве никому не давали пощады. В конце концов в живых остались только измученные, истерзанные солдаты императорского флота. Марил стоял на палубе повстанческой биремы, решив использовать ее для себя. Он приказал подобрать плавающих в воде солдат и оказать по возможности им помощь, поддержать силы, прежде чем те вновь окунутся в очередной виток битвы. Он мрачно подумал, что за прошедший день это уже третий его флагманский корабль.

Итак, битва бушевала повсюду и победа перешла из рук в руки. А время шло. Сначала превосходство было на стороне императорской армады, но после того, как все суда перепутались в хаотической мешанине, военные корабли уже не могли пустить в ход свое преимущество и использовались не лучшим образом. Это была не организованная классическая битва, а кровавый хаос. Помимо этого безжалостные атаки араишей медленно уменьшали число кораблей Турана. Они лишили императорский флот превосходства, которому так радовался в начале пути флотоводец Нетистен Марил. Это была ужасная борьба. Воины с обеих сторон сражались отчаянно, поскольку все знали цену поражения.

Да, разрушительные атаки скилредей и смертоносные объятия араишер нанесли флоту императора Турана огромные потери. Враждующие силы уравновесились, и теперь Конан вновь мог попытаться взять ход событий в свои руки, весы битвы перетягивали на его сторону. Постепенно флот Конана стал выигрывать.

Тем не менее битва была еще далека до завершения и неистовство не уменьшалось. Все больше и больше было погибших. И при любом исходе побежденных ожидала одна судьба...

* * *

Имиль прибыл слишком поздно, чтобы спасти своего лучшего друга Голла из Хоарезма. Молодой дворянин упал, сраженный на палубе своего военного корабля, окруженный горой убитых им императорских воинов. Ослепленный жаждой мести, Имиль решил, что ни один вражеский солдат не останется на этой палубе живым. Ренегат, казалось, был охвачен желанием уничтожить всех, кто называл его предателем. Поскольку день шел к своему кровавому завершению, сияющее обмундирование юноши было запачкано кровью его соплеменников и щеголеватый офицер казался теперь жестоким незнакомцем даже людям, хорошо его знающим.

В одном из мест сражения повелитель Бреннар с далекого островка Оллона, не лучшим образом владевший мечом, заколол, однако, прославленного воина Гостила из Султанпуря, сделав необыкновенный выпад. Но насладиться своей славой Бреннар так и не успел, поскольку сам был убит

спрятавшимся туранским лучником, когда вел свой отряд в атаку на императорский боевой корабль.

В другой месте битвы победившая группа повстанцев не успела даже порадоваться своему триумфу над императорской триремой, которую только что захватила. Араиш схватил захваченное судно и раздавил, превратив в одно мгновение в сломанный гроб, равно как для победителей, так и для побежденных.

Сражение продолжалось...

* * *

«Ара-Тейвинг» подплыл к своему двойнику «Келкину». И Конан увидел, как значительные силы пеллинитов пытаются выстоять, остановив волну туранских моряков. Оксфорс Альремас отчаянно сражался, собрав вокруг себя усталых и изможденных людей. Мигом оценив обстановку, Конан решил, что у него есть шанс избавиться от заклятого врага. «Ара-Тейвинг» приближался, чтобы помочь окруженному триреме, а все взгляды были прикованы к осажденному «Келкину». Конан неизвестным движением поднял упавшее копье. Никто, казалось, не обратил на это внимания. Дождавшись удобного момента, когда в команде каждый был занят своим делом, киммериец метнул копье над водой в спину Альремаса. Но в этот миг сильно прижатый Альремас опустился на колени, пытаясь избежать удара топором в свой изрубленный щит, и копье пролетело над его головой, а железный наконечник вонзился в грудь туранского солдата, занесшего топор.

— Прекрасный бросок, господин! — закричал один из матросов.

На обоих кораблях среди пеллинитов прокатился гул одобрения. А над морем пронеслась весть о том, что Конан спас жизнь Альремаса, сделав чудесный бросок копьем. Киммериец выругался про себя. Мало того что его бросок заметили, так теперь его еще и восхваляют. К счастью его намерения были неправильно истолкованы. Решив, что это место и время не самое неподходящее для воплощения его замыслов, Конан поднял кулак, давая понять, что так и было задумано и что он принимает поздравления. Сам же он кипел от негодования на самого себя за то, что помешал вражескому воину применить топор по назначению. Потом мятежники перебрались на императорский корабль, и Конан оказался слишком занят, чтобы вынашивать дальнейшие планы убийства Альремаса.

* * *

Посмотрев вокруг на кипящую, идущую с переменным успехом битву, Нетистен Марил вдруг осознал, что потерпел поражение и битва для него проиграна. Из всей гигантской армады, численностью в четыреста кораблей, на плаву остались всего двадцать пять, и те оказались искореженными и разбитыми в той или иной степени. Император Турана потерял уже третий свой флагманский корабль, когда один из его собственных кораблей, увидев на мачте пеллинский вымпел, протаранил судно императора нас kvозь. Оставшиеся военные корабли, медленно оттеснялись флотом

мятежников. У противника в строю оставалось около сорока судов. Кроме того, помощь со стороны араищей, придавала врагу уверенности. Точно их силы подсчитать было трудно из-за того, что многие корабли то и дело переходили из рук в руки. Иные сторонники императора не прочь были переметнуться к пеллинитам. Марилу сказали, что одна из его трирем три раза меняла свои вымпелы. А ведь только сегодня утром и подумать об этом было невообразимо.

К тому времени как тени увеличились, стало окончательно ясно, что битва проиграна. Все величие Туранской империи оказалось уничтоженным и втоптанным в грязь воинами безумной ведьмы. Эфрель выиграла сражение. Поражение Турана было неизбежным. Не было смысла оставаться на поле битвы.

— Я собираюсь приказать отступать, — сурово сообщил император Лейджесу. Мы, по крайней мере, постараемся спасти что-нибудь и использовать для защиты Аграпура.

Его племянник мрачно пытался остановить сильное кровотечение из бока, куда врезалось острие кинжала, проскользнув между пластин его кирасы. Лейджесу нечего было сказать, и он промолчал.

Приказав дать сигнал к отступлению, Марил направился к Аграпуру, на корабле захваченном у мятежников. Уцелевшие императорские суда те, что были способны уйти из этой мешанины, последовали за ним.

Первоначально показалось, что их преследуют победители. Но потом выяснилось, что это не-

сколько кораблей бунтовщиков, захваченных турецкими моряками. Новые хозяева кораблей даже не подозревали, что плененные суда, возможно, спасли им жизнь. К килям всего трофеиного транспорта были прикреплены талисманы скайлрэйд с импульсами, подающими сигналы араишам.

Всего четырнадцать кораблей покинули поле битвы и направились к Аграпуре.

* * *

— Они повернули назад! — закричал Арбас. — Мы их победили. Конан, ты победил самую громадную армаду, которая когда-либо собиралась в этой части мира! Возможно, это был самый большой флот в истории.

— Это смягчит и залечит мои старые раны, — признался киммериец, вспоминая о битве с совсем иным концом. Битве, которая произошла здесь двадцать лет назад. Его глаза подернулись мечтательной дымкой.

— Может быть, мы должны помчаться за ними в погоню? — поинтересовался Арбас. — Черт, если бы эти морские демоны Эфрель не показали спину, мы могли бы их послать вслед, чтобы уничтожить лучами остатки турецкого флота. А впрочем, мы могли бы и сами их догнать, прежде чем стемнеет.

— Нет, пусть бегут, — решил Конан. Он хромал, правая рука была сильно повреждена, и он с трудом держал в ней меч. Из раны постоянно сочилась кровь, пробиваясь через грубо закрученный жгут. Даже фантастические силы Конана истощились в этой жестокой, продолжавшейся целый

день битве. — Мы удержим позиции и подтвердим нашу победу, — заключил он. Надо срочно спасать все и всех, что осталось в воде. Нам нужен каждый человек, которого мы сумеем спасти. А также людям надо дать шанс зализать раны и попраздновать. Мы расчистим море и отправимся к Аграпуре. Эфрель не понравится, конечно, что мы позволили ее врагу улизнуть, но мы прикончим Марила позже. А сейчас я не могу ни о чем думать, кроме ванны, выпивки и нескольких ласковых поцелуев, чтобы забыть о боли. Мы утомлены, перевозбуждены и можем сами сжечь Аграпур этой ночью.

Он нахмурился, окинув усталым взглядом свой здоровово поредевший флот. В конце концов араиши тоже, наверное, устали от непривычно затянувшейся охоты и теперь, пожалуй, закусывают. Мореказалось сточной канавой смерти. Вода была полна обломков кораблей, на поверхности плавали тела тысяч людей.

Конан видел в глубине громадные тени, пирующие среди обломков. И это не были араиши.

Глава восьмая

Буйство и ликовение, царящие в Призарте, не коснулись только северной части Дан-Легеха. За пределами черной цитадели город шумно отмечал победу повстанцев. Таверны и бордели были переполнены. Люди высыпали на улицы и в переулки, где толпы гуляк радовались жизни, праздновали и пировали, не задумываясь о следующей битве.

Оксфорс Альремас, пришедший с докладом в личные покой Эфрель, стоял в несколько напряженной позе, потягивая светлое вино из хрустального кубка. Пеллинский дворянин был безупречно ухожен и облачился в широкий парчевый плащ и шелковые чулки. Могло показаться, что он только что вернулся с придворного бала, а не с кровавой битвы.

— Меня совсем не радует моя победа, она омрачена тем, что Нетистену Марилу удалось ускользнуть,— проворковала Эфрель.

Альремас вытер губы благоухающим носовым платком.

— Наверное, неприлично говорить плохо о человеке, который спас тебе жизнь,— начал он по-светски утонченно,— однако я думаю, что Конану следовало бы послать погоню за Марилом. Как раз еще была возможность догнать чудом уцелевших беглецов до темноты. По-моему, Конан просто выдохся. Ему надоело сражаться. Разумеется, сойдя с корабля, он не стал терять времени, а сразу направился в кабак, чтобы напиться и затеять мордобой с простолюдинами.

— Боги тьмы даровали мне победу,— продолжала в раздумье Эфрель.— Не больше чем через неделю Аграпур сдастся мне. И тогда Нетистена Марила вытащат из дымящихся руин его былого величия и приведут ко мне в цепях, опозоренного и жалкого. Хорошо, я подожду. Моя месть будет только еще желаннее от этой непредвиденной задержки.

— Я полагаю, ты напомнила Конану, что императора надо взять живым,— подсказал ей Альремас.— Конечно, не положено критиковать старших по званию, но мне кажется, что киммериец не слишком-то старается сохранить Марилу жизнь. Вспоминая поведение его людей во время битвы, остается только удивляться, что Нетистен Марил не погиб в этой мясорубке.

Единственный глаз Эфрель вспыхнул, зло глядя на бывшего фаворита.

— Этого не должно случиться,— прошипела она.— Его должны привести ко мне живым! Любой ценой!

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы твои желания были исполнены,— пообещал Альремас.

— И Мкори,— выдохнула Эфрель.— Мкори тоже должна быть доставлена ко мне целой и невредимой! Ты понял?

— Я понял, моя королева,— заверил ее вельможа.— И я постараюсь сделать так, чтобы Конан не забыл о твоем приказе.

Он поставил на стол свой бокал и встал на колени перед ее диваном.

— Эфрель, позволь мне командовать флотом, который ты собираешься направить на Товнос. Конан уже сделал свое дело. Теперь он стал опасен. Ты думаешь, что это ты используешь его, а мне кажется, что это он использует тебя.

— Достаточно,— огрызнулась Эфрель.— Я пользуюсь мужчинами, пока они мне нужны, и без сожаления выбрасываю их на помойку, но делаю это, только когда захочу. Твое дело следить, чтобы мои желания выполнялись. И не дай бог, чтобы твоя зависть к Конану отвлекла тебя от этого дела! А сейчас ступай. Я хочу побывать одна.

Альремас встал с колен, четко отсалютовал и удалился. Однако в глубине его глаз тлела ненависть.

Эфрель допила свое вино и почувствовала, что гнев несколько утих. Полулежа на диване она рассматривала картину на стене. Сверху на нее смотрела Эфрель из другой жизни.

Королева расстегнула пуговицу, и длинная меховая мантилья соскользнула с обнаженной плоти и легла на полу мягкими складками. Безупречной формы руки неестественно выделялись на фоне

не безобразных шрамов и изуродованной плоти. Эфрель зачарованно смотрела на женщину изумительной красоты, изображенную на картине, и гладила свое изувеченное тело. Неужели эти искалеченные обрубки, когда-то были упругими бедрами цвета слоновой кости, а изорванные груди нарумяненными холмиками с картины. А эти торчащие ребра и сплошные шрамы в прошлой жизни служили ей стройной белой талией? Разве это лицо... На единственном живом глазу выступили слезы.

— Скоро,— вдруг очень тихо замурлыкала Эфрель,— очень скоро свершиться моя месть!

Глава девятая

Прошла неделя после победы над императорской армадой. Конан не отрываясь смотрел на горизонт, где постепенно вырисовывалась береговая линия Аграпура. В этот день он командовал флотом, состоящим из семидесяти пяти кораблей всех мастей, которые были битком набиты наемниками. Им предстояло штурмом взять Аграпур, нанести последний удар по врагу, засевшему в своем логовище. Конан прикинул, что силы Марила истощены и император не сможет противостоять мощной атаке пеллинов. Конечно, не так-то просто будет преодолеть городские укрепления, но в этом генерал полностью полагался на скилредей.

Как бы ни была велика печаль союзников по поводу потери одного из своих незаменимых военных кораблей, Эфрель тем не менее удалось заручиться их поддержкой в штурме города. Однако колдунья предупредила Конана, что энергия,

на которой работают жуткое оружие и двигатели лодок, на исходе, а скилредям неоткуда пополнить ее запас. Поэтому они стараются использовать свои военные корабли как можно реже. Не чаще чем раз в столетие. Эфрель убедила союзников потратить немного оставшейся энергии, но скилреди настояли на том, что они применят уничтожающие лучи, только когда в этом возникнет острая необходимость.

Как Конан и ожидал, он не встретил какого-либо сопротивления на пути к Аграпуру. Благородный Марил, учитывая численность оставшегося у него войска, не стал впустую тратить силы и давать бой противнику в открытом море. Вместо этого император собрал все свои резервы и попытался организовать защиту столицы. Он понимал, что должен отстоять город любой ценой. Итак, путь оказался свободен, и повстанческий флот занял удобную позицию у входа в гавань Аграпура.

Гавань была слишком широкой, чтобы ее блокировать. Конан увидел в подзорную трубу, что на самых стратегически важных местах затоплены старые корабли, а со дна торчат длинные шесты, чтобы преградить путь входящим вражеским судам. Если скилреди не смогут уничтожить эти преграды, то повстанческому флоту придется очень осторожно подходить к берегу, подставив себя под огонь туранцев.

Но это был только внешний периметр защитных сооружений гавани. Уцелевшие в прошлой битве военные корабли, заново вооруженные, подготовились отражать атаку нападающих в самом порту. Конан заметил десяток рыболовецких ло-

док и других мелких, не поддающихся описанию посудин, которые заняли позицию перед императорским флотом. Он догадался, что это начиненные горючими веществами суденышки и прочие чудеса пиротехники.

На стенах города собирались толпы народа. Каждый человек, способный держать в руках оружие, камень или палку, был поднят по тревоге на защиту столицы. По всему периметру выстроились грозные катапульты, рядом с ними выселись холмы булыжников, стояли бочки с воспламеняющимися веществами. Захватчикам явно подготовили радушный прием. Прочные городские ворота были хорошо защищены. Такие не вдруг пробьешь даже крепким бревном-тараном. Не говоря уже о том, что сверху на желающих этим заняться посыпится со стен град камней, стрел, зажигательных снарядов и польется кипящая смола.

Аграпур хорошо подготовился к атаке повстанцев. Защитники города, судя по всему, не собирались легко сдаваться. Впрочем, Конан всегда знал, что подобную крепость можно взять только после очень долгой осады. Он бы и не рассчитывал на скорую победу, если бы не сверхъестественные союзники Эфрель, располагающие оружием, которому не сможет противостоять ни одно возведенное человеком оборонное сооружение.

Тем временем напротив входа в гавань, на поверхности воды появились военные корабли скилредей, чтобы начать последнее наступление. Смертоносные залпы фиолетового пламени с оглашительным треском вырвались из жерл их орудий и в один миг достигли стен города. Тела несколь-

ких сотен защитников мгновенно обуглились в бушующем пламени. Даже камни рассыпались в пепел от сильного жара. Катапульты и противоосадные машины вспыхнули разом и превратились в золу, в то время как бочки с горючими веществами взрывались, как гигантские зажигательные ядра.

Воющие от боли и страха туранцы в ужасе покидали стены, разбегаясь в разные стороны. Рассказам напуганных до полусмерти людей, выживших в предыдущей битве, не слишком-то поверили. Тогда это казалось невероятным. Теперь горожане воочию убедились в наличии сверхъестественных сил, поднявшихся из морских глубин, чтобы поставить на место людской род, вообразивший себя хозяином земли.

Но не все защитники города сбежали со стен. С участков, не тронутых обстрелом, последовал ответный залп. Небо потемнело от стрел и снарядов всех типов. Однако смертоносный град был не в силах повредить металлические корпуса, просто отскакивая от них. Некоторые снаряды попали в начавший свое наступление флот Конана, причинив ему более серьезный вред. Но из орудий на кораблях скилредей вновь вырвался поток всеразрушающей энергии, и ответный огонь стал менее интенсивным, а потом и вовсе стих. Над укреплениями взметнулись столбы черного клубящегося дыма. Горящие, как факелы, вопящие люди падали со стен и рассыпались спнопом искр при ударе о тлеющую землю.

А скилреди уже направили свои адские лучи на городские ворота. С грохотом и скрежетом железные запоры были разворочены, и ворота пре-

вратились в куски расплавленного металла и тлеющие головешки. На их месте в треснувшей стене зияла черная обуглившаяся дыра. Теперь путь к сердцу Аграпура был открыт, и только белые холмики пепла, смешанного с рассыпавшимся в пыль щебнем, напоминали о былой неприступности главного входа.

Разделавшись с городскими стенами и воротами, скилреди нацелились на стоящие в гавани корабли и дали по ним несколько залпов смертоносной энергии. Суденышки, наполненные воспламеняющейся смесью, взорвались совсем близко от военных кораблей. Остатки императорского флота вспыхнули ярким пламенем под мощным огнем противника. Затем так же внезапно, как началась, стрельба утихла, и лодки ушли под воду. Менее чем за десять минут их чудовищная атака уничтожила все защитные укрепления Аграпура.

— Прекрасная подготовка. А теперь давайте накроем турецев прежде, чем они опомнятся! — закричал Конан, и повстанческий флот устремился в гавань.

Некоторые капитаны проявили беспечность, и их суда наравились на скрытые заграждения. Но основная часть пеллинской флотилии ворвалась в чужой порт без особых повреждений и обрушилась на то, что осталось от гордой императорской армады. Корабль врезался в корабль. Это защитники Аграпура бесстрашно атаковали повстанцев. Они знали, что шли на самоубийство, но сражались самоотверженно, как взвесившиеся дьяволы, чтобы, погибая, забрать с собой как можно больше душ в вечную ночь.

Имперские солдаты направляли в ряды захватчиков оставшиеся суденышки, наполненные горючими материалами, и взрывали их вместе с собой. В ближнем бою было невозможно маневрировать, и горящие лодки подожгли несколько военных кораблей, столкнувшись с ними на полном ходу. По мере того как битва продолжалась, сначала разрозненный, а потом все усиливающийся поток стрел и снарядов обрушился на сражающиеся суда. Это уцелевшие защитники крепости быстро возвращались на еще дымившиеся стены.

Но отчаянное сопротивление уже почти ничего не давало. Оборонительные сооружения, разрушенные сверхъестественной силой, лежали в развалинах. Несмотря на потерю нескольких кораблей, эскадра повстанцев упорно продвигалась вперед, тесня противника. Палубы турецких судов превратились в поле боя и кишили мятежниками. В конце концов императорский флот был захвачен, не в силах больше противостоять бесчисленным ордам Конана. Пеллиниты высадились на берег, и тысячи солдат рванулись к стенам города. По команде Конана все его войско разделилось на три группы, каждая из которых должна была войти в Аграпур через разные проломы в стене. Таким образом генерал собирался расколоть силы противника, не давая ему перегруппироваться и нанести удар по какому-нибудь одному отряду повстанцев, объединившись в единый мощный кулак.

Сразу несколько стрел вонзились в щит Конана, когда он спрыгнул на берег и побежал к тлеющим руинам центральных ворот. Его люди сгрудились у дымившихся развалин. Им преградили путь

туранцы, которые собрали все свои разрозненные силы, чтобы защитить главный вход. Когда Конан присоединился к повстанцам, те приветствовали его радостными криками и, ободренные присутствием командира, последовали за ним в зияющую брешь в стене, смяв сопротивление противника.

Подобно демону смерти, Конан прорывался сквозь живой щит защитников города. Генерал разбрасывал их в разные стороны мощными ударами острого, как бритва топора который он держал в левой руке. Для этого сражения Конан выбрал боевой топор с короткой ручкой и двухсторонним лезвием. Свирепо размахивая им направо и налево, он оставлял после себя кровавое месиво. В разные стороны разлетались руки, ноги, внутренности и лилась, лилась ручьями вражеская кровь. Те, кто не попадал под тяжелый топор, встречались с мелькавшим, словно жало змеи, острием абордажной сабли Конана, которую он держал в правой руке. Несмотря на стрелы, сыпавшиеся дождем с городских стен, Конан отбросил свой щит, надеясь на прочность кольчуги. Генерал вел своих людей вперед через плотные ряды туранцев. Никто не мог устоять против его наступки.

Мостовые улицы и разрушенные городские стены были усеяны погибшими людьми. Защитники сражались доблестно, пытаясь отразить неистовую атаку. Но их тем не менее оттесняли все дальше и дальше в глубь города. Они отступали, прижимаясь к дымящимся руинам и перешагивая через трупы товарищей. Предвкушая победу, пов-

станцы, огибая груды мертвых, рванулись вперед и, подобно трехглавой штормовой волне, обрушились на город.

Жестокая битва бушевала повсюду в течение многих часов, но Аграпур уже был обречен. Его защитные сооружения лежали в руинах, а тысячи вражеских солдат наводнили улицы. Мятежники разбили туранцев на мелкие отряды и методично уничтожали их один за другим до последнего человека. Наконец сражение утихло, чтобы уступить место разгулу грабежа и насилия.

Повстанцы перебегали из дома в дом, убивая всех, кто не смог ускользнуть или спрятаться, хватали все, что могли унести, и поджигали оставленное. Затянутые дымом улицы императорской столицы были наполнены криками истязаемых женщин, воплями детей, стонами раненых и умирающих. Наконец сбылась мечта пиратов и головорезов, которых набрал в свои отряды киммериец. Все эти люди вернулись к привычному животному состоянию и пировали в безумии резни и разбоя.

Промчавшись через оргию необузданного разрушения, Конан привел свой отряд к императорскому дворцу. Здесь его встретило довольно организованное сопротивление. Борьба была жестокой, а защитники упорны и несгибаемы. Вскоре к людям Конана присоединилась еще одна банда повстанцев, та, которую вел Имиль. Если туранский ренегат и чувствовал какие-то угрызения совести по поводу грабежа родной столицы, то ему ничем не удалось этого показать.

— Где Альремас? — закричал Конан.

— Он пошел в обход и зайдет с тыла, — ответил Имиль. — Он будет здесь минут через десять-пятнадцать.

Конан почувствовал некоторую горечь по поводу того, что его личный враг, казалось, неуязвим в битве.

— Ты ведь знаешь расположение императорского замка? Когда мы прорвемся внутрь, возьми несколько человек и захвати в плен Мкори. Помни, что ни один волос не должен упасть с ее головы. А я буду сдерживать сопротивление до тех пор, пока не подоспеет Альремас.

Имиль кивнул и вернулся к своим людям.

Послав отряд под командованием Арбаса попытаться в развалинах и поискать что-либо, заменяющее щиты и взламывающие тараны, Конан начал атаку императорской цитадели. Защитники сражались отчаянно и ожесточенно. Стрелки повстанцев держали их под постоянным обстрелом, не давая поднять голову, пока их товарищи пытались сломать главные ворота крепости импровизированными таранами. И вот последняя преграда рухнула. С Конаном во главе атакующие хлынули через дворцовые сады и дворики внутрь дома, в залы. Личная охрана императорского дворца сражалась неистово, но превосходящие силы Конана упорно оттесняли их во внутренние покои.

— Конан! — Внезапно перед ним как из-под земли выросла мрачная фигура в броне.

Весь день Нетистен Марил с горечью смотрел, как рушится последний оплот его империи. И теперь, на закате, после неудавшейся попытки остановить продвижение противника внутрь города,

он вернулся, чтобы с оружием в руках защищать свой дворец.

— Клянусь Сетом, я, по крайней мере, получу удовлетворение от того, что отправлю твою душу обратно, в седьмой круг ада.

— Многие уже пробовали, — усмехнулся Конан, — и сейчас за всеми из них присматривает Повелитель Демонов.

С яростным ревом, подобно разъяренному быку, Марил обрушился на киммерийца. Император был крепким мужчиной, а сейчас его силы удвоились из-за безумной ненависти и гнева. Перед правителем стоял человек, который превратил в руины всю его огромную империю. Если победа и ускользнула от Нетистена, то, по крайней мере, у него осталась возможность отомстить. Конан медленно отступал под неистовым натиском Марила, отражая мощные удары его меча и пытаясь достать соперника своим оружием. Император ловко уверачивался от наточенного стально-го топора в левой руке Конана и упорно наседал на противника. Меч Марила сверкал как молния, а звон клинов оглушал подобно громовым раскатам.

Внезапное, стремительное движение, и длинное лезвие Нетистена прошлось по правой руке разбойника, по старой, едва начавшей заживать ране, полученной в предыдущем бою, и причинило тому адскую боль. Сабля выпала из онемевшей руки киммерийца, и теперь он уже сражался только одним топором. Яростная жажда крови врага завладела всеми его чувствами. Не обращая внимания на боль, Конан осторожно, кругами, обходил

императора, говоря ему всякие дерзости и ожидая, когда противник хотя бы на миг раскроется. Его топор чертил в воздухе сложнейшие, почти неуловимые рисунки.

В конце концов Марил все же допустил ошибку. Он был слишком безрассуден и опрометчив в своем желании поскорее покончить с ненавистным врагом. Всего одно неверное движение, как раз то, чего дожидался Конан. Сделав обманный выпад тяжелым топором, разбойник нагнулся, когда Нетистен в ярости прочертил мечом дугу над его головой. Только на миг император остался открытым. Он не успел вовремя повернуться обратно, поскольку рассчитывал снести наглецу голову. Это и решило исход битвы. С невероятной скоростью северянин рванулся вперед и рассек грудную клетку Марила топором. Даже прочная кираса не спасла правителя.

Нетистен Марил грузно рухнул на землю. Его глаза все еще светились ненавистью, но он был мертв. У ног Конана медленно растекалась большая лужа крови.

— Итак, ты его все-таки убил,— констатировал Арбас, который все это время с большим интересом следил за поединком.— Эфрель, а думаю, тебе спасибо не скажет. А для полноты картины на сцене еще появился наш друг Альремас, как раз вовремя, чтобы насладиться последними минутами жизни императора. Я уверен, что он не станет терять времени даром, а сразу побежит рассказывать Эфрель, кто убил Нетистена Марила. Конан, может быть, нам следует хорошо подумать прежде, чем возвращаться обратно на Пеллин?

Киммериец разразился проклятиями и стал осматривать свою кровоточащую руку.

— Да пошла она... Я сам поговорю с Эфрель. Я не собирался позволить Марилу убить меня, только для того чтобы потворствовать ее прихотям. Я итак отдаю ей императорский трон. Если Имилию удастся выполнить все, как нужно, с Мкори, хозяйка будет вполне счастлива.

Имиль как раз в это время пробивался к комнатам Мкори. Но вот последний заслон пал, и повстанцы во главе ренегата ворвались в личные покой дочери императора. Разгоряченные солдаты напали было на визжащих служанок, но мигом отпрынули, смущенные присутствием Мкори.

Девушка поборола леденящий ужас и высокомерно поднялась с кресла навстречу усмехающимся захватчикам. Мысль о самоубийстве мелькнула в ее голове, но эта идея показалась ей омерзительной. Пока была жизнь, оставалась надежда. До сих пор Мкори еще ничего не знала о судьбе возлюбленного и продолжала верить, что он жив.

Оценив ее красоту, Имиль в душе проклинал Эфрель, которая желала предать девушку страшной смерти. А ведь Мкори могла бы стать прекрасным призом для лучшего слуги колдуны.

— Успокойтесь... Не делайте резких движений, и я обещаю, что вас не обидят,— сказал он своей белокурой пленнице и ободряюще улыбнулся.— В конце концов вы — представительница знатного рода. Мы просто составим вам почетный эскорта и препроводим к императрице, которая находится в Призарте.

— Нет на свете поступка более подлого, чем предательство,— презрительно бросила ему Мкори.

— Лучше победивший ренегат, чем побежденный патриот,— убежденно ответил Имиль. Он приказал, чтобы пленницу связали, и повел ее к Конану. «В разграбленном городе наверняка найдутся и менее принципиальные девушки»,— успокоил себя юноша.

А тем временем в кровавом хаосе, царящем на улицах столицы, Лейжес все еще отчаянно пытался оказывать сопротивление. Потеряв из виду дядю еще в самом начале битвы, оттесненный атакующими к окраине города, он каким-то чудом разминулся с тремя основными отрядами захватчиков. В результате этого юноша и его отряд все еще бродили по горящим улицам и уничтожали рассыпавшихся на мелкие группы грабителей. Лейжес понимал, что столицу империи уже не спасти, но продолжал сражаться, даже не помышляя о бегстве. Он считал, что должен погибнуть в бою на пепелище родного города.

Вскоре его настиг посланец с печальной вестью о том, что дворец пал. Он же рассказал юноше о смерти императора и о том, что Мкори взяли в плен. При этой новости Лейжес впал в безумное бешенство — стал призывать своих людей следовать за ним, чтобы освободить любимую, что означало бы их верную гибель. Но его солдаты оказались более осмотрительными. Они и сами не пошли, и удержали своего командира от необдуманного поступка. После долгих уговоров им удалось убедить Лейжеса, что бессмысленно терять свои

жизни в бесполезной битве против Конана и его армии мародеров.

В конце концов юноша понял всю нелепость своего порыва и приказал распространить по городу слух о том, что он собирает отряд сторонников и зовет присоединиться к нему всех преданных империи людей. Затем Лейжес со своим израненным войском неохотно покинул горящий город. По дороге они подбирали оставшихся в живых солдат, все еще сражающихся с повстанцами. Молодой человек решил спрятаться в холмах на окраине Аграпура и организовать сопротивление, собрав пешие отряды туранской армии.

Так пала Туранская империя, в золе и крови, пала от руки великого Конана.

Глава десятая

В Призарте шло буйное празднование победы. Повстанцы пировали. Напряжение битвы прорвалось и нашло выход в ликующей истерии. Награбленное золото и вино текли рекой. Повсюду царило безудержное хмельное веселье, слышался хрипкий смех и пьяное пение.

Однако внутри Дан-Легеха, мрачной цитадели столицы, атмосфера была совершенно противоположной. Эфрель пребывала в состоянии злобной ярости. Уже в течение целого часа она визжала, вопила и проклинала Конана. То, что он разгромил Туранскую империю, казалось, не имело для нее никакого значения. Королева была в невменяемом состоянии. Единственное, что волновало Эфрель, это то, что Конан сам убил ее лютого врача. Его потрясающие глупый поступок навсегда разрушил столь долго вынашиваемые мечты о мести. В течение многих месяцев она жила только ба-

годаря своей ненависти к человеку, который опозорил и изуродовал ее. И вот теперь Нетистен Марил ушел навсегда, так и не прочувствовав всего ужаса уготованного ему возмездия.

Оксфорс Альремас с большим удовольствием наблюдал за тем, как киммериец стоически выносит страшные ругательства Эфрель. Временами она могла только выкрикивать нечто несвязное на высоких нотах. От ее яростных воплей звенело в ушах. Никогда еще Альремас не видел свою королеву в таком гневе. С чувством глубокого удовлетворения он подумал, что теперь ему уже недолго осталось беспокоиться о судьбе Конана. Она решена. Как только его соперник потеряет благосклонность Эфрель, бывшему любовнику, наверное, удастся убедить ее, что северянин слишком опасен, чтобы держать его proximity. А потом останется просто найти повод для легального убийства.

Конан уже давно бросил все попытки спорить с колдуньей, понимая, что она находится в состоянии буйного помешательства. Он взял себя в руки и ждал, когда ее гнев стихнет. Спустя некоторое время бесконечная тирада Эфрель, казалось, иссякла. Прежде чем королева снова успела заговорить, Конан успел вклиниваться в ее монолог.

— Разве у тебя когда-нибудь до этого был повод для недовольства мной или моими методами ведения войны? Я всегда выполнял все твои приказы. И что бы тут ни говорили злые языки, я всего-навсего хотел обезоружить Марила. Но этот глупец отказался сдаться и фактически сам бросился на мой топор. Разве меня можно винить в его смерти? Считай, что твоя месть и так свер-

шилась. В конце концов не все ли равно, каким образом он погиб. Забудь эту блажь. Ведь я завоевал для тебя всю империю! Я выполнил все твои условия, все, о чем мы договаривались. И не забудь, что у тебя еще есть Мкори. Ты можешь за все на ней отыграться.

Единственный глаз Эфрель блеснул странным светом. Казалось, что ее мысли витают уже далеко от Конана.

— Да, но не ты взял ее в плен,— вновь зашипела колдунья.

— Если моя королева позволит, то я хотел бы заметить, что в этом вопросе достаточно важно также учитывать кого берут в плен — девочку-подростка или опытного воина. В любом случае, все было сделано согласно моему приказу.

А чуть позже Конан хитро добавил:

— А между тем Лейжес все еще на свободе. И под его командованием уже собралась небольшая армия. Если партизан не уничтожить, над тобой постоянно будет висеть угроза. Возможно, ты считаешь, что кто-нибудь другой должен заняться Лейжесом?

Эфрель зарычала от ярости.

— Нет, черт тебя дери! Я все еще хочу, чтобы именно ты вырвал с корнем этот последний побег сопротивления моей безграничной власти. И только после того как ты выполнишь это задание, ты можешь требовать свою награду. А теперь прочь с глаз моих! Пока я не поступила с тобой так, как собиралась поступить с Марилом.

— Благодарю за теплые слова,— сухо сказал киммериец, пытаясь скрыть свои чувства.— Обещаю для этих целей доставить тебе Лейжеса.

Он поспешил покинуть комнату для заседаний советников. Его глаза сверкали холодным гневом, лицо перекосилось от злости.

Арбас ожидал своего товарища у двери снаружи.

— Все это время я сильно сомневался, что ты выйдешь отсюда невредимым,— начал он.— Знаешь, ее вопли были слышны по всей крепости. Черт, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так ругался.

Конан хмыкнул, но не проронил ни слова и несколько минут шел в полном молчании.

— Нужно найти место, где мы сможем поговорить,— наконец буркнул он.

— Любая забегаловка подойдет. Сегодня ночью повсюду слишком шумно и слишком много пьяных, чтобы шпионить... А если нам по каким-то причинам не удастся поговорить, так хоть напьемся,— задумчиво добавил наемный убийца.

В конце концов они отыскали место в многолюдной таверне, где толпы уставших от битвы солдат мешали выпивку и женщин, громко празднуя блестящую победу. Друзья взяли по кубку вина и, пробравшись в самый темный угол комнаты, сели за столик.

Арбас искоса поглядывал на танцующих девочек, словно прикидывал, какую из них выбрать. Но за его беспечным видом скрывалась истинная заботливость.

— Я думаю, ты знаешь, о чём я хочу сказать,— начал Конан тихим голосом.— Я никогда не собирался оставлять эту сумасшедшую у руля новой империи и только ждал подходящего момента, чтобы избавиться от нее. Теперь, похоже, обсто-

ятельства складываются так, что мне придется действовать быстрее, чем я рассчитывал.

Он нахмурился, вспомнив высокомерную улыбку Альремаса во время истерики Эфрель.

— В любом случае, у меня нет другого выхода. Альремас смотрел на меня так, как будто я уже давно болен неизлечимой болезнью и мне осталось совсем недолго. Да, Эфрель победила в этой войне, но и ее силы истощены. Я полагаю, что мне удастся набрать достаточное количество людей, чтобы провернуть мою операцию. Наемники со всех уголков огромной империи пойдут за мной, точно так же, как и большинство тех, кто впутался в это дело только из соображений личной выгоды. Например, Имиль, думаю, примет мою сторону. По-моему, Эфрель может рассчитывать только на верноподданных пеллинитов, которые, несомненно, поддержат свою королеву.

Арбас в задумчивости отхлебнул глоток вина.

— Итак, тебе кажется, что ты сможешь собрать достаточное войско для восстания? Подумай, тебе ведь придется бороться со всем Пеллином и еще... с колдовством Эфрель.

— Да, я почти уверен, что наберу необходимое количество людей. Ведь я же не намерен совершать ратные подвиги на поле брани, я просто хочу устроить небольшой дворцовый переворот. А это в корне меняет дело. Мы ударим быстро и постараемся не привлекать к себе лишнего внимания. К тому времени как в столице узнают, что произошло, уже будет поздно дергаться. Кроме того, у нас есть Мкори, которая, если я не ошибаюсь, невольно нам поможет.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Арбас, рыгая и снова наполняя кубки.

— Лейджес засел в какой-то норе неподалеку от Аграпура с довольно большим войском. Я думаю, нам удастся их использовать в своих целях. Я уверен, что этот глупец присоединится к нам, когда я предложу ему шанс спасти Мкори из рук колдуны. Ну а впоследствии с ним может просто что-нибудь случиться.

И Конан погрузился в глубокую задумчивость. Казалось, что перед его мысленным взором проходят какие-то далекие образы.

— Один раз, когда-то давным-давно, я уже почти прибрал Вилайет к рукам. И я не допущу, чтобы он снова ускользнул от меня.

Глава одинадцатая

Глубокой ночью, пока весь город беззаботно праздновал победу, внизу, в мрачном подземелье его цитадели, разыгрывалась драма. Дымные желтые всполохи пламени от больших масляных ламп освещали странную сцену. Судьба свела вместе две абсолютные противоположности — Эфрель стояла, пожиная глазами скованную цепями фигуру Мкори.

Картина представляла две крайности женской внешности и души. Мкори, искренняя и открытая белокожая блондинка с хрупкой фигурой и прекрасным лицом, воистину ребенок света, съежилась от страха на холодных камнях. А перед ней важно вышагивала Эфрель — черноволосая, с желтовато-бледной кожей женщина, обладающая холодным сердцем и хитростью паука, та, чья необыкновенная красота была изуродована до отвратительного увечья. Эфрель — королева ночи. Душа,

любившая мир дневного света, билась в силах души, наполненной злобной ненавистью.

Мкори в ужасе отпрянула, насколько позволяли цепи, приковывающие ее к полу. Ей хотелось бежать, куда глаза глядят от этой женщины, вернее злобной пародии на женщину, которая недобро глядела на нее. Эфрель наблюдала за своей напуганной пленницей с невыразимым удовольствием.

— Мкори, дорогая, разве ты не узнала меня? — нараспев произнесла она.— Разве ты забыла Эфрель? Конечно, в те времена, когда я жила во дворце твоего отца, я была намного красивее. Но ведь это благодаря его заботам я выгляжу так, а не иначе, не правда ли? Очень жаль, что Марил умер и не смог насладиться созданным им великолепием. А ты, Мкори. Разве плакала ты об Эфрель, когда она умерла?

Ведьма захихикала, наслаждаясь выражением глубокого ужаса, застывшего на лице пленницы.

— Насколько я помню, ты никогда не любила Эфрель, не так ли? Ведь Эфрель обладала слишком темной душой, чтобы поселиться в светлом мирке твоих глупых мыслишек. Ну да ладно. Это простительно. Все простительно, моя милая, потому, что скоро ты заплатишь мне за все сполна.

Она, не отрываясь, смотрела на хрупкую прекрасную Мкори.

— Придется одной Мкори расплачиваться за всю семейку! Скажи спасибо отцу. Милашка Мкори, ты не должна бояться Эфрель. Я не буду сдирать с тебя твою мягкую нежную кожу. Острый нож никогда не коснется твоей великолепной плоти. Ах, ты всегда была такой красивой девочкой!

Не правда ли? Некоторые даже утверждали, что ты красивее меня. Прекрасное дитя, позволь мне осмотреть тебя всю.

Руки Эфрель безжалостно вцепились в свою жертву, срывая с плеч шелковую накидку девушки. Мкори отпрянула назад, пытаясь выскользнуть из ее цепких пальцев.

— Эфрель! Что ты делаешь? Я никогда не желаала тебе зла. Мне обещали, что со мной будут обращаться, как со знатной пленницей. Вместо этого ты приковала меня цепями в своей темнице и пугаешь пытками.

Эфрель дико закудахтала.

— Пытать? Нет, нет. Уверяю тебя, что ни один волос не упадет с твоей золотистой головки. Я не потревожу твоего бархатистого тела. Но, как ты и сама скоро поймешь, милашка, у меня есть все основания, чтобы получше изучить твою красоту.— Она раскачивалась перед своей пленницей, как змея перед загипнотизированной птицей.— Ах, да! Ты ведь еще не знаешь, какую участь я тебе уготовила, моя дорогая? Нет, нет, не пытки. Я обещаю тебе... Ты когда-нибудь изучала оккультные науки, прекрасная Мкори? Бедняжка, ты дрожишь. Как бессердечно с моей стороны забыть, что твой лучезарный маленький мирок вращается вокруг гораздо более приятных вещей. Ты всегда жила в царстве цветущего сада. Твоя жизнь была вечной игрой в приключения, наполненной детским смехом. Поэтому вовсе неудивительно, что в твоих глазах читается такой глубокий ужас при слове «колдовство»... А вот с Эфрель все обстояло иначе. Я была значительно моложе тебя, прекрасное

дитя, когда впервые вынула сердце из груди девственницы и отдала его воющему демону из мира вечной ночи. А Мкори тем временем читала глупую любовную поэзию вместо заляпанных кровью книг по черной магии... По возрасту мы могли бы быть с тобой сестрами. Но ты реввилась на солнечном свете, в то время как Эфрель танцевала во мраке при свете горящей серы. И все же интересно, смогла бы ты думать о чем-нибудь другом, кроме жестокого возмездия, если бы оказалась на моем месте? Если бы это тебя, а не меня Нетистен Мария отдал быку. Мои боги подарили мне шанс отомстить. А твои боги, стали бы они заботиться о тебе?.. И по-прежнему я вижу только ужас в твоих глазах! Сладкая Мкори чувствует страдание только к красивеньким милым вещам. Когда ты в детстве спасала трепещущую бабочку из плена паутины, милая Мкори, ты пролила хоть слезинку над тем пауком, которого лишила добычи? Ведь ты обрекала его на голодную смерть! Мое дитя, ты когда-нибудь задумывалась над тем, во что бы ты могла превратиться, если бы нас при рождении поменяли местами? Чувствовала бы ты симпатию к пауку, если бы родилась ребенком ночи? Если бы в твоем сердце текла темная кровь Пеллинов, а не тепловатая жижица Нетистенов. Возможно, милая Мкори, ты научилась бы петь заклинания, а не цитировать сладкие приторные поэмы. Тогда, может быть, Мкори и покинула бы свои цветущие сады, оставив их на растерзание сорной траве, а сама проводила бы ночи, погрузившись в разгадывание таинственных рисунков, нарисованных на листах из человеческой кожи... Но

я говорила о магии. Если бы твоё детство проходило точно так же, как мое, возможно, тогда ты что-нибудь слышала бы о древнем заклинании, способном перемещать души. Ты, наверное, знала бы, что посредством заговора душу можно изъять из её земной оболочки и спроецировать в космос, а с помощью очень могущественной магии эта плененная душа, украденная из груди, где находилась первоначально, может быть помещена в другое тело. Мкори даже, вероятно, умела бы сотворить это трудное заклинание, которое переносит человеческую душу из одного тела в другое... Эфрель знает такое заклинание, моя милочка!

Колдунья нависла над безвольно склонившейся пленницей. Одной рукой она приподняла её лицо за подбородок, а другой спустила платье с плеч Мкори.

Лицо девушки было бледным и испуганным. Однако в нем сквозило любопытство.

— Теперь, надеюсь, ты понимаешь, почему меня так интересует твоё тело? Милая Мкори, ты смотришь на меня с таким недоумением. Неужели до тебя еще ничего не дошло?! Может, мне следует повторить тебе то, что твой наивный ум отказывается понять? Твое тело скоро будет моим!

Колдунья засмеялась в безумной радости, когда Мкори закричала от ужаса.

— Да! Да, моя любовь. Вот почему я освободила тебя от грубых инструментов пытки. Никакого вреда не должно быть причинено милой, милой Мкори. Потому, что твое тело скоро достанется мне, а твоя душа будет заключена в исковерканную оболочку, которая когда-то именовалась Эф-

рель. Задумайся только над всей ironией этого превращения. Собственная дочь Марила заточена в изувеченное тело, которого он сначала так добивался и которое он впоследствии так изуродовал. А женщина, обреченная им на жуткую смерть, все еще жива и станет вновь прекрасной, получив тело его дочери.

Онемев от ужаса и шока, Мкори смотрела, как ведьма повалилась на пол и начала кататься по холодным камням в приступе безумного хохота. В полуобморочном состоянии, съежившись в цепях, девушка наблюдала как во сне за извивающейся сумасшедшей женщиной, прыгающей вокруг нее в неистовой радости. Дико выкрикивая что-то нечленораздельное, колдунья сорвала с Мкори платье и жадно начала лапать ее тело. Изуродованное шрамами лицо Эфрель ухмылялось буквально в каком-то дюйме. Острые ногти царапали обнаженную плоть. Обтрепанные изорванные губы шептали невыносимые приказания и обещания прямо в ухо.

Мкори хотела отползти, но цепи удерживали ее запястья и лодыжки. Она пыталась освободиться от мерзких объятий, однако сумасшедшая колдунья была слишком сильна по сравнению с ней. Крики девушки тонули в тенях пещеры, спрятанной глубоко под землей. Руки Эфрель грубо ласкали её обнаженную плоть. Мкори была прижата к полу извивающимся телом уродливой колдуньи, которая уже тоже успела раздеться. Превратившаяся в лохмотья губы целовали ее лицо, беззубый рот всасывал и кусал груди. Девушка выла от ужаса, в то время как липкие руки колдуньи

раздвигали ее ноги и заставляли безвольное тело пленницы служить дикой похоти.

Борясь с тошнотой и отчаянно пытаясь вырваться, Мкори извивалась под звериным натиском жесткой ведьмы. Ее охватила паника. Мозг был словно скован всем ужасом происходящего. У девушки возникло ощущение, будто злая волна прибоя ударила ее о камни и теперь не дает ей вздохнуть. Измученную, всхлипывающую Мкори трясло крупной дрожью от боли, отвращения, тошноты и стыда. Внезапно она почувствовала, что падает в глубокий черный колодец. И где-то на дне этого ночных кошмара наконец пришло забытье.

* * *

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Мкори пришла в себя. Девушка долго не могла понять, где находится. На минуту ей показалось, что она все еще мечется в исступленном лихорадочном бреду. Затем пленница, превозмогая слабость, огляделась и, увидев темные камни и цепи, разорванную одежду, царапины и синяки на своем теле, поняла, что ночной кошмар был реальностью.

Она села, чувствуя легкое головокружение, и стала молиться, чтобы эта ужасная сцена все-таки растворилась в небытии, оказавшись сном. Стены уже не плыли перед глазами, но тошнота не проходила. Странные незнакомые запахи наполняли воздух. Время от времени в темноте вспыхивал голубоватый свет.

Осмотревшись, Мкори увидела, что теперь она прикована цепями в центре громадного круга. От

злобного хохота колдуны у нее перехватило дыхание.

— Ты снова со мной. Так скоро, моя дорогая,— насмешливо говорила Эфрель.— Ты, наверное, потеряла сознание от блаженства, которое доставили тебе мои нежные ласки, милый ребенок. Как трогательна подобная скромность в той, что уже даже и не девственница.— Она жестоко засмеялась и снова склонилась над огромными томами со страницами из пергамента.

Вокруг нее высился штабеля других, странно переплетенных древних книг. Повсюду было расставлено множество пузырьков, бутылочек, кра-сок, мелков, ладанов, странных порошков и эликсириров ее черного искусства. Судя по громадному количеству разных оккультных артефактов, которые колдунья собрала вместе, Эфрель трудилась над каким-то грандиозным заклятием некромантов.

— А ты, я вижу, заинтересовалась,— усмехнулась колдунья.— Да, тебе должно быть интересно. В конце концов это касается и тебя лично. Не так ли? Это древнее таинственное заклинание очень сложное. Мне понадобится несколько дней, чтобы все подготовить. И только потом я смогу начать читать его длинный текст. Но поверь, у меня уже все на мази. Я так давно ждала этого момента. Тебе не придется мучиться слишком долго. А для той, что уже целую жизнь страдает от боли и стыда в обличье изуродованного чудовища, которое сделал из меня твой отец, несколько дней — ничто!.. Бедная милашка Мкори, я надеюсь, что промедление не утомит тебя. Мы ведь найдем способы развлекать друг друга время от времени. Ты

и я. А когда тебе станет совсем скучно, просто посмотри внимательно в последний раз на свое прекрасное тело. Боюсь, что новое может тебя несколько расстроить.

Мкори вытянулась на холодных камнях и горько разрыдалась.

— Ты не будешь же убивать ее, Конан? — спросил Эфрель.

— Я не буду убивать ее, — ответил Конан, — но я не буду и оставлять ее в живых.

— Ты не будешь же убивать ее, Конан?

Глава двенадцатая

— Не знаю, почему я до сих пор не вырвал твоё черное сердце, — прорычал Лейджес вместо приветствия. Конан пожал плечами.

— По той же самой причине, по которой ты согласился на эту встречу. Тебе ведь хочется снова увидеть Мкори? Ты не хуже меня знаешь, что если не поторопишься, тебе может не слишком понравиться то, что ты увидишь.

Он помолчал, ожидая пока Лейджес прочувствует всю глубину его последнего замечания.

Объявив всем, что собирается немедленно покончить с любым сопротивлением, Конан отправился в Аграпур практически сразу после своего последнего разговора с Эфрель. С собой он взял довольно большое войско, сформированное из преданных ему бойцов: пиратов, разбойников, наемников и нескольких амбициозных любителей приключений, подобных Имилю.

Туранского ренегата Конан оставил в Призарте, чтобы тот собрал побольше людей и к моменту возвращения своего генерала занял выгодную позицию возле черной цитадели. Киммериец выяснил, что Эфрель удалилась в тайную пещеру, приказав приближенным ее не беспокоить. Может быть, такие действия ведьмы и не были благоприятны для Мкори, но Конана они устраивали как нельзя лучше, давая ему время для воплощения замыслов.

Разыскать то место, где спрятался Лейжес и его банда, для столь могущественного человека, как Конан, не составило никакого труда. Гораздо сложнее оказалось организовать встречу. Но отчаяние и заманчивые возможности, предлагаемые генералом Эфрель, сделали свое дело. Лейжес решил рискнуть. Они договорились встретиться на опушке леса, недалеко от Аграпура. Каждый из них привел с собой пятьдесят вооруженных до зубов воинов, готовых к любой неожиданности. Конан додумывался, что с Лейжесом пришло гораздо больше людей и они прячутся где-то поблизости, в любой момент готовые ринуться на помощь. Но он и сам поступил точно так же.

— Полагаю, ты понял, что именно я тебе предлагаю? — уточнил Конан.

— Твой эмиссар довольно красочно мне все описал, — угрюмо ответил Лейжес. — Только объясни, почему я должен тебе доверять. Не говоря уже о легендах про Конана-Амру, которых я наслышалась в детстве, ты уже и за последние несколько месяцев сделал достаточно, чтобы в нашей империи твое имя стало проклятием на многие столетия.

вперед. Я не сомневаюсь, что ты без малейших колебаний выманил бы меня из укрытия, а затем, захлопнув ловушку, уничтожил бы нас всех до одного. Понятие «честь» тебе не знакомо.

— Ты не прав, — лениво возразил Конан. — Хотя у тебя нет повода доверять мне. Только учти одно обстоятельство. Я без малейшего труда выяснил, где находится твоя банда. И если бы мне действительно захотелось уничтожить вас, то я привел бы с собой большую армию, окружил бы вас и стер с лица земли всех, до единого человека. Для этого мне вовсе не надо было рисковать своей шеей, пытаясь договориться с тобой о встрече. И подумай еще вот о чем. У Эфрель в пленах твоя подруга Мкори. Ты можешь не сомневаться, что колдунья замышляет против нее что-то ужасное. Если бы Эфрель могла думать о чем-нибудь, кроме мести, она, возможно, уже заподозрила бы меня в предательстве. Но колдунья так занята своей пленницей... Я не думаю, что ведьма уже успела сильно попортить ее шкуру! — поспешил добавил Конан, чтобы остановить взрыв негодования со стороны Лейжеса. — Насколько я знаю Эфрель, она непременно продлит себе это удовольствие. Королева начнет с долгих запугиваний. Ей доставляет большое наслаждение видеть смертельный ужас в глазах своих жертв. Я думаю, до физическихувечий дело пока еще не дошло. Эфрель должна сначала вдосталь наиграться. Но можешь не сомневаться, что для того, чтобы спасти Мкори, надо действовать, и очень быстро, а не прятаться здесь среди холмов. Сидя тут, ты ничего не добьешься. И потом, если ты не согласишься

стать моим союзником, у меня не останется иного выхода, как разделаться с тобой.

Не дав собеседнику опомниться и перехватить инициативу, Конан продолжал:

— Поверь, мои люди уже давно загнали бы тебя в ловушку и уничтожили, если бы я не обнаружил, что Эфрель собирается избавиться от меня, как только я покончу со всеми, кто сопротивляется ее власти. Вероломство ведьмы зашло слишком далеко! Но я ей не по зубам. Я — враг туранцев, но меня тошнит от ее методов, от черного колдовства и чудовищных морских демонов, с которыми она заключила союз. Не знаю, что тебе наговорили обо мне, но я нанимался командовать военными силами Эфрель... командовать обычной армией, которая должна была уничтожить моих старинных врагов. Я ничего не знал ни о Эфрель, ни о ее союзниках... На моем месте мог оказаться любой наемный генерал. Черная магия и зверские убийства... Я уже сыт этим по горло, не говоря уже о святотатственной сделке со склередями. Я продавал Эфрель свой меч, как воин, а не как колдун. Мое оружие — стальной клинок, а не магия. С меня достаточно сражений ради амбиций сумасшедшей. И дело не только в том, что она надумала расправиться со мной, едва я сделала за нее всю черную работу. Я хочу, чтобы Эфрель умерла. Ты тоже хочешь, чтобы Эфрель умерла. У меня к тебе такое предложение: ты помогаешь мне, и вместе мы исполним наши желания. Взамен ты получаешь назад Мкори, а если докажешь свою преданность, то и Аграпур в придачу. Разумеется, трон императора я возьму себе, но,

пожалуй, организую свою резиденцию в другом городе.

— Все логично, но я все-таки не доверяю тебе,— прорычал Лейджес, одновременно обдумывая, как скоро он сможет скинуть узурпатора с императорского трона.

— Рискни. Если будешь пятиться назад, ты проиграешь все. Оставаться здесь, это все равно что идти на верную гибель. Доверься мне, и ты получишь не только девушку, но и большую провинцию. Сам подумай, это гораздо лучше того, на что ты реально мог рассчитывать, помирившись с Нестистеном Марилом.

При упоминании о дяде Лейджес разозлился, но, в конце концов, подавил в себе чувство досады. Он хорошо понимал, что у него нет выбора. Вступать в игру вместе с Конаном — безумие, но это была единственная надежда.

— Хорошо,— согласился юноша,— будь по-твоему. Но я предупреждаю тебя, Конан, что, если это западня...

— Я знал, что ты здравомыслящий человек и сможешь взять голосу рассудка,— поздравил его киммериец, пожимая руку.— Теперь нам нужно как можно скорее все обсудить и составить план действий.

Лейджесу вдруг показалось, что он уже когда-то давно все это видел.

Глава тринадцатая

Темной ночью, через пять дней после того, как Конан покинул Аграпур, он возвратился в Призарт. Его корабли были набиты людьми до планиров, так как к повстанческим солдатам присоединилась еще почти тысяча императорских. Конан прикинул, что если прибавить к этому количеству еще семь сотен головорезов, оставленных им с Имилем в столице, то получится не такое уж и маленькое войско. Можно будет тайно, без шума, взять Дан-Легех и удерживать его до тех пор, пока город не привыкнет к новому правителью. **Никто не заметил, что с кораблей Конана выгружается слишком много людей, поскольку было темно.** С первого взгляда казалось, что генерал вернулся после обычной военной операции.

Едва последний человек ступил на землю, как Конан сразу отправился искать Имilia. Найдя юношу, он сообщил ему о союзе с Лейжесом. А

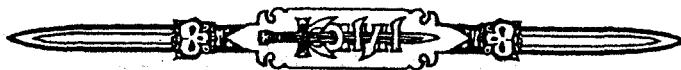
ренегат, в свою очередь, кратко рассказал Конану о том, какие события произошли за это время и как обстоят дела на Пеллине. Имиль был полон энтузиазма.

— Я перетянул на нашу сторону всех, на кого мог положиться. Я смог бы набрать намного больше людей, но не хотел рисковать. Однако не сомневаюсь, что все они поддержат тебя, как только ты сделаешь первый шаг. Я думаю, что одни пеллиниты останутся до конца преданными Эфрель. В конце концов для большинства воинов вождем является Конан-Амра, а не какая-то сумасшедшая колдунья из Дан-Легеха... До сих пор все шло гладко. Эфрель уже несколько дней не показывается. Говорят, ведьма все еще сидит, закрывшись в своей секретной пещере вместе с Мкори. Только Повелителю Демонов известно, каким пыткам подвергается там несчастная девушка. Большинство пеллинитов слишком заняты празднованием, чтобы обращать внимание на то, что происходит вокруг. Я не сомневаюсь, что мы захватим крепость без особого труда.

— Не снимай со счетов Эфрель только потому, что ты ее не видишь, — предупредил Конан. — Эта колдунья наверняка имеет в запасе несколько коварных уловок, которые могут стоить нам жизни. Не забывай, что мы атакуем королеву в ее собственном логове.

— Да, но ведь скирлреди не смогут помочь ей на суше, — беспечно отозвался Имиль, даже просяв при этой мысли.

— Верно, — согласился с ним Конан, задумчиво поглаживая подбородок.

Этой ночью решалась судьба честолюбивых замыслов слишком многих людей. В том числе и судьба его собственных планов. Он горько усмехнулся и достал свой меч из ножен.

— Ну что ж, давай начнем.

* * *

— Пригответься, у тебя уже осталось совсем мало времени,— прошипела Эфрель, рисуя на каменном полу последние элементы в двух сложных пентаграммах.

Ослабевшая от перенесенного ею ужаса и отвратительных таблеток, которыми ее пичкали, Мкори лежала и стонала на одном из этих замысловатых узоров. Эфрель расположилась посреди другого, прихватив с собой только несколько предметов, необходимых ей на последних этапах заклинания.

Колдуны тоже осунулась от недостатка сна, но ее расстроенный перевозбужденный мозг дал ей силы добраться до завершающей стадии столь грандиозного замысла. Все это время она неустанно трудилась, прерываясь только для того, чтобы немного поспать и чуть-чуть поесть. Заклинание перемещения разума было необыкновенно запутанным и сложным. Для этого заговора требовалась масса компонентов, приготовленных с чрезвычайной тщательностью. И часто над одной единственной фазой приходилось читать множество страниц, исписанных магическими словами. Целых два дня ушло у нее на изготовление пасты, которая понадобилась, чтобы нарисовать крохотные фигурки внутри этих двух пентаграмм-близнецов.

Теперь, наконец, последние приготовления закончены. Приковав узницу за щиколотку к центру одного из рисунков, колдунья запечатала пентаграмму Мкори.

— Я не хочу, чтобы, когда ты очнешься в моем теле, ты сразу бросилась ходить. Ведь ты можешь еще больше покалечиться,— сказала она девушке с притворной заботливостью.— В любом случае, тебе понадобится какое-то время, пока ты привыкнешь передвигаться на одной ноге.

И Эфрель сделала короткую паузу, чтобы насладиться безутешными всхлипываниями обреченной пленицы. Затем она взяла в руки книгу по черной магии и начала произносить последние слова заклинания.

Мкори, чей мозг был затуманен порошками, казалось, что отвратительное бормотание тянется целую вечность. Странный холодок пробежал по ее телу. Оно словно онемело. На нее накатывались волны тошноты, перемежаясь резкими приступами нестерпимой боли. Но потом на смену боли пришел тяжелый сон. Даже дышать стало безумно тяжело. Узница почувствовала, как ее душу медленно затягивает в водоворот тьмы, а измученное тело упывает все дальше и дальше от сознания...

* * *

Стражники у городских ворот ничего не заподозрили, когда к ним, покачиваясь, подошли несколько их же товарищей и пьяными голосами потребовали, чтобы их выпустили за пределы города. Но внезапно мелькнули лезвия ножей, и карауль-

ные осели в руках убийц, не успев даже пикнуть. Мгновенно ворота оказались открытыми. Конан проскользнул внутрь, за ним безмолвно последовали отряды вооруженных людей.

— Прекрасно. Здесь мы разделимся на несколько групп. Нужно подойти к Дан-Легеху с разных сторон,— приказал Конан.— Командир каждой группы должен помнить: держаться вместе, двигаться быстро и производить как можно меньше шума. Встречным можно говорить все, что придется в голову. И постарайтесь не ввязываться в драки, пока не достигнете стен крепости. Нужно закончить со всем этим, прежде чем пеллиниты успеют что-либо заподозрить. Удачи!

Конан отдал короткие последние инструкции Имилю и Лейджесу, а сам, возглавив вместе с Арбасом свой отряд, быстро свернул в темноту ближайшего переулка.

Марш по улицам города прошел без приключений и каких-либо событий. Лишь несколько раз заговорщикам понадобилось обнажать мечи. Однако, когда небольшие отряды Конана сошлись у главных ворот Дан-Легеха, население города, чуткое к подобным вещам, уже что-то почувствовало. Наиболее мудрые закрыли дубовые двери на тяжелые засовы и вернулись к своим повседневным заботам.

Стражи Дан-Легеха была встревожена видом небольшой армии, двигающейся по направлению к цитадели. На базальтовых стенах крепости собралось множество вооруженных людей, поднятых среди ночи по тревоге. Однако после великой победы дисциплина во внутренних войсках еще не

наладилась, многие до сих пор не вернулись в крепость, а продолжали где-то праздновать.

Воины сильно поредевшего гарнизона с тяжелым предчувствием наблюдали за окружающими их войсками. Никто не мог предвидеть атаки Дан-Легеха. Даже сама мысль об этом казалась абсурдной. Поэтому, когда пошла речь о защите цитадели, выяснилось, что внутри осталось сравнительно мало людей.

— Что вы хотите? Зачем вы пришли сюда? — время от времени спрашивал капитан караула.

Ему так никто и не ответил. Враты было бесполезно. Любая ложь лишь подтвердила бы подозрения стражи.

В конце концов Конан, дождавшись, когда его войска заняли исходную позицию, прокричал:

— С вами говорит Конан-Амра! Я разоблачил заговор Оксфорса Альремаса, который хочет единовластно командовать всей армией. Я пришел сюда, чтобы арестовать заговорщиков! Как ваш генерал я приказываю вам сдать Дан-Легех моим людям. Если вы послушаетесь, я обрушу стены этого чертова замка на ваши головы!

Капитан стражи не купился на провокацию.

— Это измена! Мы должны хранить верность Пеллину, а не дьяволу в образе предводителя пиратских наймитов!

— Стреляйте! — скомандовал Конан.

Со стороны его солдат на засевших за парапетами стен полетели стрелы. Защитники открыли ответный огонь, и битва за Дан-Легех началась.

У пеллинитов было совсем мало людей, и они абсолютно не были готовы к атаке. Однако их за-

шищали толстые крепостные стены. Конан знал, это будет кровавая схватка, но он рассчитывал, что она будет короткой.

Используя как прикрытие любой выступ и ртынку, воины Конана осыпали стрелами защитников цитадели. Стрелы и копья падали невидимым дождем, несущим с собой смерть. Ночной воздух был наполнен воплями раненых и умирающих. Несколько любопытных горожан рискнули посмотреть на то, что происходит, но либо стремглав убежали сами, либо были сметены шальными стрелами или их убили разбойники, находящиеся в арьергарде. Весть о битве быстро разнеслась по Призарту и долетела до гарнизонов, стоящих лагерем вблизи стен города. Но оказалось, что ворота города охраняются людьми Конана. Таким образом, о попытке дворцового переворота вскоре узнали все. Те, кто был недоволен происходящими событиями, тотчас же были подавлены сторонниками киммерийца. Внутри города начались сражения.

Подвесной мост у главных ворот подняли. Но импровизированные мосты из бревен, досок и другого вспомогательного материала позволили людям пересечь ров, окружавший крепость, и приблизиться к стенам. Атакующие прорывались сквозь град стрел и камней, прячась за сцепленными щитами и просто прихваченными с собой для этой цели досками. Под прикрытием огня лучников Конана им в конце концов удалось взобраться на стены, хотя первоначальные потери оказались ужасными. Несмотря на то что пеллиниты дрались самоотверженно, их оставалось все меньше и меньше, никому было занять места погибших,

Войско Конана значительно превосходило их по количеству. Смертельный удар получили защитники крепости, когда несколько людей киммерийца, которые уже взобрались на стену, перевернули чан с кипящей смолой на головы врагов, пытавшихся сбросить их оттуда. К тому моменту как пеллинским воинам удалось справиться с горящими струями смолы, сеявшей смерть в их рядах, солдаты Конана уже заняли оборону у подножия стены с внутренней стороны.

Теперь все больше и больше сторонников мятежного полководца спускались по веревкам и вевревочным лестницам. Они оттеснили отважных защитников от ворот. Это была отчаянная битва, но, в конце концов, люди Конана добрались до механизма управления подвесным мостом и опустили его. Теперь главные ворота крепости были открыты. Во главе своего войска Конан повел отряд орущих от возбуждения бандитов внутрь цитадели.

* * *

Боль затихла. Затем прошла и тошнота. Даже космическая тьма наконец начала растворяться и сереть.

Свет.

Один глаз открыт. Неясные картины приняли какие-то очертания. Окружающее выглядело не совсем обычно. Привычная обстановка, но словно неуловимо искажена.

Теперь открыты оба глаза. Бурные радостные эмоции захлестнули все ее существо. Навернувшиеся слезы не позволяли детально рассмотреть пред-

меты, будто выхваченные из мрака. Если смотреть одновременно двумя глазами, создавался давно забытый стереоскопический эффект. Непривычно.

Пальцы нерешительно ласкали гладкие линии лица.

Наконец, жуткий смех неописуемого триумфа сорвался с губ, которые никогда раньше не испускали таких звуков.

Эфрель радостно наслаждалась своим новым телом, еще никак не решаясь поверить в совершившееся. В этот момент в пещеру ворвался взъерошенный Оксфорс Альремас. Он открыл рот от удивления и некоторое время стоял как громом пораженный, не в силах произнести ни звука и тупо уставившись на сложные пентаграммы.

— Привет, Альремас.— Эфрель улыбнулась и приняла одну из своих самых привлекательных поз.— Ну как я теперь нравлюсь тебе?

Вельможа не мог произнести ни слова. Он застыл, не веря своим глазам, уставившись на прекрасную блондинку, говорившую с ним голосом, в котором звучали интонации Эфрель. Королева неоднократно рассказывала ему, что собирается отомстить роду Нетистенов, и Мкори в том числе. Она даже намекала, каким путем намерена расправиться с дочерью Марила. Но результат все равно оказался в высшей степени неожиданным. Несколько мгновений Альремас стоял, разинув рот, прежде чем к нему вернулся дар речи.

— Эфрель! Клянусь Повелителем Демонов, ты действительно сделала это! Ты на самом деле переместила свой дух в тело Мкори?

Эфрель мило засмеялась.

— Ты хочешь, чтобы я это доказала? Слушай. Однажды ночью, когда мне было шестнадцать лет, я встретилась с тобой в саду дворца, куда ты пригласил меня. Ты сказал, что на тропинке разговаривать неудобно и увлек меня под густую сень деревьев...

Пеллинский дворянин стоял словно прикованный к месту, в то время как Эфрель заканчивала свой рассказ. Это был эпизод, который не мог знать никто, кроме них двоих. Тогда по наивности Альремас пытался сорвать юную королеву, но когда они спрятались от посторонних глаз все произошло совсем наоборот.

— А теперь быстро возьми этот серебряный нож и открой пентаграмму,— приказала колдунья. Тон и интонации явно принадлежали Эфрель, но голос... Это был голос Мкори.— Да прихвати ключи от цепей. Поторапливайся! Я хочу скорее снова почувствовать, каково это — ходить без костей!

Альремас стремительно бросился исполнять приказания. Он уже оправился от удивления, собрался с мыслями и начал объяснять взъерошенным голосом:

— Тебе надо срочно идти наверх! На крепость напали! Конан поднял восстание! Он сейчас у ворот с сотнями своих людей. Представляешь, этот дьявол даже Лейжеса перетянул на свою сторону! Похоже, что дела приняли плохой оборот.

Прекрасные черты нового лица Эфрель исказила демоническая ярость.

— Давай быстрее, не возись с этими цепями. Ты, болван! Не надо было мне оставлять его в живых после того, как он убил Марила. Другой ге-

нерал мог бы покончить с Лейжесом и с жалкими остатками императорской армии. Дьявол побери эту трижды проклятую душу! Конан заплатит мне за измену. Он будет страдать так, как не страдал до него ни один человек. Я подготовлю этому мерзавцу такой прием, какого он даже и во сне не видел!

Упала последняя цепь. С воем и проклятиями Эфрель побежала по лестнице из пещеры, даже не приостановившись, чтобы одеться.

А позади нее, в безмолвной пустой комнате, медленно приходила в себя Мкори. Она открыла свой единственный глаз, посмотрела на свое тело и закричала.

* * *

Закрепившись у ворот и оставив там людей, повстанческие войска быстро смели часовых, охранявших стены. Расставив и здесь своих воинов, Конан ворвался в цитадель. Внутри, подобно пчелам в улье, на который напали враги, кишили солдаты Эфрель. Пеллиниты сражались бесстрашно и яростно, но у Конана был значительный перевес в силе. Шаг за шагом, по колено в крови он и его люди продвигались вперед.

Правая рука киммерийца благодаря сверхъестественной восстановительной способности организма почти зажила. Конан мог уже ею пользоваться. С длинным кинжалом в правой руке и с мечом в левой он сражался как безумный. Лица так и мелькали перед ним, появляясь и падая. Легендарный Амра, не останавливаясь ни на мгновение, прорубал себе путь через упрямо сопротивля-

ющихихся пеллинитов. Следом шли его люди, закрепляя завоеванные им позиции.

Из головы Лейжеса не выходила Мкори и вскоре он отделился от Конана. С небольшим отрядом преданных ему солдат юноша пробивался через лабиринт коридоров Дан-Легеха в поисках своей возлюбленной. Его мучило беспокойство за девушки, так как молодой человек не был уверен в том, что Мкори до сих пор жива. А если даже он успеет спасти ее, то захочет ли она жить после заточения у колдуны. Может быть, ее убили, когда началась атака?

Лейжес и его люди встречали по пути все меньше и меньше вражеских солдат. Углубляясь все дальше и дальше в лабиринт извилистых коридоров и все время спускаясь вниз, они явно уходили от звуков основной битвы. Предоставив Конану одному продолжать борьбу, Лейжес не останавливался ни на секунду. Юноша торопился как можно скорее найти подземелье, где прятали Мкори. Если он придет слишком поздно...

И вдруг молодой человек увидел ее впереди, прямо перед собой, в едва освещенном переходе. Обнаженная и охваченная ужасом Мкори бежала по направлению к нему. Светлые длинные волосы развевались вокруг ее стройного стана.

— Мкори! — закричал он и прижал ее трясущееся тело к своей груди. — Спасибо всем богам, что я нашел тебя целой и невредимой! Что они сделали с тобой? Конан говорил, что Эфрель собирается...

Эфрель уткнулась лицом в его плечо и начала громко всхлипывать.

— Конан!? Не произноси этого проклятого имени! Я только сейчас смогла вырваться из его спальни. Лейджес, это было ужасно! В ту первую ночь он вошел и заставил меня подчиниться своей воле. Я боролась, но он такой сильный. Он бил меня... Я уже не могла больше выносить боли. Мне пришло удовлетворить его развращенные похоти. Я умоляла его не делать этого...

Коридор поплыл перед глазами Лейджеса в алоей дымке.

— Конан сказал мне, что тебя заключила в тюрьму Эфрель,— начал он сдавленным голосом.— Я присоединился к его войскам, чтобы спасти тебя и убить эту страшную ведьму.

— Я знаю. Конан хвастался мне своими планами, прежде чем отправился в Аграпур. Лейджес, Эфрель никогда и не участвовала в заговоре. Она умерла больше года назад в Аграпуре. Это все было подстроено Конаном. Он нашел какую-то изуродованную старую нищенку и представил ее как Эфрель. Страшный пират использовал этот обман, чтобы организовать восстание, которое втайне разработал сам. Пеллиниты начали подозревать его и решили избавиться от киммерийца. Теперь он хочет уничтожить всех защитников Пеллина прежде, чем они успеют ему отомстить. Этот ужасный человек обманул тебя, чтобы ты помог ему удержать его призрачную власть.— Лицо Мкори было искажено глубоким ужасом, а слова все время прерывались истерическими рыданиями.— Дорогой, теперь он расправится с тобой и снова возьмет меня... Нет! Убей меня сейчас! Пожалуйста! Я не могу больше выносить его похоть. Ни одной ночи!

Лейджес почувствовал, как его душит гнев. Он пытался взять себя в руки, чтобы внятно произнести очень важные слова.

— Спрячься в нижних комнатах. Когда все кончится, я приду за тобой. Больше тебе не нужно бояться Конана. Я принесу тебе сердце этого вероломного дьявола!

Лейджес развернулся и побежал по коридору с воплем о предательстве, приказав своим людям передать всем, чтобы они атаковали любого сторонника киммерийца.

Эфрель согнулась пополам от смеха.

* * *

Первой группой, на которую наткнулся разъяренный Лейджес, был отряд под командованием Имиля. С несколькими десятками людей он проходил по нижним этажам в поисках укрывшихся пеллинских солдат.

— Измена! Убивайте лживых ублюдков! — закричал Лейджес.— Нас предали!

После мгновенного замешательства туранские солдаты устремились на повстанцев, и в коридорах вспыхнул жестокий бой.

— Что за черт? — закричал Имиль, выхватив свой клинок как раз во время, чтобы успеть встретить неистовый выпад Лейджеса.

— Я узнал всю правду о ваших замыслах! — огрызнулся тот, ожесточенно нанося удары.— Но Конану больше не удастся водить меня за нос!

— Да ты с ума сошел! — возразил Имиль, отбиваясь и отступая в замешательстве.

Залы наполнились криками дерущихся людей. Туранские солдаты оказались в большинстве. Небольшой отряд повстанцев быстро терял своих воинов. Они погибали под ударами противника. Во всей этой неразберихе четко были слышны только вопли о каком-то предательстве. Этого оказалось достаточно, чтобы взорвать и без того едва сдерживаемую антипатию между солдатами Лейжеса и Конана.

Имиль вскоре оценил всю серьезность своего положения и попытался перехватить инициативу. Однако Лейжес, ослепленный яростью, неустанно теснил его. От мощных ударов противника рука Имиля онемела, а щит был расщеплен пополам. Ренегат почувствовал, что его охватила паника. Мысли путались. Отчаянно он пытался защитить себя, но соперник был искусным бойцом и оказался более сильным. И вот уже во всем зале кроме Имиля не осталось ни одного живого повстанца. Туранец с горечью вспомнил давнишнее предостережение Арбаса и проклял тот день, когда позволил втянуть себя в замыслы Конана.

Силы его слабели. Ему все тяжелее было отражать удары, и он осознавал это. Внезапный выпад, и меч противника, отскочив от оружия Имиля, вонзился ему между ребер. Юноша задохнулся от боли и выронил свой меч. Мощным ударом соперник рассек ему голову.

— Одним предателем меньше.— Лейжес удовлетворенно улыбнулся и закричал: — А теперь туда, где находится их вероломный генерал! Все за мной!

* * *

Туранские солдаты мчались по лабиринту коридоров. По пути к ним присоединялись соратники. По всей цитадели воины, которые только что сражались бок о бок, теперь внезапно разворачивались друг против друга. Постоянное подозрение в измене и тлеющая враждебность вспыхнули, распаленные словами Эфрель, и вылились в жестокую схватку между мятежниками и туранцами.

В конце концов Лейжес ворвался в главный холл, где он столкнулся с основными силами Конана, все еще сражающимися с остатками пеллинской стражи. С криками о мести туранцы атаковали своих недавних союзников.

Все смешалось в едином вихре хаоса. Три отряда сошлись в битве не на жизнь, а на смерть. В образовавшейся неразберихе стало невозможно быть преданным какой-то одной армии. Гораздо легче было считать, что любой человек, которого ты лично не знаешь,— твой враг.

Наконец, Лейжес увидел своего злейшего врага. Конан отбивался от нападающих на верхней площадке лестницы, ведущей к балкону.

— На сей раз я убью тебя! Ты, король предателей! — И юноша отчаянно рванулся в атаку.— Тебе не удастся избежать смерти!

Брошенный мельком взгляд убедил киммерийца в том, что спорить бесполезно.

— Ты, сумасшедший сукин сын! — заревел он, встречая атаку.

— Это тебе за то, что ты сделал с Мкори, Марилом и всей империей! — в безумии кричал Лейжес, нанося стремительные удары и наступая на Конана.

Но в киммерийце он нашел противника более сильного, чем он сам, а также и гораздо более искусного воина. Юноше не удавалось пробиться сквозь оборону соперника или измотать его, как он только что проделал с Имилем. Молодой человек не мог заставить Конана отступать.

Киммериец молча парировал каждый удар, каждый выпад, тесня Лейжеса к ступеням лестницы. Хотя легендарный пират истекал кровью от нескольких довольно глубоких ран, кроме того, еще не зажившая правая рука стала напоминать о себе. В ней появилась пульсирующая боль. Стиснув зубы, Конан торопился покончить со своим неожиданным противником. Его изможденное лицо стало еще больше похожим на маску смерти. Методически он наносил Лейжесу удар за ударом, но юноше удавалось отбиваться. Гнев, казалось, придал туранцу сил. Он отчаянно защищался, время от времени даже делая яростные выпады.

Конец схватки пришел неожиданно. Конан отбил великолепный удар, который мог оказаться для него последним, и сделал обманное движение длинным ножом в правой руке. Лейжес немного отклонил свой щит, встречая лезвие врага, и лишь на один миг остался незащищенным. Конану хватило и этого. Он проколол массивным мечом правый бок противника. Клинок проник глубоко, пронзив кирасу и мягко войдя в плоть. С предсмертным криком Лейжес упал на спину и покатился вниз по лестнице.

Конан устало посмотрел на то, как катится тело его врага, и повернулся, чтобы встретить новую угрозу. Битва была слишком горячей, чтобы те-

рять время на смакование побед. Расправляясь с очередным озлобленным туранцем, Конан мучительно пытался понять, что же все-таки произошло. Почему Лейжес набросился на него как сумашедший? В поступке юнца отсутствовала всякая логика. Значит, случилось нечто необычное.

А битва за крепость продолжалась. Очередной пеллинит отклонился назад, чтобы избежать меча Конан, и был аккуратно зарезан Арбасом.

Наемный убийца тоже выглядел ошеломленным внезапными изменениями, произошедшими в тщательно составленном плане Конана. Но это никак не отразилось на его действиях. Арбас мрачно сражался бок о бок со своим товарищем, зная, что, какой бы странный оборот ни приняла судьба, Конан обязательно будет одним из тех, кто останется в живых.

— Конан! — раздался требовательный крик.

— Ну, что такое? — Легендарный пират удивленно повернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с Оксфорсом Альремасом.

— Я ждал этого момента, — прошипел пеллинский дворянин. — Я с самого начала знал, что ты предатель. Очень хорошо, что теперь и Эфрель об этом известно. Мне немного жаль, что нельзя убить тебя дважды. Ведь королева тоже мечтает отомстить тебе. Тем не менее я не собираюсь делать такое большое удовольствие даже с Эфрель.

Это была прекрасная речь. Киммериец не стал возражать, сохраняя дыхание, чтобы ответить близостию смертоносной стали.

Пеллинит сражался с кошачьей грациозностью, защищаясь с потрясающей ловкостью. Конану при-

ходилось двигаться очень быстро, чтобы парировать каждый выпад. Его правая рука почти сразу же окончательно вышла из строя. Тем не менее и Альремасу приходилось нелегко. Он редко сталкивался с воинами, которые с такой легкостью сражаются левой рукой. Его, в свою очередь, тоже поражала стремительность Конана. Вельможа не ожидал такой прыти от столь крупного мужчины. В конце концов он с удивлением заметил, что отступает под натиском северянина. С неослабевающей силой его противник мастерски парировал каждый выпад Альремаса.

И вот, с нескрываемым ликованием и торжеством, Альремас увидел, как острие его меча вонзилось в бедро Конана, у самых лат. «Это обязательно замедлит скорость движений дьявола», — довольно улыбнулся он и, чтобы утвердиться в своем преимуществе, сделал выпад. Но то была последняя радость Альремаса в его жизни. Не успела еще улыбка сойти с лица пеллинского дворянина, как меч Конана, отскочив от клинка противника, описал четкую плавную линию и срезал вельможе голову. Тот замертво упал у ног киммерийца, а его голова скатилась вниз по лестнице.

Прижимая правую руку к ране на бедре, Конан выругался и огляделся. Пока он дрался с Альремасом, все остальные пеллиниты либо погибли, либо разбежались. Его люди, чудом выжившие в этой мясорубке, теснили оставшихся в живых туранцев. Итак, судьба вновь улыбнулась ему. Оставалось только выловить всех беглецов внутри цитадели. Должно быть, у тех, кто охраняет крепость снаружи, дела идут тоже неплохо. Иначе

пришедшее к пеллинитам подкрепление уже захлестнуло бы заговорщиков. Если бы внезапное изменение настроений Лейжеса не унесло столько жизней, то его тоже можно было бы считать удачей, поскольку это привело к полному разгрому туранцев.

Быстро наложив бандаж на раненое бедро, Конан устало улыбнулся.

— Ну, как Арбас? Похоже, что империя Турания наконец-то моя?

Наёмный убийца небрежно подкатил ботинком голову Альремаса и кивнул. Голова, тронутая ботинком, как бы тоже кивнула в ответ.

В этот момент Конан вдруг почувствовал необычную скованность в движениях и во всем теле. Его мускулы словно сжались, стянулись и отказывались слушаться хозяина.

«Неужели меч Альремаса был отравлен?» — с горечью подумал киммериец. Вдруг он увидел, что Арбас тоже оцепенел, и все воины в залитом кровью холле застыли на месте битвы.

По всей цитадели солдаты почувствовали необычное напряжение. Тяжесть сковала тела. Все силы ушли из конечностей. Мозг будто стал пленником своей оболочки.

Неимоверным усилием Конан повернул голову, чтобы оглядеться. Его взгляд с удивлением наткнулся на обнаженную женскую фигуру, которая делала руками серию колдовских движений.

— Мкори?!

Глава четырнадцатая

К Лейжесу постепенно возвращалось сознание. Накатила волна страшной боли. Он с трудом заставил себя выпрямиться. По правому боку словно разлился огонь. Клинок Конана проник глубоко, и юноша харкал кровью. Похоже, сломано несколько ребер. Левая рука тоже оказалась поврежденной при падении. Лейжес с удивлением огляделся. В главном холле никого не осталось. Только повсюду возвышались горы трупов.

Как долго лежал он без сознания? Без сомнения, кто-то ведь должен был остаться? Кто-то ведь должен победить?

«Битва, наверное, переместилась в другое место», — решил Лейжес. Он с досадой подумал о Конане. Жив ли еще тот? Судя по трупам вокруг, его собственные люди понесли большие потери. Согнувшись от боли, молодой человек поднял свой упавший меч.

«Ты должен найти Мкори», — подсказал юноше его окутанный болью мозг.

Лейжес повторил это вслух, словно обращаясь к мертвым, и заставил себя идти. Он брел как во сне. Его шаги были скованы, а онемевшие ноги, казалось, шли сами по себе, не слушаясь хозяина. Юноша вспомнил, что велел Мкори спрятаться в нижних этажах, и начал продвигаться в этом направлении.

Коридоры казались бесконечными. Лейжес проходил дверь за дверью, слабо выкрикивая имя Мкори. И только взоры мертвых встречались с его ищущим взглядом. Он прошел мимо трупа Имilia. Рассеченное лицо смотрело на него обвиняющее. Все дальше и дальше, пошатываясь, шел Лейжес через черный лабиринт подземелья. Неужели никто, кроме мертвых, не бросит ему вызов?

Вдруг юноше показалось, что он слышит Мкори. Он ошалело прислушался. От невыносимой боли в боку ему было очень сложно сконцентрировать на чем-либо свое внимание и даже дышать. Но вот опять послышался голос любимой, и Лейжес понял, что это не бред. Издалека, снизу до него доносился голос Мкори.

Перед ним в стене зиял черный дверной проем. Да, звуки доносились оттуда. Крепко сжав меч, Лейжес вошел в дверь и начал спускаться по длинной темной лестнице.

Ступеням, идущим вниз, казалось, не было конца, и Лейжес уже начал думать, что никогда не доберется до цели. Но голос становился все громче, и юноша заставлял себя идти дальше. Внезапно нескончаемый пролет оборвался. Молодой че-

ловек очутился на низком балконе с широкими ступенями, ведущими вниз в фантастическую пещеру.

Посреди пещеры находился громадный черный бассейн, вокруг которого стояли несколько сотен солдат. Они просто неподвижно застыли. Позы людей были странными. «Словно множество статуй», — подумал Лейджес. Затем он с удивлением заметил среди них своих людей, а также узнал многих воинов Конана. Да, там был и сам Конан, а рядом с ним уродливая Эфрель...

Но больше всего поразила юношу Мкори, его Мкори, которая ходила взад-вперед перед странно обездвиженными фигурами. Сцена выглядела как-то совершенно нереально. «Что бы это могло значить? — подумал Лейджес. — Неужели Мкори каким-то образом удалось взять в плен всех этих воинов?» Словно во сне озадаченный юноша стал выкрикивать имя Мкори. Но ему только казалось, что он кричит. Его голоса никто не слышал.

Постепенно в его сознание начали проникать слова, которые произносила девушка.

— Ах, Конан! Если бы ты мог видеть себя со стороны. Каким удивленным ты выглядел, когда почувствовал, как мое коротенькое заклинание действует на тебя и крадет твою силу. А теперь ты стоишь тут, вместе со всеми предателями, которые последовали за тобой. Совершенно беспомощный, не способный ни ходить, ни просто кивнуть головой, если я не дам тебе на это разрешения. Помнишь тех, других? Ты их видел, когда они тоже были под действием моего заклинания. Вспомни их судьбу. Ты помнишь их судьбу? Это

будет здорово! Ты стоишь на краю бассейна совершенно беспомощный, как сейчас, а на поверхности воды появляются скилреди. Они придут за тобой. Это будет похоже на ночной кошмар. Когда ты хочешь убежать... и не можешь. Хочешь закричать... и тоже не можешь. Разве не ты сам описывал мне действие этого заклинания именно такими словами? Теперь к твоему широкому научному кругозору прибавится еще знание о том, как заканчивается этот кошмар. Ты прочувствуешь на себе.

Она рассмеялась со злорадным триумфом.

— Разве у тебя, Конан, нет слов, чтобы поздравить меня с моим новым телом? Прекрасное тело, не правда ли? У меня еще не было времени насладиться им в достаточной мере. Так мило с твоей стороны, дорогая Мкори, подарить мне его. Я уверена, что твой отец очень удивился бы такой щедрости. Жаль, что бедняжка Марил не дожил до сегодняшнего дня и не увидел, каким образом я завершила свою месть. Но я так еще и не успела спросить тебя, как тебе нравится твое новое обличье? Поговори со мной, милая, милая Мкори.

— Не можешь ли ты убить меня и покончить с этим? — донесся тихий безнадежный ответ из узурпированного обрубка.

Эфрель усмехнулась.

— Что?! Ты хочешь умереть так скоро? Маленькая глупая сука! Я просила у твоего отца быстрой и чистой смерти. Полюбуйся, какую милость он окказал мне. Как жаль, что я не могу устроить для тебя подобный праздник! Чтобы ты прочувствовала, каково это, когда тебя тащит бык через издевающийся, насмехающийся город. Но ведь на

этих костях практически не осталось плоти, чтобы изуродовать ее еще больше. Это было бы уже не столь интересно. Не правда ли, Мкори?

Итак, у меня теперь тело прекрасной Мкори,— торжественно заключила ведьма.— А тебе придется удовольствоваться изувеченным обрубком, который твой отец оставил мне. В любом случае, если ты хочешь смерти, тебе не придется долго ждать. Скилреди скоро придут сюда, чтобы поужинать. Я предоставлю тебе свободу выбора. Сходить на ужин к скилредям или пожить пока в новом теле.

Потихоньку до Лейжеса стал доходить смысл происходящего. В измученное болью сознание юноши проникло понимание того, что Эфрель каким-то образом украла тело его возлюбленной. Преступление было столь чудовищно, что оно даже не укладывалось в голове. Тем не менее колдунье как-то удалось сделать это. Паутина бреда и исступления потихоньку рассеялась, и он стал соображать более четко. Силы внезапно вернулись в его тело. Боль исчезла.

С хриплым криком «Эфрель!» Лейжес спрыгнул с низкого балкона и побежал к злобному существу, которое прикрывалось, как маскарадным костюмом, телом Мкори.

Эфрель удивленно повернулась на крик и хотела было поднять руку, чтобы остановить несущегося к ней окровавленного воина заклинанием. Заклинанием, которым она поймала в ловушку своих врагов и которое давало ей силу и власть над всеми, вошедшими без ее ведома и разрешения в ее крепость. Но у нее уже не было времени сдержать мстительного призрака.

Лейжес погрузил свой клинок в грудь некогда любимого тела. Он пронзил оскверненную красоту холодной сталью.

Эфрель вскрикнула. Яркая кровь хлынула из раны. Пальцы колдуньи тщетно хватались за клинок. Ее глаза зло блеснули, словно королева пытается сконцентрировать на чём-то все свое внимание, а затем потускнели. Лейжес, не отрываясь, смотрел на девушку, которую любил.

Но колдунья опять всех перехитрила. Сбежав из умирающей оболочки, Эфрель поменяла физические оковы и снова вернулась в свое изуродованное тело. А душу Мкори она отдала убитой плоти девушки.

— Лейжес, спасибо тебе... Я...— Слабый голос оборвался, и Лейжес взглянул в мертвые глаза своей возлюбленной еще раз.

Он вновь начал звать ее по имени. Но слова захлебнулись в сильном потоке густой крови, хлынувшем из его горла. Последняя вспышка сил иссякла, и Лейжес упал замертво на тело своей возлюбленной.

Все это произошло за считанные секунды, однако происшествие отвлекло колдунью, и ее заклинание чуть-чуть ослабло. Пытаясь воспользоваться этим, чтобы вырваться из-под влияния магии, Конан изо всех сил напрягал свои мускулы. Он привлек все имеющиеся в его распоряжении резервы физической энергии и заставил повиноваться собственные губы. Медленно и очень старательно Конан прохрипел слова контраговора, которому давным-давно научил его один из колдунов далекого Китая. Главное, не ошибиться

ся! Только бы он правильно распознал секрет Эфрель!

Контрзаклинание сработало, и Конан оказался на свободе. И не только Конан. Все воины начали потихоньку выходить из транса.

Но в этот момент на полу зашевелилось изувеченное тело колдуны. Обретя свою старую плоть, дух Эфрель быстро освоился в старом теле. Одинокий глаз колдуны сверкнул безумной ненавистью. Поднявшись на ноги перед оцепеневшими солдатами, она открыла рот, чтобы вновь наложить свое заклинание.

С быстротой молнии Конан выхватил копье у одного из солдат. Прежде, чем колдунье удалось произнести хотя бы слово, киммериец вонзил острие прямо в ее сердце.

Сильный удар отшвырнул Эфрель на пол. Она упала, навзничь и стала извиваться на черных камнях, подобно пронзенной змее. Но вот силы оставили ее. Безумный смех кровавой пеной сорвался с губ. Колдуны издала последний жуткий вопль: «Отец!» и затихла.

Однако ужасы на этом не кончились. И последний превзошел все предыдущие. Очертания изуродованного мертвого тела Эфрель стали меняться на глазах у присутствующих. Пальцы рук потеряли свои суставы и стали значительно короче. Голова втянулась в туловище, а рот и нос соединились в одну громадную дыру, в то время как разрушенные глаза стали круглыми и белыми. Кожа потемнела и заблестела, словно смазанная слизью, просачивающейся сквозь раздувшуюся мерзкую плоть. Изуродованные ноги стали бескост-

ными и тонкими. Они почти растворились. И в конце концов труп Эфрель превратился в обезображенную тушу скеледри.

На секунду даже Конан застыл от неожиданности, но потом, схватив большую горящую масляную лампу, поднял массивный медный сосуд высоко над головой и с силой бросил его вниз на труп чудовища. Поток горящего масла вылился на мерзость — получеловека-полускеледри. Облака вонючего дыма поднялись от потрескивающего погребального костра.

Не успело еще эхо предсмертного крика Эфрель замереть под сводами мрачной пещеры, как в черном бассейне появились скеледри. Приглашенные заранее на пир твари, а их прибыло несколько десятков, были готовы получить свою праздничную трапезу. Морские демоны высовывали свои щупальца и хватали тех, кто оказался ближе к краю бассейна. Они утаскивали свои жертвы на дно, в черную воду. Солдаты, еще не успев отойти от предыдущей ужасной картины, не сразу поняли, какая страшная участь их ожидает, если они не отойдут от края бассейна.

— Назад! — закричал Конан. Схватив Арбаса, который еще находился в оцепенении, он рванулся к лестнице.

Чудовища, по-видимому, догадались о трагедии, разыгравшейся в пещере и стали проявлять агрессивность, словно вымешая свою злобу на заговорщиках. Теперь уже из бассейна высовывались и громадные черные щупальца араищей. Каким-то чудом этим бескостным тварям удалось протиснуться через довольно узкий для них тоннель, и

они приплыли на пир вместе со своими господами.

Подобно гигантским косам, их щупальца сметали все вокруг, дотягиваясь до самых дальних углов пещеры. Они дюжинами опрокидывали людей на камни, а затем затаскивали их в бурлящую воду. При каждом взмахе щупальца арайши еще умудрялись схватить кого-нибудь своими присосками. Огромные лампы попадали на пол, разливая вокруг масло. Образовавшиеся ручейки пламени ярко пылали на голых камнях.

Конан первым достиг лестницы. За ним, не отставая, бежал Арбас. Позади них раздавались вопли людей, а в сполохах огня мелькали пирующие черные тени.

Вскоре тьма поглотила пещеру и всех, кто в ней был.

Эпилог

С палубы «Ары-Тейвинга» Конан пристально смотрел, как растворяются в туманной дымке на горизонте черные руины, одиноко возвышавшиеся над плоской береговой линией острова Пеллин.

Когда он, вырвавшись из подземной пещеры Дан-Легеха, поднялся наверх, то обнаружил, что его войско уже почти все перебито. Особенно большие потери они понесли из-за того, что неожиданно пришлось сражаться с людьми Лейжеса, да и омерзительная сцена в пещере Эфрель забрала много жизней. Все это нанесло смертельный удар по далеко идущим планам Конана. Теперь, когда все жители острова поднялись на борьбу с ним, бесполезно было и пытаться победить упрямых пеллинитов столь малочисленными силами. Собрав небольшую горсточку все еще верных ему людей, Конан пробился к порту, захватил «Ару-

Тейвинга» и вышел в открытое море, оставив за собой хаос и разрушения.

— А что такое странное случилось с Эфрель там, в подземной пещере? — спросил Арбас, который, отышавшись, смог наконец поразмыслить о последних событиях. Вечно насмешливый тон наемного убийцы на этот раз прокралясь нотка благоговейного ужаса.

— Слухи о том, что отцом Эфрель был демон оказались правдой, — задумчиво ответил киммериец. — Каким-то образом, может быть, с помощью черной магии, да, впрочем, кто его знает как, Пеллину Отрину удалось добиться богомерзкого совокупления женщины со склередью. Никто не ведает, зачем ему это понадобилось, но в результате появилась на свет Эфрель. Ничего удивительного, что ее мать после той ночи, проведенной в пещере колдуна, сошла с ума.

Да, Эфрель была изумительно красива и имела вполне человеческую внешность, впрочем, как и все оборотни. Однако вряд ли ведьму можно отнести к их числу. Она ведь не могла менять свой облик, когда захочет. Я часто задумывался, как ей удается запросто общаться с такими бесконечно чуждыми нам тварями, как склереди. Ее связь с ними оказалась гораздо глубже, чем можно было предположить. Полудемоническое происхождение Эфрель также объясняет и множество других странностей, если подумать. А если вернуться к вопросу о том, что произошло в самом конце, так, подобно всем оборотням, после смерти Эфрель обрела свое истинное обличье. — Конан с досадой сплюнул в воду в направлении едва ма-

ячащей на горизонте береговой линии. — Да, похоже, в нашей игре нет победителя. Никому не удалось достигнуть своих целей. Что же касается меня, то мне нельзя дальше здесь оставаться. Это не безопасно. После всего, что произошло, просто немыслимо собрать еще одну армию, достаточную большую, чтобы еще раз завоевать Туран... А не податься ли мне теперь на юг и не взглянуть ли, что происходит сейчас в более цивилизованной части мира. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как я пытал счастья в южных землях. Не сомневаюсь, что с триремой и хорошей командой на борту я найду, чем там заняться. — Он улыбнулся своему товарищу. — Хочешь присоединиться ко мне, Арбас? Я покажу тебе земли, где простой человек может завоевать для себя царство королевства.

— Нет уж, спасибо, — решительно ответил Душегуб. — Лучше высади меня в каком-нибудь порту, где я смогу пересесть на другой корабль и вернуться обратно в Зингару, в темные переулки Кордовы. У меня такое чувство, что мое призвание — быть наемным убийцей, а не искателем приключений. И кроме того, я обратил внимание, что люди, которых сталкивает с тобой судьба, долго не живут.

Конан расхохотался.

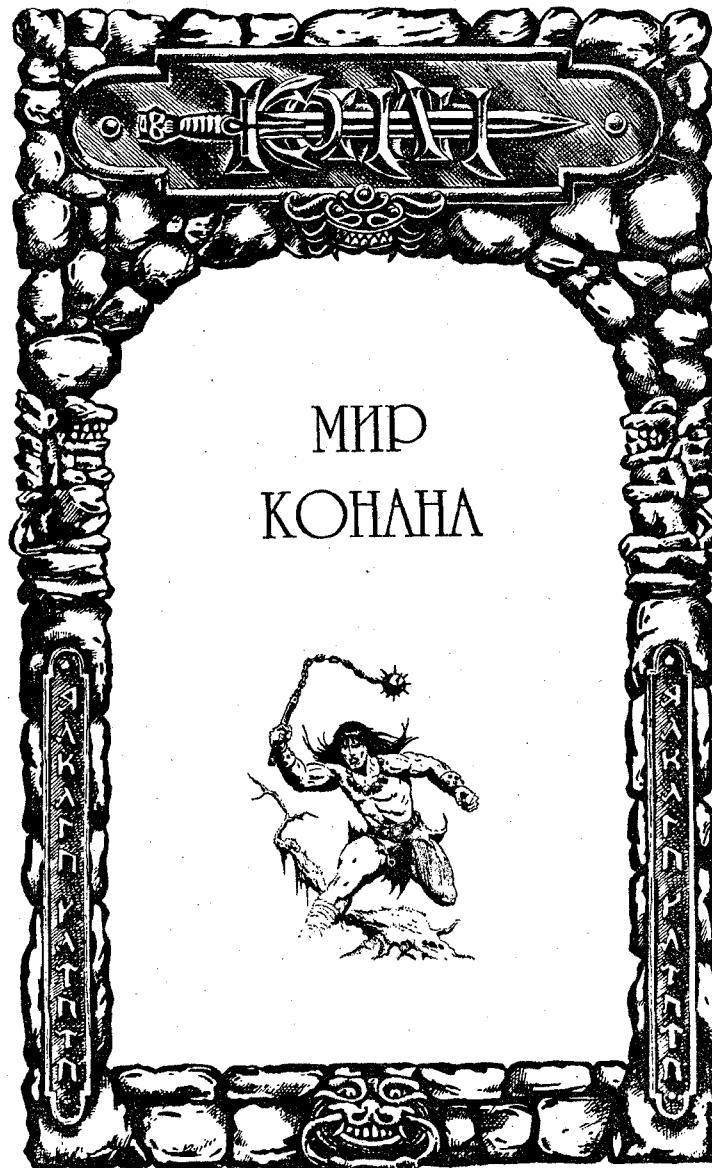
— Может быть, мы отправимся в путешествие как-нибудь в следующий раз.

* * *

Через две недели Арбас стоял на пристани в южном порту Хоарезма и задумчиво глядел вслед

кораблю Конана. Тот отправлялся дальше в своем бесконечном скитании. Солнце только-только показалось над водой. И может быть, Душегубу просто показалось, что небеса над покачивающейся на волнах триремой окрасились в кроваво-красные тона.

МОСТ ЛЬВА

Лев Митры в море колдовства
У в Ад ведущего моста.
Цепь Жизни вызывает гнев,
И Смерти жаждет страшный лев.

Строики заклятия разнеслись по ущелью, когда их громко произнес посланник из Тарантии. Бериг натянул поводья жеребца, остановившись рядом со своим спутником, и рассмеялся грохочущим басом. Его смех, подхваченный эхом, стих где-то впереди.

Путники остановили коней у входа в лощину. Перед ними, почти сливааясь с дикой природой, возвышались огромные, вырезанные из камня головы — каменные боги, монолиты, загромоздившие все ущелье. Их огромные задумчивые лица взирали на двух путешественников, в то время как один из них изучал надпись, вырезанную высоко над бровями ближайшей к ним головы.

Бериг, наемник, нервно обернулся, когда эхо стихло до шепота, и посмотрел на сияющее в вышине солнце. Он поправил стальной шлем на своей бритой голове.

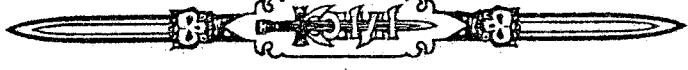

— Значит, ты можешь читать древние письмена,— громко сказал он.— И что же там написано? Какие-нибудь старые поверья?.. Мы до конца дня будем торчать на солнцепеке?

Спутник Берига печально посмотрел на наемника. Его зеленые глаза сверкнули из-под гребенчатого шлема. Беригу показалось, что он смотрит на дикого зверя. Потом чужеземец жестом предложил наемнику ехать дальше.

Бериг пришпорил коня, петляя среди статуй. Некоторое время он спиной чувствовал взгляд своего спутника, последовавшего за ним. Бериг всех людей рассматривал как потенциальных предателей и не спешил предоставить кому-то шанс себя подловить. Что нужно от него посланнику, наемник и не догадывался. Далеко на юго-востоке при помощи предательства и коварства враги разбили войска варвара — короля Аквилонии. Теперь же город Шамар, находящийся на территории Аквилонии, оказался осажден армией Кофа. Быть может, этот избалованный молодой писец несет известия в столицу Тарантии, хотя приехал-то он с севера. Бериг внимательнее присмотрелся к своему спутнику.

Что-то в чужеземце раздражало Берига. При росте чуть выше среднего незнакомец сильно сутулился, словно ученый, которым скорее всего и был. Очевидно, он мог читать древние надписи. Его посадка в седле и характер также противоречили упряжи его коня, которая скорее подошла бы какому-нибудь придворному, и позолоченной легкой броне. Лицо у него было темным, орлиным... Такой же аквилонец, как король или сам Бериг.

— Почему вы выбрали меня в сопровождающие, господин? — последнее слово Бериг произнес с глубоким сарказмом, а потом прибавил: — Ведь в гарнизоне многие знают эту дорогу. Некоторые даже лучше меня.

— Я выбрал тебя, потому что у тебя репутация убийцы, — искренне сказал его спутник.— Мне нужен... настоящий воин.

Бериг рассмеялся. Он был скорее польщен, чем оскорблена. Теперь он стал больше доверять придворному. В любом случае этот человечек был в два раза меньше в обхвате, чем наемник, и Бериг жалел его, потому что он-то сам имел силу колесничего, а другие-то нет. Однако...

— Если вам нужна защита, почему же вы не взяли отряд... или вы не заметили большую заставу у подножия холмов?

— Мое дело слишком деликатное, чтобы разъезжать по горам с большим отрядом, — объяснил посланник.— К тому же, когда я проезжал мимо, на заставе никого не было. Похоже, шемы короля Кофа уже захватили большую часть страны. Уверен, что и до той заставы добрался или сам король Кофа, или его проклятый колдун. В любом случае, перед тем как отправиться дальше, я рассказал обо всем капитану твоего гарнизона.

Наемник опешил. Если цитадель у подножия горной цепи обезлюдела, дорога на Тарантию открыта. Любая достаточно большая армия, совершив обходной маневр и войдя в Аквилонию через северные границы королевства, могла с легкостью смять слабые гарнизоны, оставшиеся на их пути. Несколько человек, служивших на посту Бе-

рига, на плато за спиной путников, никогда бы не выстояли против большого отряда.

— Где этот мост льва? — спросил посланник так, словно спрашивал о каком-то пустяке.

— На две мили отъедем от ущелья, и вы его увидите, — усмехнулся Бериг.

Каменные головы теперь остались позади, и путники ехали по узкой полоске грязи с непротивными стенами по обеим сторонам. Наёмник снова пришпорил коня, подумав о том, что, быть может, вражеская армия уже напала на его гарнизон. Неожиданно он резко натянул поводья. Конь его встал на дыбы. Когда подъехал посланник, воин загородил ему дорогу своим конем и выставил перед собой обнаженный меч.

— Кто ты? — спросил Бериг. Его меч предупреждающе сверкнул, когда его спутник, натянув поводья, остановил своего коня. — Держись на безопасном расстоянии и отвечай.

— Меня зовут Аркюэл. Родился я аргосцем, но стал аквилонцем по собственному выбору, — улыбнулся посланник. Он не вытащил меч, а снял с руки широкий браслет и передал его наёмнику. — Как ты знаешь, я придворный писец, и в данный момент — посланник.

На орнаменте браслета были отчеканены символы власти Аквилонии. Бериг слышал, что такие браслеты носит только придворная стража, но он не спешил. С огорчением спрятал он свое оружие, ведь его спутник так и не обнажил меча, и вернулся браслет посланнику.

— Слишком долгий путь проделал ты, чтобы быть простым курьером, — заметил наёмник. —

Долгий путь от границы до заставы. Нам осталось лишь пересечь эти горы... возможно, указывая путь вражеским колоннам.

— Если бы я был шпионом, я бы не сказал тебе, что Тарантия осталась без защиты, — возразил Аркюэл. Он оставался совершенно спокоен. — Ты правильно решил... Если враги пойдут на Тарантию, то это — единственный путь. Я не путешествую просто так, потому что не этому меня учили. Враги хотят как можно быстрее захватить столицу, напав на нее с севера, потому что самые последние слухи говорят о том, что наш король бежал из Кофа.

— Почему же ты не сказал мне об этом раньше? — упорствовал Бериг. То, как Аркюэл повел плечами, подсказало наёмнику, что не стоит доверять объяснениям этого человека. Но, сделав вид, словно ничего не замечает, наёмник прибавил: — Значит, нам ничего не остается, кроме как бежать. Точно так же, наверное, поступит и мой гарнизон.

— Нет, если они послушают своего капитана, — сухо ответил Аркюэл. — При мне он поклялся на мече задержать врага. Быть может, уже сейчас они ведут безнадежный бой... Показывай дорогу!

— Ладно, но теперь ты поедешь впереди. Я тебе не доверяю.

Аркюэл из Аргоса проехал мимо наёмника. Странная улыбка играла на его темном лице.

— Аркюэл-аргосец, — пробормотал про себя Бериг, пока они ехали по гористому ущелью. Солнце теперь стояло в зените, и круто поднимающиеся стены не давали защиты от его ослепительных

лучай. Бериг присматривался к человеку, ехавшему впереди.— Ты был принцем воров в Поитане. Они называли тебя леопардом.

Посланник кивнул. Бериг слышал о странном человеке, который чувствовал себя как дома в библиотеке Тамары и который, согласно слухам, долго жил в одиночестве в темных джунглях Шема. Потом наемник недоверчиво фыркнул. Разве мог этот золоченый щеголь выжить в диких краях?

Он уже собирался с привычной грубостью задать Аркюэлу очередной вопрос, когда они достигли конца ущелья. Дорога превратилась в широкий тракт, обвивающий стену огромного утеса. В сотне ярдов на другой стороне огромной пропасти поднималась совершенно голая скала, белая в солнечном свете. Тысячью футами ниже ревела узкая речушка, пробившая себе дорогу через плато.

Дорога вела только в одну сторону — вправо, к огромному каменному мосту, перекинутому над пропастью. Он имел только один огромный пролет и был достаточно массивен и прочен, чтобы выдержать армию, достаточно широк, чтобы на нем могли разъехаться две колесницы. Когда путники приблизились к нему на крепких, но испуганных конях, они увидели огромного льва, вырезанного из камня слева от дороги, там, где мост упирался в противоположную сторону ущелья.

Переехав через мост, Аркюэл из Аргоса спешился и повел коня в поводу. Сняв шлем, он прицепил его к седлу.

— Ведь это — единственный путь через горы?

— Конечно, другого нет,— усмехнулся наемник.— Остальная часть горного хребта — непреодолимый барьер. Его называют Адом Митры. Посмотри на эти скалы... Какая армия сможет через них перебраться? Только сыны богов могли проложить этот путь, и они так и сделали. Поехали, не стоит здесь задерживаться!

Аркюэл подошел поближе к статуе присевшего льва. Зверь выглядел массивным, много больше лошади, и был вытесан из белого камня. Посланник поднял руку. В этом жесте проявилась вся его властная натура. Он приказал воину:

— Послушай!

Наемник спешился, и оба путника прислушались. Эхо цокота копыт доносилось сзади, из ущелья, откуда они недавно выехали. Враги, очевидно, находились уже возле каменных голов в начале ущелья.

— Давай, дурак,— выругался Бериг и потянулся за мечом.— Аквилония обречена, а ты стоишь, восхищаясь пейзажем! Ты аквилонец не больше, чем я. Еще раз застрянем, и я тебя прирежу.

— Да ведь мы уже пришли,— заявил Аркюэл. Одним быстрым движением он сбросил короткий плащ и хлестнул им по бокам жеребцов, которые, испугавшись, промчались мимо статуи и понеслись дальше по ущелью с обрывистыми склонами.

— Слабоумный! — закричал Бериг, замерев от удивления, когда посланник бросил плащ и выхватил меч.— Ты хочешь в одиночестве сражаться против отряда кавалерии Кофа?

— Нет, я заставлю исполниться старинное проклятие,— спокойно ответил Аркюэл. Он усмехнулся.

ся, и глаза его засверкали словно изумруды.— Я уже прочитал его тебе. Вот то место, куда я стремился. Один из нас должен здесь умереть. Потому я и выбрал тебя.

— Так умри же сам, пес поганый! — выплюнул Бериг и прыгнул вперед. Аргосец сделал шаг в сторону, прижался спиной к статуе и отбил удар клинка наемника. Мечи засверкали на солнце. Пара сражающихся стала двигаться туда-сюда, обменявшись ударами.

Аркюэл оборонялся, с легкостью парируя каждый могучий выпад наемника. Через несколько мгновений аргосец понял, что в искусстве фехтования он превосходит противника. Он задел бедро Берига, чтобы доказать это самому себе, и яростный вор наемника прибавился к звону мечей.

Аргосец знал о древнем пророчестве задолго до того, как приехал сюда. Он прочитал о нем в истрапанном временем свитке, хранившемся в подвалах дворца в Тарантии. Даже став свидетелем многих чудес, он скептически относился к сверхъестественному, однако — как и сказал Беригу — он затеял рискованное предприятие — единственное, что могло остановить армию Кофа.

Бериг усмехнулся и выругался, поняв, что его противник лишь тянет время. Как только отряд всадников оказался в поле зрения, вынырнув из ущелья, наемник насыпал на Аркюэла.

Аргосец неожиданно перестал защищаться и, рубя сплеча, кинулся на своего противника, оттолкнув его туда, где, присев на корточки и повернув голову, застыл каменный лев. Они остановились, задыхаясь, в тени возле статуи, в то время

как армия Кофа вступила на гранитную арку моста.

Закованные в броню рыцари, направив было своих коней через мост, натянули поводья в пятидесяти ярдах перед львом по приказу бородатого предводителя, поднявшего руку. Сняв черный шлем, воин внимательно посмотрел на двух сражающихся.

Бериг взглянул на отряды всадников. Он резко отступил на шаг и, сняв шлем, в отчаянии бросил его в лицо врагу.

Аргосец отбил клинком шлем в сторону, но в его обороне открылась брешь. Он оказался прижатым спиной к подножию льва. Бериг сделал смертоносный выпад, но посланец проворно запрыгнул на лапу каменного зверя и, оказавшись чуть сбоку, ударили наемника мечом сзади по шее.

Тут же аргосец выронил меч, который со звоном упал на каменную лапу. Его левая рука метнулась и сжала пояс наемника, едва не рухнувшего в пропасть. Аркюэл покачнулся, но не дал тяжелому телу наемника полететь вниз. Когда мертвый Бериг повалился на землю, посланник повернулся к предводителю кофийцев, одетому в черное.

— Достаточно,— проговорил всадник без какого-либо восхищения.— Тебе не повезло, потому что ты одет в платье аквилонского придворного. Почему ты не дал этой туше исчезнуть в пропасти?

— Наш друг, кстати, тоже служил Аквилонии,— усмехнулся Аркюэл, толкнув носком сапога тело Берига.

Два рыцаря вышли вперед, повинуясь жесту чернобородого, но аргосец отвернулся, не обращая на них внимания. Он приподнял тело наемника, взвалил на плечо, подтащил его назад и, прилагая нечеловеческие усилия, положил перед мордой льва, обрызгав кровью огромную голову и гриву.

— Да ведь это жертва,— рассмеялся чернобородый. Два рыцаря как по команде остановились, когда Аркюэл повернулся и, наклонившись, подобрал свой меч.

Потом наступила короткая пауза. Кофийцы знали: или этот человек сам сдастся, или они его убьют. Но в любом случае он умрет, потому что небольшой авангард армии не мог позволить себе брать пленных. Всадники не двигались, застыв в облаке пыли, которое подняли копыта их коней. Их шлемы и копья сверкали в солнечном свете. Позвякивание брони и стук копыт нервно переступающих с ноги на ногу коней лишь подчеркивали тишину гор.

За эти несколько секунд аргосец о многом успел подумать. Он чувствовал, что свалил дурака, рискинув всем из-за древней чепухи. Только его собственная жизнь имела значение. А королевство, где он был чужестранцем, могущественный король Конан, правящий им,— ничего не значили. Приближающаяся смерть была намного реальнее, точно так же, как прикосновение теплого солнечно-го луча к его лицу, меч в его руке, грязная каменистая дорога, на которой он стоял.

И тут что-то зашевелилось у него за спиной. Волосы у Аркюэла встали дыбом. Он почувствовал,

вал, как высвобождается огромная колдовская сила.

Еще в детском возрасте Аркюэл испугался ветви, которая неожиданно взмыла в воздух, превратившись в насекомое, которым и была на самом деле. С тех пор ему часто казалось, что стоит пристальнее посмотреть на неподвижный предмет, и тот начнет двигаться. Сейчас же — сверхъестественным образом — Аркюэл почувствовал, что ему снова придется сыграть в эту детскую игру... Если он повернется и посмотрит на льва... Но... он не смел шевельнуться.

— Ожил! Ожил! — послышались крики солдат. Два лейтенанта, вышедшие было вперед, отступили.

— Солнце! — закричал предводитель кофийцев.— Это всего лишь блеск солнца! Замолчите!

Словно в ответ на слова чернобородого Аркюэл почувствовал движение у себя за спиной. Посланник упал плашмя, когда гигантская тень нависла над ним. Адский рев пронесся по ущелью.

Лев Митры с грохотом встал над Аркюэлом. Его огромный хвост разбил меч посланника, так что только двухдюймовый обломок остался в его руке. Люди и лошади слетели с моста, словно листья, которые стряхнула с себя ветвь дерева. Воины вопили от ужаса, давя друг друга в головокружительном бегстве, устремившись назад по ущелью. Даже те, кто был далеко от льва, толкались, сбрасывая друг друга в бездну.

Аркюэл метнулся в сторону, к мосту, и обнаружил дыру в утесе, футов пятнадцати в диаметре, на том месте, где раньше восседал колосс.

Поток воздуха с такой силой врывался в отверстие, словно в пещере по ту сторону дыры был вакуум. Посланник попытался проскользнуть мимо, но почувствовал, как его затягивает в дыру.

Его сбило с ног и поволокло к отверстию, к которому на самом деле и вел мост. Тропинка, уходящая от моста на равнины, была случайной игрой природы или делом рук людей. Посланец цеплялся за каждый выступ на краю темной бездны.

Посмотрев по сторонам, Аркюэл увидел белого каменного льва, напавшего на воинов на дороге, вытекающей вдоль противоположного склона ущелья. Копья и мечи тех, кто повернулся и вынужден был сражаться с чудовищем, разбивались о каменную шкуру твари, в то время как чудовище победоносно шествовало сквозь их ряды. Холка льва находилась на одном уровне с головой всадника.

А ветер затягивал Аркюэла в открывшуюся дыру, и посланник знал, что эта дыра никогда не заполнится. Он чувствовал, что по ту сторону нет никакой земли. Та тьма была совсем иным местом — местом большим, чем мир, принадлежащий людям.

Мускулы Аркюэла напряглись. Он пытался подтянуться на руках. Бедрами и ногами, раскачивавшимися в воздухе, он чувствовал холод и боролся изо всех сил, пытаясь выбраться из дыры, чувствуя себя мухой, попавшей в паутину. То, что скрывалось в утесе у него за спиной (Аркюэл ощущал это всем своим существом), было обширнее самой глубокой бездны. Там в злобной радости веселилась какая-то тварь. Звук не звук, а что-то

такое Аркюэл чувствовал. Неведомое создание ждало там, за порталом, разделяющим миры.

Но вот он ударился коленями о камень, зацепился за него и рванулся вперед, распластавшись по земле, словно ящерица. Воздух, завывая, омывал его тело. Аркюэл боролся изо всех сил.

За спиной у него было место, которое не могло осветить солнце, и Аркюэл знал — это граница входа в странный мир. Еще он знал, что дверь эта старается закрыться, потому что арка каменного свода над ней уже дрожала, начиная обваливаться. Казалось, сама природа хочет прекратить то, что начал он.

Аркюэл увидел, как закачались и задрожали утесы.

Посланник вжался в землю всем телом, цепляясь за нее, словно она могла помочь ему спастись от чего-то бесконечно чуждого человеку. Сильный ветер хлестал и бил его тело, но Аркюэл оставался на месте.

Согреввшись в лучах солнца, он, откинув осторожность, подобрал ноги к животу, а потом метнулся в сторону. Какое-то мгновение он опасно балансировал, противопоставив ветру всю свою силу, повиснув на руках. Он пытался отыскать опору для ног... Наконец ему это удалось и он выскользнул из смертоносного потока.

Аргосец отполз на безопасное расстояние и попытался встать на ноги. Утесы вокруг дрожали и раскачивались. Мускулы на спине и руках Аркюэла тоже дрожали, но он этого не замечал. Волна дрожи прошла по земле, словно проснулся какой-то великан.

На той стороне ущелья лев все еще сражался с врагами Аквилонии. Он загнал нескольких солдат в расселину, но его собственные размеры не позволяли ему преследовать их дальше. Огромный каменный зверь снова протяжно зарычал и попытался добраться до врагов, но расселина оказалась слишком узкой. Лев стал царапать утесы, вставал на задние лапы, извивался, так что дрожали скалы. Наконец он неудачно повернулся у самого края бездны и полетел вниз, в бурлящий поток, разваливаясь на куски при ударах о стенки пропасти.

Аркюэл из Аргоса не видел, как рассыпавшаяся статуя упала в реку. В поисках убежища он направился по дороге в сторону равнины, и тут слева от него обрушилась скала, снова запечатав дверь в темный мир, похоронив его под тоннами камня. После обвала Аркюэл долго откашливался от пыли и уворачивался от валунов, скатившихся на дорогу. Он забился в расселину в скале и замер там, ожидая, пока дрожь земли не уймется.

Потом он медленно подошел к ущелью, ведущему в сторону Тарантии, которое превратилось в опасную дорогу, потому что теперь пологий склон справа обрывался в бездонную пропасть. Массивный мост до сих пор связывал утесы, но местами обвалился. Постамента на котором стоял каменный страж, больше не существовало...

Через несколько часов Аркюэл поднялся на плато. Отсюда дорога уходила дальше на юг. Хорошо утоптанныя, она кружила по плечам гор. У подножия поросшего деревьями склона паслись два коня. Стерев грязь с лица, аргосец направился прямо к ним.

ЗАВЕЩАНИЕ СНЕФРИ

Я, Снефри, сын Месю, рыбака из Кеми, что расположен в Стигии, диктую эти слова писцу Гапусенебу со своего предсмертного ложа в далеком Замбуле. Перед смертью я проклинаю Конана, короля Аквилонии, за те несчастья, что обрушил он на меня и моего ребенка, став причиной моего нищенского существования вдали от земли, где я родился. Из-за него придется мне умереть в изгнании.

Все произошло осенью в шестнадцатый год правления короля Ктефона IV, когда Тот-Амон, наславший на меня зло, стал Верховным священником Сета. В тот день я возвращался домой, так и не поймав никакой рыбы. Неожиданно из потайной бухточки выскользнуло судно, и четверо черных корсаров взяли меня в плен. Я сильно испугался, потому что на всем океанском побережье известно: корсары — настоящие демоны. Они пытают и убивают всех, кто попадет к ним в лапы.

Под команной капитана Амры они однажды обрушились на прибрежный дворец принца Таманеба, предав всех мечу. Мои братья Тету и Меру, служившие в охране принца, были убиты демоном Амром.

Но корсары не убили меня. Разговаривая на своем варварском языке, они подняли меня и мою бедную лодочку на борт пиратской галеры. Все это случилось в Мангровом заливе. Когда меня подняли на борт корабля, то поставили на колени перед самим Амром, явившимся из ада мучить людей, поклоняющихся Сету. Конан — так Амра называл себя — король варварского королевства Аквилонии, лежащего далеко на севере, там, где люди презирают святого Сета и поклоняются таким дьяволам, как Митра и Кром.

Амра расспрашивал меня. Его интересовало, чем занимается великий священник Татотмис, вернувшись из путешествия в Мессантию. Но откуда же бедняку знать что-то о действиях и мыслях священника Сета? Так я Амре и сказал. Однако он и его корсары посмеялись надо мной. А потом Амра надел мои одежды, забрал мою лодку и куда-то уплыл. Всю ночь я оставался пленником черных корсаров и не мог спать от страха. Эти морские демоны похвалялись тем, сколько стигийцев они убили и сколько обесчестили женщин, и я уже решил, что они будут пытать и убьют меня.

Но на рассвете Амра вернулся. Его нож был обагрен кровью бедных стигийцев. Ликую, показал он огромный красный драгоценный камень своим черным дьяволам и проревел о том, что

теперь они поплынут в Зингару. Потом он подал мне полную шапку золота, отдал одежду и лодку.

Вернувшись в Кеми, я понял, что в эту ночь Сет был со мной. Я попал в руки корсаров и не только сохранил жизнь, но и получил больше золотых монет, чем у десяти человек пальцев на руках и ногах. Однако эта призрачная удача стала лишь первым шагом моего падения, которое и привело меня в нынешнее бедственное положение.

Привязав свою лодку у берега, я вернулся в хижину. Моя жена Нефри и шестеро моих детей обрадовались, увидев меня снова, так как боялись, что я утонул. Нефри рассказала мне о том, что случилось в Кеми этой ночью. Варвар-язычник убил одного из священных сынов Кеми — может быть, ту самую змею, которая в тот год взяла одного из моих сыновей (семья моя этим очень гордилась). И еще в сердце священной пирамиды был убит священник Татотмис и десять или двенадцать жрецов. Там же нашли трупы четырех желтых демонов. Еще говорили, что язычник похитил у священника драгоценность огромной магической силы.

Я показал Нефри золото, и она обрадовалась тому, что больше мы не будем жить в бедности. Однако это были нечестивые деньги, потому что дал их мне язычник Амра, убийца жрецов. На монетах был отчеканен не Сет и лик короля, как на нормальных стигийских деньгах, а какие-то луны, корабли и незнакомые варварские короли далеких, населенных демонами земель. Так что мы спрятали золото в горшок, и я отнес одну моне-

ту на базар к меняльщикам, обменять ее на серебряные сети и медные гюрахи.

Я зашел в палатку меняльщика Оуна и дал ему монету. Тот внимательно осмотрел ее и попробовал на зуб.

— Это аргосианский пол-арго,— сказал он.— Редко приходится их видеть, но несколько таких монет уже попадалось мне.

Он дал за нее мне шесть сети и два гюраха, а я не торговался с ним, чтобы он не стал высматривать меня, где я взял эту монету.

Домой я вернулся в хорошем настроении, потому что сети — плата за день тяжелого труда, и самый большой мой улов стоил на рынке два с половиной сети.

Нефри просила меня о многом: чтобы мы переехали в новый дом в престижном квартале Замлек, чтобы я попробовал стать торговцем, чтобы наш старший сын Готпи смог выучиться на жреца.

Приободренный, я на следующий день отнес Оуну самую большую из монет, в то время как Нефри отправилась в квартал Замлек посмотреть, не прибил ли кто к своим воротам птичьи крылья. Такой знак означал, что человек хочет продать свой дом. Оун посмотрел на монету, но в этот раз он нахмурился.

— Рыбак, откуда у тебя аквилонская луна? — спросил он меня.

— Луна, достопочтенный Оун?

— Монета из Аквилонии, где люди поклоняются дьяволице Митре и клянутся до самой смерти ненавидеть священного Сета. Эй, страж! — зак

ричал он.— Этот человек принес мне аквилонское золото.

На базаре недалеко от меняльщиков всегда дежурил отряд королевской стражи. В палатку вошли трое стражников с мечами наготове. Оун показал им монету. Капитан стражи покосился на нее.

— Точно,— сказал он.— С одной стороны — луна, а с другой — выбит лик отвратительной Митры, топчущей святого Сета. Пойдем со мной, рыбак.

Меня забрали в пыточную короля, и там Верховный жрец Тот-Амон сам расспросил меня, в то время как его палачи работали над моим телом. Они забрали золото из хижины и обвинили меня, назвав сообщником Конана, убившего сына Сета и жрецов. Нефри и детей тоже посадили в тюрьму и пытали — так законы Стигии предписывают поступать с предателями и их семьями.

Через год я предстал перед королем Ктефоном и Верховным жрецом. Они судили меня. Нефри и только один из моих сыновей выжили после пыток. Но жена моя потеряла все волосы. Нам зачитали законы короля Татамона VIII, где говорилось о помощи врагам Сета и Стигии, и по этим законам Высший жрец вынес нам приговор.

— Снефри, сын Месю,— сказал он мне.— С твоей помощью язычник Амра, зовущийся Конаном, королем Аквилонии, старый враг Истинной Веры и народа Стигии, убил сына Сета, убил двенадцать святых жрецов и украл Сердце Ахримана. Ты отдал ему свою одежду и получил золото за предательство. Наш приговор таков: твоя жена и ребенок и все твои родственники до пятого коле-

на будут принесены в жертву великому богу Сету как возмездие за твое нечестивое деяние против нашего бога. А ты — Снефри, сын Месю, отправившись вверх по реке Стикс до Святого Города-Без-Названия и там примешь такое наказание, какое не знали в Стигии тысячу лет.

Я упал в обморок прямо в Судебной палате, потому что меня послали в сердце Стиши, в дом святого Сета, к священникам, знающим пытки, при помощи которых уничтожалось тело злоумышленника, а его душа отправлялась в черную пучину по ту сторону звезд. Придя в себя, я громко проклял язычника Конана, который направил меня по пути греха и по дороге измены. Но проклятия мне не помогли, и в тот день меня заковали в цепи и отправили вверх по течению на речном судне.

Однако это был не конец моих мучений. Когда мы плыли вверх по реке, на нас напали туранские грабители. Все жрецы оказались убиты, а меня и моряков забрали в рабство и продали в Замбуле. Изуродованный и павший духом, я проработал три года носильщиком у уличного торговца, таская по улицам огромные связки шкур. Все стигийцы избегают меня из-за моего великого преступления, люди других народов сторонятся, так как я стигиец и поклоняюсь Сету. Теперь же я умираю и попросил позвать писца, чтобы мое проклятие тому, кто виноват в моих несчастьях, было записано на века. Я прошу всех вас, помолитесь Сету, чтобы он смилиостивился над моей душой!

КОГДА ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО БЕЖАТЬ

После столетий страхов и слухов хайборейские племена потекли на юг, уничтожая все на своем пути и завоевывая новые земли. Северные пограничные районы государства Сета оказались захвачены и разграблены армиями Татотмиса XX, и защитники их бежали. Войска захватчиков не встречали сопротивления, пока не достигли Стикса и древнего Кеми — величайшего столпа, спасшего старое южное королевство. Но богатые северные провинции Сета погибли...

Натмекри, малоизвестный скульптор, решил никуда не уезжать, в то время как все остальные великие искусники бежали... Весь день в замке царила суматоха. Слуги хозяина Магшастеса готовились к бегству на юг, но господа слишком долго медлили. Торопливые шаги, топот, пыхтящие от напряжения рабы, которых заставляли нести слишком много вещей и двигаться слишком быстро, равнодушное ржание и топот лошадей во дворе,

скрип перегруженных фургонов и глухой треск рвущихся ремней, слишком туго затянутых на горах пожиток... крики, проклятия, завывания и приказы... Когда же все уехали, стало восхитительно тихо.

Только одну маленькую статуэтку подготовил к отливке Натмекри. Песчаная форма была готова, маленький горн пылал, и теперь Натмекри потянулся за бруском бронзы. Но его ожидало разочарование. Его сундук для металла оказался пуст. Должно быть, какой-то раб ограбил его прошлой ночью, пока скульптор гулял по лугам вокруг замка. Возможно, парень слышал, что больше всего завоеватели жаждут завладеть бронзой и помилуют тех, кто им ее даст.

Задумчивый взгляд Натмекри скользнул по стенам его маленькой комнаты, расположенной в одной из башен замка. На полках стояло несколько статуэток, инструмент и милая домашняя утварь. Тогда искусник задрал голову. Высоко на голой стене висел древний бронзовый меч, пыльный, почти черный и покрытый паутиной. Поставив стул на стол, Натмекри забрался повыше и достал клинок.

Держа в руке древнее оружие, Натмекри подошел к окну. Через узкую амбразуру он увидел вершину соседнего холма, залитого лучами горячего солнца, и дорогу, пересекающую его. Неожиданно взметнулось облако пыли, и на дороге появились всадники — оборванные воины на маленьких, тощих скакунах. У них были луки, круглые щиты и копья, зазубренные острия которых, как показалось Натмекри, заржавели от крови.

Всадники приближались, скульптор услышал их крики.

Натмекри напрягся и на мгновение, словно воин, сжал старый меч. Потом мастер горько улыбнулся и покачал головой. Когда орда потекла через вершину холма, он отвернулся от окна и стал постепенно опускать меч в узкий мерцающий тигель.

Тонкий, изящный предмет плавился долго. Снова в замке поднялся шум — дикий смех, тонот, гогот, съязнино было, как бьют стекла и ломают мебель. Рычащие проклятия разочарования говорили о том, что начался грабеж. И сам ограбленный — непростительно подло и мелочно ограбленный — посочувствовал грабителям. Когда на свет извлекли съестные припасы и напитки, грабители взвыли, выражая воем те свои чувства, понять которые мог только варвар...

Но вот перекрестье старого меча исчезло в тигле. Когда же алые губы поглотили и гарду, Натмекри взял щипцы и приготовился лить металл.

По лестнице башни загрохотали тяжелые шаги, раздались громкие голоса, а потом кто-то стал колотить в дверь. Она не была заперта, просто сначала ее попытались открыть не в ту сторону: толкнули, вместо того чтобы потянуть. В центре комнаты ярким солнцем пылал тигель. От него поднимались жидкие клубы ослепительного белого пара.

Дверь резко распахнулась. Мгновение варвары стояли на пороге, озадаченные. Потом один из них — возможно, предводитель, который привел воинов в замок, — шагнул вперед и одним широким взмахом зазубренного, но местами еще ост-

рого как бритва, длинного меча отрубил Натмекри голову.

Пульсирующий красный фонтан, неспешно выгнувшись, обрушил поток крови на готовую форму. Шипящий и дымящийся поток. Варвар сделал шаг назад. Потом что-то задело его примитивное чувство юмора. Долго, громко и грубо смеялся он.

Песчаная форма заполнилась кровью и развалилась, оставив крошечную темно-красную фигурку стройной женщины, одетой в длинные одежды. Она загадочно смотрела на завоевателей. Ее голова казалась гвоздиком из металла — из того, что успел залить в форму Натмекри.

Безголовое тело Натмекри какое-то время еще стояло, дрожа в агонии. Но вот пальцы мертвеца разжались, выпустив щипцы. Тонкий ручеек металла от упавшего тигля пробежал по руке мастера и тотчас застыл.

А убийца скульптора смеялся как никогда. Что-то очень забавное привиделось ему в том, как дымящаяся кровь, брызнув фонтаном из перерубленной хайборейским мечом шеи скульптора, в три удара сердца заполнила форму и, застыв, превратилась в последнюю статуэтку Натмекри.

СОДЕРЖАНИЕ

Сэм Феллан

КОНАН И МОРСКАЯ КОЛДУНЬЯ

Перевод с англ. А. Нарушевой

7

МИР КОНАНА

Перевод с англ. Ю. Горобца

Рэй Капема

МОСТ ЛЬВА

401

Джон Бордмен

ЗАВЕЩАНИЕ СНЕФРИ

415

Фриц Лейбер

КОГДА ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО БЕЖАТЬ

421

Литературно-художественное издание

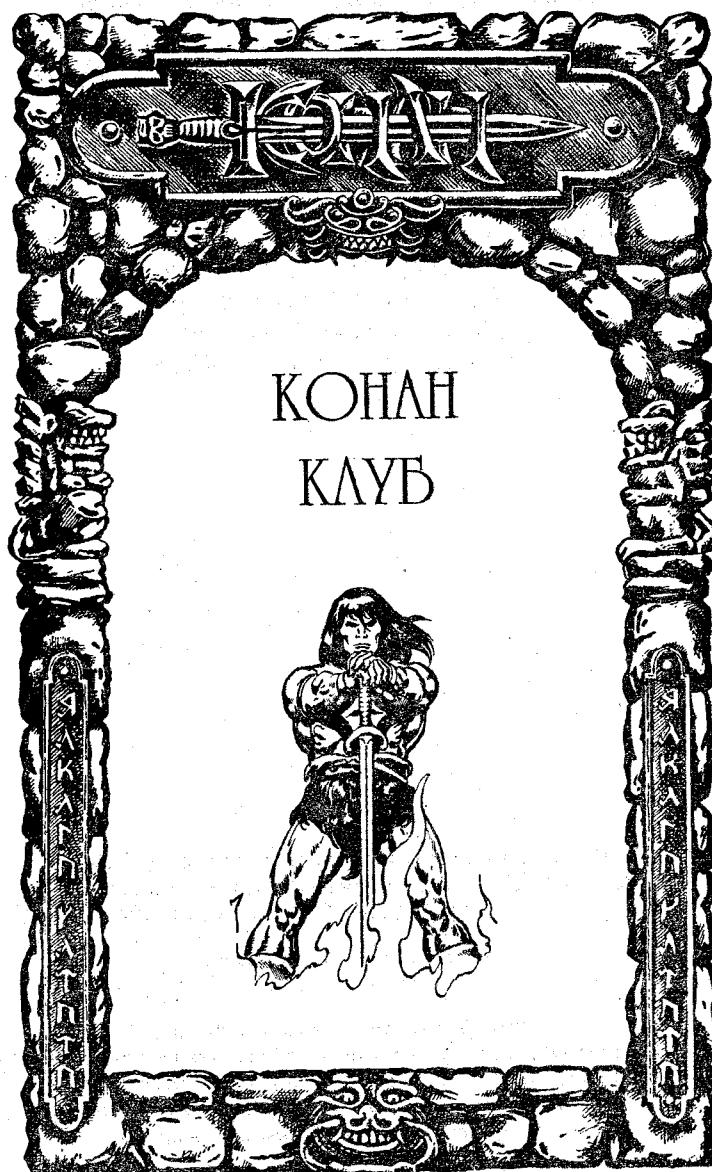
КОНАН И МОРСКАЯ КОЛДУНЬЯ

Ответственный за выпуск Александр Тишинин
Редактор Игорь Петрушкин
Художник Александр Лидин
Верстка Анны Новиковой
Корректор В. В. Безымянская

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.03.00.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Печать высокая.
Усл. печ. л. 16,3. Тираж 7 000 экз. Заказ № 849

Издательство «Северо-Запад»
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

199155 Санкт-Петербург, а/я 153

SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

Э.Ф.РАССЕЛ
“БЕЗУМИЙ МИР”
Д.КЭМПБЕЛ
“ЛУННЫЙ АД”

КАКДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

Сага о Конане.

1. Конан и Четыре стихии.
2. Конан и Боги тьмы.
3. Конан и Меч колдуна.
4. Конан бросает вызов.
5. Конан и Повелители пещер.
6. Конан и Песня снегов.
7. Конан и Небесная секира.
8. Конан на Дороге королей.
9. Конан принимает бой.
10. Конан и Карусель богов.
- 11 Конан и Дар Митры.
12. Конан и Ночные клиники.
13. Конан и Гrot Дайомы.
14. Конан и Зеркало грядущего.
15. Конан и Время Жалящих Стрел.
16. Конан и Псы войны.
17. Конан и Талисман Зла.
18. Конан и Бич Нергала.
19. Конан и Город плененных душ.
20. Конан и Источник судеб.
21. Конан и Сердце Аrimана.
22. Конан и Багровое око.
23. Конан и Призраки прошлого.
24. Конан и Воинство мрака.
25. Конан, варвар и Киммерии.
26. Конан и Рыжий Ястреб.
27. Конан и Пленники бездны.
28. Конан и Заговор теней.
29. Конан и Копье Крома.
30. Конан и Врата Вечности.
31. Конан и Алмазный лабиринт.
32. Конан и Расколотый идол.
33. Конан и Чаша бессмертия.
34. Конан и Ледяной страж.
35. Конан и Торговцы грезами.
36. Конан и Алтарь победы.

37. Конан и битва Бессмертных.
38. Конан и Пожиратели падали.
39. Конан и Берег проклятых.
40. Конан и Оковы безмолвия.
41. Конан и Владыка небес.
42. Конан и Древо миров.
43. Конан и Кольцо власти.
44. Конан и Зов Древних.
45. Конан и Пророк Тьмы.
46. Конан и Гнев Сета.
47. Конан и Храм ночи.
48. Конан и Кровь воров.
49. Конан и Подземный огонь.
50. Конан и Мятеж четырех.
51. Конан и Клеймо змея.
52. Конан и Хозяин океана.
53. Конан и Корона мира.
54. Конан и Посланник света.
55. Конан и Морская колдунья.

***** fantasy *****

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ щит против зла

С. ДИЛЕНИ

“ДРАГОЦЕННОСТЬ ЭПТОРА”

Г. КАТТНЕР и К. МУР

“СЕВЕРОЗАПАДНЫЙ СМИТ”

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

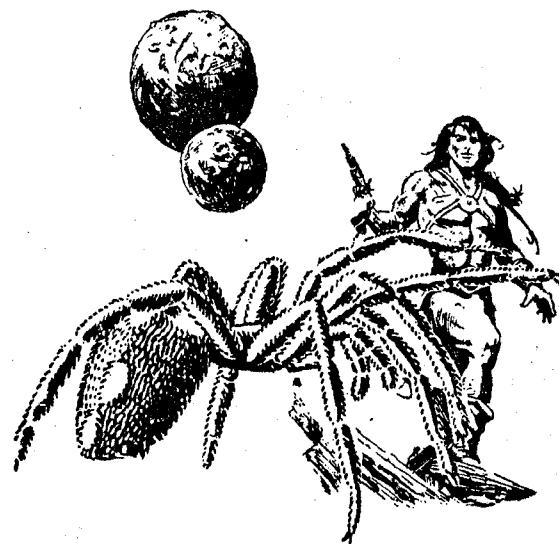

МИР ПАУКОВ

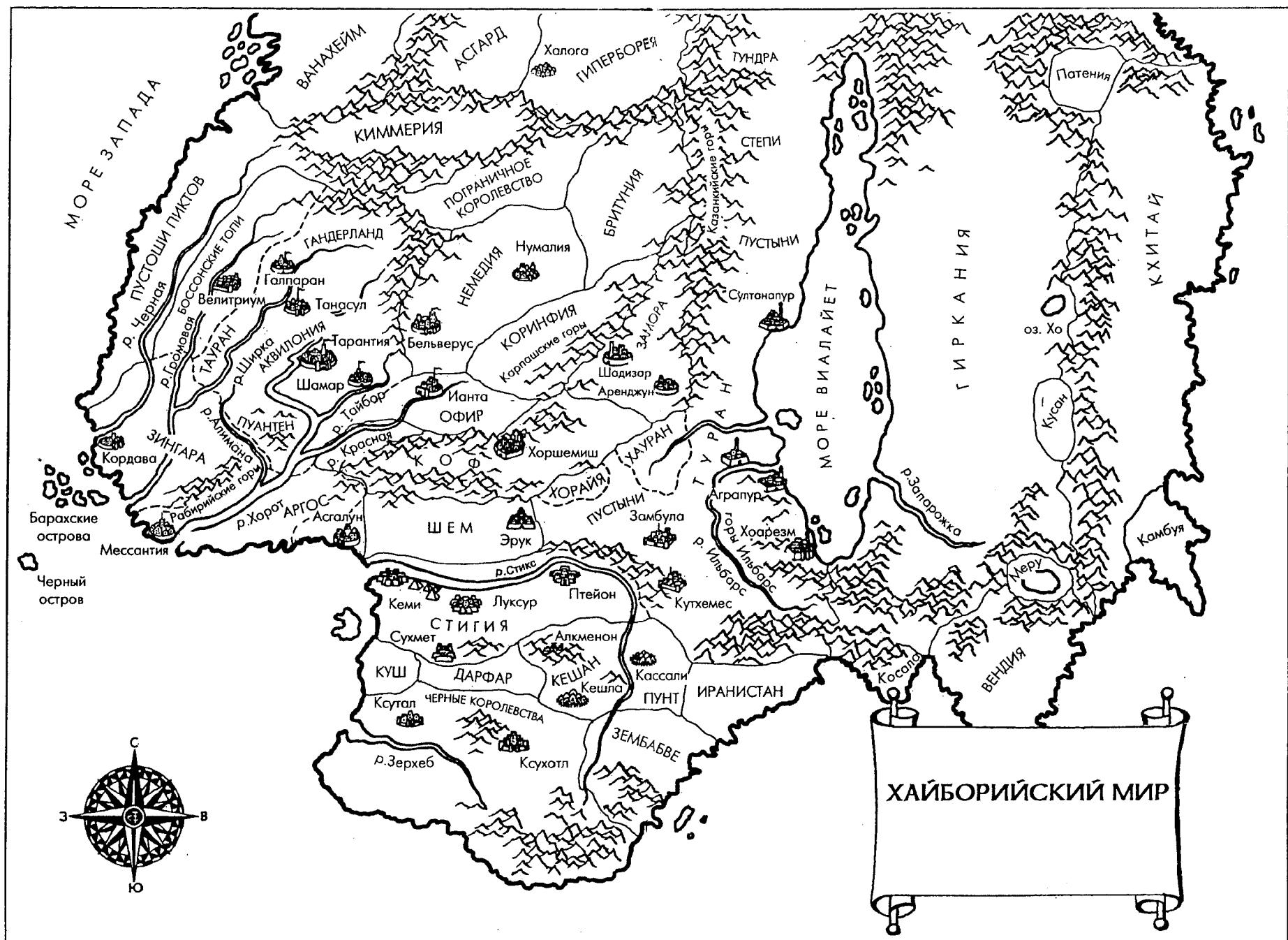
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

КНИГА IX
"МСТИТЕЛЬ"
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

KOAH

